

РАЗДЕЛ IV

ЭТНОГРАФИЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЗОНАЛЬНОГО РАЙОНА

А.А. Голяшова

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК СЕЛА ШУБЕНКА ЗОНАЛЬНОГО РАЙОНА ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ В ЗОНАЛЬНЫЙ РАЙОН 2002 ГОДА И ПО АРХИВНЫМ ДАННЫМ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПЕРЕПИСИ 1917 ГОДА

Село Шубенка, как и ряд других сел Зонального района: п. Октябрьский (1745), с. Савиново (1745), с. Новая Чемровка (1775), с. Луговское (1771), с. Плещково (1777), с. Буланиха (1778) возникло в XVIII в. По данным Ю.С. Булыгина, датой основания села является 1750 г.

В своей истории она имела несколько вариантов названий: д. Шубенка, д. Шубенская на р. Шубенка, село Шубенка центр Шубенского с/с Зонального Бийского (1926). По переписи 1893 г., в Шубенском была церковь, общественное питейное заведение, общественный хлебозапасный магазин, количество земли 4645 дес. [1]. По переписи 1911 г., количество земли было 12113, имела церковь, хлебозапасный магазин, церковно-приходскую школу, мануфактурную лавку, две маслобойни, семь мукомольных мельниц, волостное правление, две мелочных лавки и казенную винную лавку. В 1926 г. в Шубенке был сельский совет, школа, приходская школа, библиотека, избачитальня, лавка общего пользования. Мельницы имели Первов и Горелов (1909), Переходжев (1923), Ращупкин (1910). Существовала коммуна «Плуг и молот».

Таблица 1
Динамика численности населения Шубенки в период с 1745 по 1989 гг.

Год	Количество хозяйств	Муж. пол	Жен. пол	Всего человек
1763		50	41	
1782		105	205	
1782		205	120	
1785	31	104	117	227
1789		34	27	
1792	32	111	128	
1795		110		
1795		112	130	
1811		46		
1824 (1816)		75		
1882	203	432		
1893		1120	1200	
1911	414	1740	1750	
1917	540			
1926	703	2034	2216	4250
1926	711	2034	2216	4250
1932		2006		
1959		1799		
1989		619	716	1335

Первые поселения, по словам И.Ф. Нестерова, возникали на водных путях или на тракте. «Вот и выбрали первые поселенцы такое место при слиянии двух рек: Шубенки и Чемровки» [2]. В то время, по его словам, эти реки в половодье сильно разливались и мосты постоянно ломались. В задачу жителей входило: поддержание в рабочем состоянии проезжей части, мостов, снабжение Бийской крепости продуктами питания, а также заготовка дров. Иван Федорович рассказывал, что в прошлом было очень много лесов в округе, а вдоль рек вообще – непроходимые дебри. Лес был смешанным: береза, осина. Он же рассказал две легенды происхождения названия села Шубенского. Согласно первой версии, название села произошло от фамилии первопоселенцев – Шубиных. По другой версии – первые поселенцы прибыли на место, где сейчас находится село, поздно осенью, когда на реке пошел первый ледок, многие одеты были в шубы. «Начали поить лошадей у реки, одна заартчилась и порвала хозяину шубу – отсюда и название села – Шубенка» [2].

В 1865 г. Кабинет разрешил переселение, и с середины XIX в. начинается процесс массового переселения из центральной части России. Уже в 1867 г. в Шубенку переселяется восемь семей, а с 1877 г. наблюдается значительное увеличение потока переселенцев. За период с 1867 по 1885 г. в деревню переселились 234 семьи (табл. 2). Статус села Шубенка приобрела в 1883 г., когда была построена церковь.

Места выхода переселенцев из губерний Европейской России
в Шубенку за период 1850 по 1896 гг. (количество семей)

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1891	2										2
1892	5										5
1893	1										1
1894	1										1
1896	1										1
Всего:	212	19	15	8	1	3	1	2	2	2	263

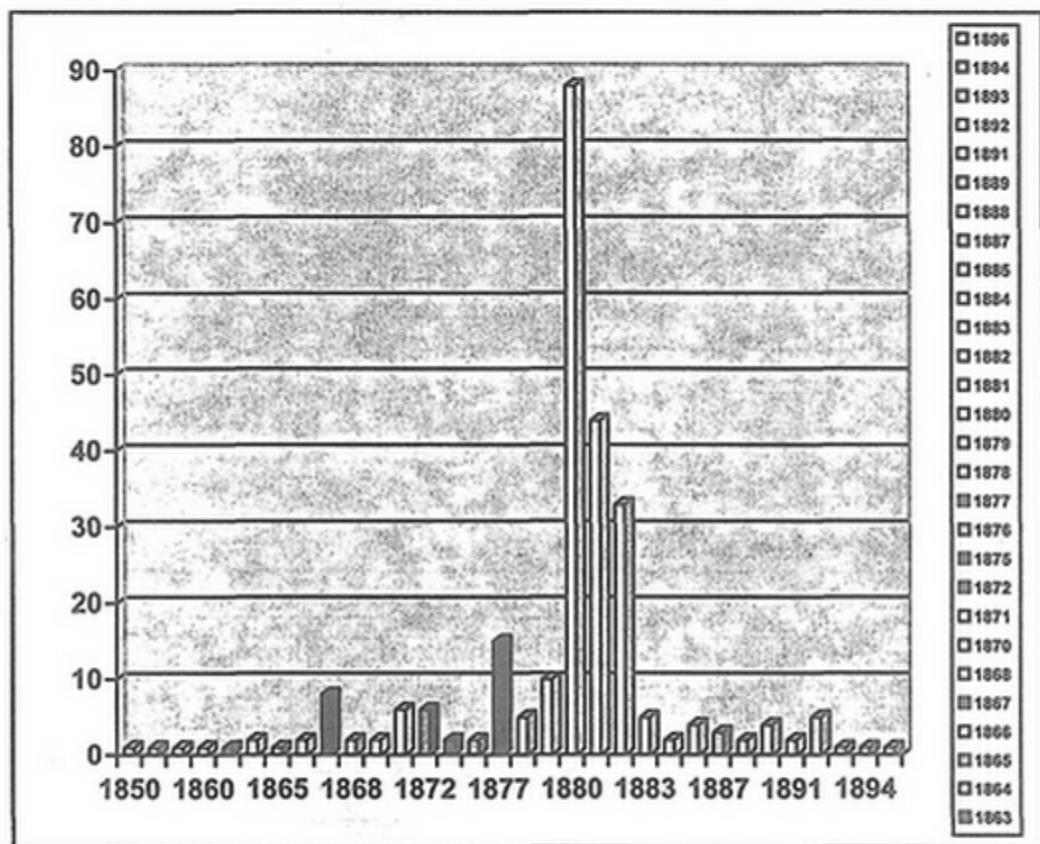

Рис. 1. Распределение численности семей переселенцев из различных губерний в Шубенке с 1850 по 1896 г.

Большинство переселенцев в Шубенку были выходцами из Рязанской губернии (212 семей из 263), из-за компактности поселения их в Шубенском, часть села стали называть Рязановкой. В ходе подселений в село, Шубенка стала делиться на три части: Рязановка, Бурановка и Старая деревня, а также на несколько «краев»: Дудин, Баланцов, Немецкий и Вшивый. «Бурановка» получила название из-за того, что эта часть села выходила «на ветер». «Оттуда ветры идут, а зимой бураны», — говорили местные жители. Дудин и Баланцов края названы в честь первых поселенцев, заселивших эти края Шубенки. В 1941 г. из Саратовской области было направлено 25 немецких семей. Сначала немцы жили в бараках, их не обижали, а наоборот, помогали, давали коров. Позднее на месте, где были бараки, образовался Немецкий край. Вшивый край, видимо, был назван так потому, что в этой части села оседали переселенцы, которые доходили до Сибири нищими, их пренебрежительно называли «вшивыми».

По воспоминаниям старожилов, переселенцы, прежде чем привезти всю семью на новое место, посыпали «ходоков». Те, облюбовав место, возвращались за семьей. В одиночку не переселялись, собирались повозок 20–30. Старались выезжать ранней

**ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК СЕЛА ШУБЕНКА ЗОНАЛЬНОГО РАЙОНА
ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ В ЗОНАЛЬНЫЙ РАЙОН 2002 Г. И ПО АРХИВНЫМ
ДАННЫМ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПЕРЕПИСИ 1917 Г.**

весной, чтобы за лето успеть освоиться, построить временное жилье. Землю выбирали так — староста села и наиболее почетные жители собирались в специальном доме и отводили пустующий участок земли. По словам А.П. Михалева, землю давали по количеству сыновей в семье, на женщин землю не давали [3].

На втором месте после Рязанской губернии, были выходцы из Тамбовской губернии — 15 семей. Всего из центра европейской части России в период с 1850 по 1896 г. прибыло 228 семей. Из Пензенской и Вятской губерний переселилось четыре семьи, из Воронежской губернии — восемь семей, из Пермской (Урал) — две семьи. Часть новоселов появилась в результате внутренних миграций из Тобольской и Томской губерний (Западная Сибирь) — 21 семья (табл. 3).

Таблица 3
Места выхода переселенцев Шубенки за период 1850–1896 гг.

Губерния	Число семей	Губерния	Число семей
Рязанская	212	Пензенская	3
Томская	19	Вятская	1
Тамбовская	15	Тобольская	2
Воронежская	8	Пермская	2
Курская	1	Всего	263

Как показала перепись 1917 г., переселенческие семьи были большими: из 263 семей — 104 имели в своем составе 6-8 человек (40%), 78 семей — 9-11 человек (30%), а самая большая семья — в составе 15 человек (табл. 4).

Таблица 4
Состав семей переселенцев и старожилов Шубенки по данным 1917 г.

Состав семей (чел.)	Число семей					
	Переселенцы		Старожилы		Всего	
	всего	процентное отношение	всего	процентное отношение	всего	процентное отношение
1	8	2	3	1	11	2
2	7	3	12	4	19	4
3	9	3,5	26	9	35	6
4	15	6	31	11	46	8,5
5	23	9	47	17	70	13
6	32	12	35	13	67	12
7	41	16	39	14	80	15
8	31	12	26	9	57	11
9	35	13	27	10	62	12
10	29	11	14	5	43	8
11	14	5	9	3	23	4
12	11	4	7	3,5	18	3
13	7	3	1	0,5	8	1
15	1	0,5	-	-	1	0,5
Всего	263	100	277	100	540	100

Примером большой семьи переселенцев, включавшей несколько поколений, служила семья Петра Андреевича Гришина. Она состояла из 12 человек: хозяин и его супруга (по 65 лет), четыре сына (30, 25, 23, 18 лет), дочь (16 лет), внук (5 лет),孙女 (6 лет) и три снохи (30, 25, 23 года). Старожильческие семьи были чуть меньше: 121 семья из 277 состояла из 5-7 человек (44%), 67 семей — 8-10 человек (24%). Примером крупной семьи старожилов являлась семья Ивана Филипповича Вишняко-

ва (43 года). В состав входили: жена (40 лет), пять сыновей (21, 18, 15, 10, 2 года), две дочери (7, 6 лет), две снохи (19, 18 лет), мать (80 лет).

Основным занятием населения Шубенки было земледелие и мясомолочное скотоводство. Всего посевов было 4020,55 дес., на одно хозяйство приходилось 7,5 дес., что соответствовало средней норме посева на Алтае (8 дес.). Первое место по площади посева занимала яровая пшеница (521 семья из 540 семей). Из посевых культур наиболее распространенной технической культурой был лен (402 семьи). Акулина Яковлевна Егоркина рассказывала, что лен сеяли в мае, а в августе его рвали, подсушивали в снопах, а затем уже сушили в бане, для того чтобы мялся лучше. Когда лен подсыхал, его мяли, а затем трепали, пока чистым не станет [4]. Пряли лен в октябре-ноябре, а потом ткали на «краснах» полотно. Ткани красили краской (красной, черной, синей), которую покупали в Бийске. Посевы льна в 402 из 540 семей позволяют сделать вывод о широком распространении домашнего ткачества. Овес по занимаемой площади посева стоял на втором месте, что говорит о развитии скотоводства. Кроме того, крестьяне сеяли просо, гречиху, коноплю. По словам Петра Ивановича Кожемякина, коноплю жали, сушили, мяли и делали из нее веревки [5]. Из овощей самым распространенным был картофель. Подсолнечник, горох, рыжик сеяли мало. И.Г. Безпалов посеял табак (0,05 дес.), Д.Н. Демин для пробы посадил подсолнечник (0,1 дес.), а И.Е. Лепунов рыжик – (0,1 дес.) (табл. 5).

Таблица 5
Виды посевых культур в крестьянских хозяйствах Шубенки

Культура	Площадь (дес.)	Число хозяйств	Процентное отношение
Яровая пшеница	2219	521	96
Овес	1506,7	483	89
Лен	57,55	402	74
Картофель	38,3	294	54
Конопля	77,9	275	51
Просо	66,5	101	19
Гречиха	36,5	64	12
Яровая рожь	4,4	3	0,5
Подсолнечник	2,1	3	0,5
Горох	1	2	0,4
Рыжик	0,1	1	0,2
Табак	0,05	1	0,2
Всего:	4020,55	540	100

В целом хозяйства были многопосевными, что позволяет отнести Шубенку к селу с хорошими экономическими показателями. Большине половины дворов по посевным показателям относились к середняцким. Бедняцкими были всего 26% хозяйств, зажиточными – 20,5%. Самые большие посевы (48,8 дес.) имели Г.С. Михалев, переселенец из Рязанской губернии, семья которого состояла из 11 человек, и С.А. Тихонов, переселенец из Тамбовской губернии, семья которого состояла из 10 человек (табл. 6).

Таблица 6
Группировка хозяйств Шубенки по площади посевов

Группа хозяйств	Площадь посевов (дес.)	Число хозяйств	Процентное отношение
1	2	3	4
Бедняцкая	без посевов	28	5
	1–4	113	21
Середняцкая	4–12	287	53

1	2	3	4
Зажиточная	12–15	42	8
	15–25	56	10
	25–48,8	14	2,5
Всего	—	540	100

Важным показателем уровня обеспеченности крестьянских дворов является наличие скота. Природно-климатические условия требовали для ведения хозяйства большого числа лошадей. Для распашки залежи требовалось не менее 3–4 лошадей (табл. 7). Анализ таблицы 7 показывает, что почти половина хозяйств Шубенки (49%) были середняцкими. Такие семьи имели по 3–5 лошадей. Больше всего лошадей (22) имели С.И. Дьяконов, переселенец из Рязанской губернии, семья которого состояла из 11 человек, и М.А. Куксин, старожил, семья которого состояла из 12 человек.

Таблица 7
Группировка хозяйств Шубенки по количеству рабочих лошадей

Группа хозяйств	Число лошадей	Число хозяйств	Процентное отношение
Бедняцкая	нет	49	9
	1–2	103	19
Середняцкая	3–5	262	49
Зажиточная	6–8	89	16
	9–16	32	6
	17–22	5	1
Всего	—	540	100

Крупного рогатого скота имели меньше – 835 коров. Большинство семей имели 1–2 коровы, семьи предпринимательского типа – 10 коров (М.А. Куксин) (табл. 8).

Таблица 8
Группировка хозяйств Шубенки по количеству коров

Количество коров	Число хозяйств	Процентное отношение	Количество коров	Число хозяйств	Процентное отношение
1	219	40,5	5	9	2
2	139	26	6	2	0,4
3	55	10	7	2	0,4
4	23	4	10	1	0,2
Всего	540	100	Всего	540	100

В Шубенке разводили овец (табл. 9). Овечьи шкуры выделялись в местных кустарных предприятиях. По словам А.П. Михалева, шкуры скоблили, вымачивали, сушили, красили, а затем шили шубы [3]. Из крупного рогатого скота делали сапоги. В 1917 г. сапожником в Шубенке был Андрей Афиногенович Еремеев, семья у него была небольшая: жена, сын со своей женой и внук. Хозяйство состояло из шести лошадей, трех коров, четырех овец, трех свиней. Общая площадь посевов составляла 6,75 дес. земли.

Документ «Сведения о лицах, производивших в 1906 г. убой скота на мясо... на Бийской городской скотобойне» показывает, что развитию скотоводства в Шубенском способствовала близость города, предъявлявшего спрос на мясо [6]. Многие шубенцы держали скот с предпринимательской целью. В 1906 г. в списке сдавших скот на Бийскую скотобойню значатся Иван Морозов, который сдал три овцы и две коровы, Семен Шубин – 45 коров, Степан Шубин – шесть, Матвей Богомолов – 45 голов, Василий и Петр Богомоловы – 24 коровы, Николай и Павел Анискины – 40 коров и теленка, Григорий Михалев – 46 коров. Отсюда можно сделать вывод, что скотоводство полу-

чило товарное направление, а скот держали не только для внутреннего потребления, но и для извлечения доходов.

Таблица 9

Группировка хозяйств Шубенки по количеству овец (включая молодняк)

Количество овец	Число хозяйств	Процентное отношение	Количество овец	Число хозяйств	Процентное отношение
нет	232	43	16–20	9	2
1–5	120	22	21–30	5	0,9
6–10	142	26	50	1	0,2
11–15	31	6	Всего:	540	100

В Шубенке, где существовали большие частные стада скота, крестьяне отказались от старожильческой традиции беспастушечного вольного выпаса скота. К этому вынуждала и плотность крупных населенных пунктов в пригородной зоне, что приводило к увеличению пашенных земель и уменьшению свободных лугов и пастбищ. По словам А.П. Михалева, летом подряжался пасти скот пастух. Лошадей, овец, коров пасли отдельно. Днем лошадей не пасли, их путали железными путами, для того чтобы те не потерялись. Животных не клеймили, овечкам делали на уши бирки. Когда животное умирало, его хоронили за деревней. Происходили случаи кражи животных, чаще всего лошадей. По данным переписи 1917 г., пастухом в Шубенском был Алексей Андреевич Безпалов (51 год).

Говоря об уровне развития единоличных крестьянских хозяйств, необходимо оценить их обеспеченность сельскохозяйственным инвентарем. Показателем обеспеченности населения являлось наличие средств транспортировки, главным из них были телеги: в Шубенке у 89% населения были телеги на деревянном ходу, а у 4% на железном (табл. 10).

Таблица 10

Обеспеченность хозяйств Шубенки сельхозинвентарем

Вид инвентаря	Количество	Число хозяйств	Процентное отношение
Однолемешный плуг	7	6	1
Разбросная сеялка	8	3	0,5
Железная борона	1188	298	55
Косилка	7	7	1
Жнейка споповязалка	12	12	2
Жнейка самосброска	140	139	26
Молотилка конная	192	192	35
Молотилка паровая и нефтяная	1	1	0,2
Веялка	258	258	48
Телега на железном ходу	25	21	4
Телега на деревянном ходу	1143	483	89
Соха	468	449	83
Рядовая сеялка	2	2	0,4
Конные грабли	1	1	0,2
Всего	—	540	100

Очень редким явлением в деревнях конца XIX–начала XX в. было наличие у крестьян в хозяйстве паровой и нефтяной молотилки. У Дмитрия Панкратьевича Егоркина (40 лет), переселенца из Рязанской губернии, была такая молотилка, а у М.А. Куксина были единственными в селе конные грабли. В целом в начале XX в. в Шубенке у половины хозяйств (55%) были железные бороны, сохи имели 449 из 540 хозяйств (83%).

В селе имелись мельницы, по словам А.П. Михалева, они были водяные и ими владели «богатые люди». Молоть зерно приезжали из других сел, вставали в очередь и ждали целыми неделями [3]. Известно, что в 1900 г. мельницы были у крестьянина Максима Аверьяновича Куксина. Мельница находилась на краю села Шубенки. Максим Аверьянович имел большое хозяйство: 50 десятин пашни, 22 лошади, 10 коров, 15 овец и 10 свиней. У крестьянина Ефима Никитича Безпалова мельница находилась в семи верстах от села Шубенки; в восьми верстах – мельница, которая принадлежала мещанину города Барнаула Афанасию Васильевичу Юрьеву. На земле с. Шубенки имелись две мельницы крестьянина с. Луговского Алексея Ивановича Казанцева.

По данным документа «Об изменениях, произошедших в составе заводских торговых и промышленных помещений по Бийскому уезду Томской губернии на 31 мая 1913 г.», одним из самых зажиточных крестьян был Иван Григорьевич Кузенский [7]. У него были две мельницы, одна из них перешла к Ивану Григорьевичу в 1899 г. от Петра Ивановича Лебедева, которому она была передана в 1869 г. Василием Андреевичем Волынским [8]. Последним владельцем этой мельницы с 1904 г. являлся Петр Сергеевич Дудин, в 1910 г. эта мельница была уничтожена водой. Вторая мельница И.Г. Кузенского в 1907 г. перешла к Семену Шадрину, от него в 1910 г. к Федору Куксину, которая также в 1910 г. была уничтожена весенней водою. Кроме этих мельниц, у И.Г. Кузенского в 1897 г. была торговая мануфактурная лавка, кузница, маслодельный завод, который в 1913 г. был переведен на имя Савелия Седых (табл. 11).

Наличие мельниц в Шубенке в конце XIX–начале XX в.

Таблица 11

Годы	Владелец мельницы
до 1869	Василий Андреевич Волынин
1869–1899	Петр Иванович Лебедев
1899–1904	Иван Григорьевич Кузинский
1900	Максим Аверьянович Куксин Ефим Никитич Безпалов Иван Григорьевич Кузинский Афанасий Васильевич Юрьев (мещанин г. Барнаула) Алексей Иванович Казанцев (крестьянин с. Луговского, имел 2 мельницы)
1904–1910 (уничтожена водою в 1910)	Петр Сергеевич Дудин
до 1907	Иван Григорьевич Кузинский
1907–1910	Семен Шадрин
1910–весна 1910 (уничтожена весенними водами)	Федор Куксин

В Шубенке, по данным «Журнала генеральной проверки торговых и промышленных заведений по Шубенской волости за 1897 г.», Общественным питейным заведением заведовал приказчик второго класса Алексей Александрович Безпалов, имелись две мелочного лавки, которыми владели мещанин города Бийска Илья Прохорович Дьяконов и крестьянин Шубенки Максим Федорович Языков [9]. Из переписи 1917 г. известно, что лавка была у Ивана Васильевича Дудина, а работал в ней бакалейный торговец Сергей Васильевич Росляков (табл. 12).

Несельскохозяйственные занятия населения
Шубенки по данным переписи 1917 г.

Таблица 12

Занятие	Ф.И.О.
1	2
Плотник	В.И. Беломытцев (59 лет, переселенец)

1	2
	В.Ф. Перов (43 года, переселенец) Я.В. Емельянов (37 лет, переселенец) Ф.А. Толмачев (48 лет, переселенец) О.М. Толмачев (44 года, переселенец) П.Н. Федоров (43 года, переселенец)
Кузнец	Н.Х. Акимов (37 лет, старожил) В.Е. Слабодчиков (52 года, старожил)
Шорник	П.П. Струков (35 лет, старожил)
Сапожник	А.А. Еремеев (60 лет, старожил)
Отходной промысел	П.И. Иссаков (55 лет, старожил)
Лавочник	И.В. Дудин (30 лет, старожил)
Бакалейный торговец	С.В. Росляков (45 лет, переселенец)
Мельничный работник	О.М. Ращупкин (56 лет, старожил)
Пастух	А.А. Безпалов (51 год, старожил) М.Ф. Лесных (60 лет, старожил)
Сторож	Е.П. Ворожейкин (71 год, переселенец)

В отличие от высоких экономических показателей, культурно-образовательный уровень населения Шубенки был низким. Грамотными считались даже те, кто умел только читать, их общее число составляло лишь 230 человек (6,2%) из 3682 человек населения. Грамотных в семьях старожилов (124 человека) было больше, чем в семьях переселенцев (106 человек) (табл. 13). Видимо это было связано с тем, что люди, переселившиеся из других губерний, стремились в первую очередь обстроиться на новом месте: построить дом, завести хозяйство. Учебу не одобряли: «мы вот работаем, а ты штаны протираешь». Девочек вообще мало учили, они должны были прядь и заниматься домашним хозяйством. Обучение проходило в церковно-приходской школе. В Шубенке было два здания, где давали грамоту: церковная изборня и жилой дом попа Галина Егоровна Струкова закончила 1,5 класса: «Год проучилась, а на следующий обуть было нечего» [10]. Анна Захаровна Михалева рассказывала: «В школе нас поили чаем. Учительница была приезжая, и ребятишки ее плохо слушались. Она успокаивала нас, а мы гавкали. Тогда она подняла мешочек с сахаром и сказала: «Там – гам, сама съем, а вам не дам», и мы смолкли» [11].

Таблица 13

**Уровень грамотности семей
старожилов и переселенцев Шубенки**

	Переселенцы		Старожилы		Всего грамотных	
	всего	процентное отношение	всего	процентное отношение	всего	процентное отношение
Мужчины (18-старше 60 лет)	62	3	51	3	113	3
Женщины (18-старше 60 лет)	6	0,3	8	0,5	14	0,4
Мальчики (8-18 лет)	28	1,4	52	3	80	2
Девочки (8-18 лет)	10	0,5	13	0,7	23	0,6
Всего	1948	100	1734	100	3682	100

По словам местного краеведа Василия Ивановича Вдовина, в начале школа в Шубенке была первой ступени (3 класса), затем в 1924 г. стало 4 класса, с 1939 г. – 7 классов, с 1961 г. – 8 классов и лишь с 1983 г. стала десятилеткой [12]. Книги, по которым обучали, носили религиозный характер и хранились в церкви. В 1921 г. у церкви изъяли книги и организовали избу-читальню. Всего было 670 книг, половина

из которых имели политический характер, а религиозные были уничтожены. Сейчас в селе две библиотеки: сельская (7 тыс. книг) и школьная (12 тыс. книг).

Церковь в Шубенке построили в 1883 г. По словам В.И. Вдовина, Покровская церковь была деревянной, с двумя куполами. В селе престольным праздником был Покров и отмечался 14 октября. В этот день приезжали священники из других сел, а также родственники. По рассказам Анастасии Лукьяновны Дьяконовой, на этот праздник приезжали из Буланихи, Старой и Новой Чемровки [13]. Софья Матвеевна Михалева рассказывала, что у Покровской церкви было два колокола: один поменьше (звонил к заутрене), а другой большой [14]. В 1937 г. ее закрыли, и 11 лет она простояла как склад. После Великой Отечественной войны не было строительного материала, а надо было строить животноводческое помещение. И в 1948 г. церковь разобрали и построили животноводческое помещение. По словам Евфросинии Ивановны Вдовиной, людей заставляли ломать церковь: «Кто ломал, тех Бог наказал: у кого глаза не глядят, у кого ноги не ходят» [15]. По словам А.Я. Егоркиной, колокола снимал Николай Третьяков: «Залез на колокольню и прямо оттуда бросал, какие разбились, а какие нет. Колокола и какие получше иконы отвезли в Бийск. Некоторые иконы люди смогли забрать домой» [16]. У Е.И. Вдовиной брат возил бревна из церкви и одну икону — Божьей Матери даже привез домой. У соседки А.Я. Егоркиной тоже была икона из церкви, «от потолка до полу». «Икона Божьей Матери с младенцем на руках. Эта икона «ходила по людям» [4]. В 1999 г. В.И. Вдовин познакомился с Василием Васильевичем Михалевым, предки которого были раскулачены и высланы в Нарым (север Томской области), потом они перебрались в Кемеровскую область, а затем поселились в Бийске [12]. В.В. Михалев предложил построить церковь на старом месте. 6 января 2002 г. в Шубенке была открыта новая церковь.

Достопримечательностью Шубенки является Святой Ключ, о котором ходят легенды не только в самом селе, но и в окрестностях. Во время праздника Девятой пятницы (от Пасхи) верующие села Шубенки ходили раньше молиться на Святой Ключ. По словам С.М. Михалевой, на родник ходили в Оброчный праздник, так называли еще престольные (съезжие) праздники [14]. В Шубенке сохранились предания о Святом Ключе. По одному из них: «Была когда-то холера, и бабушки обреклись в Девятую пятницу ходить на Святой Ключ. Верующие шли из церкви со знаменами Божьей Матери и Спасителя, набирали воду и освящали ею поля, а также приносили эту «святую» воду домой, спасая семьи от холеры, а поля от засухи. В целом, в памяти старожилов остался страх перед эпидемиями, для защиты от них строили церкви. Так, у А.З. Михалевой дед отстраивал церкви и читал псалтырь по покойникам [11]. У него было пророчество: «Будут птички железные летать, будут кони железные бегать» [11]. Отец Анны Захаровны в церкви рисунки делал и рамочки для них. Когда началась холера, его звали гробы делать, боясь заболеть, он делал их на дому, но все равно от холеры помер. По другому преданию, кто жил достойно, на дне Ключа мог увидеть божественные образы из песка. Вода была лечебной, ею снимали порчу. Приезжали лечиться и из других деревень, вода исцеляла тяжело больных и заживляла раны. «Однажды привезли женщину, у которой был сильный жар. Сначала на нее лили воду из Святого Ключа потихоньку, а она прочитала: «Не выйду». Потом на нее плеснули из ведра, и изо рта у нее вышла ящерица. Ящерицу поймали и сожгли, а женщина после этого спокойно уснула» [11].

По данным переписи 1917 г., из Шубенки во время Первой мировой войны призвались 506 человек. Если учитывать, что на селе было 540 хозяйств, то почти из каждой семьи ушел один мужчина. Больше всего было призвано мужчин в возрасте от 20 до 25 лет — 188 человек. Число призывников-переселенцев превышало количество призывников-старожилов. Всего из Шубенки призвалось 270 переселенцев, в то время как старожилов 236 человек. Самым молодым призывникам было 18–19 лет, а самому старшему 56 лет (табл. 14).

Таблица 14
Призывники Шубенки во время Первой мировой войны

Возраст	Переселенцы		Старожилы		Всего	
	всего	процентное отношение	всего	процентное отношение	всего	процентное отношение
18–19	31	11	12	5	43	8
20–25	109	40	79	33	188	37
26–30	62	23	69	29	131	26
31–35	27	10	35	15	62	12
36–40	29	11	30	13	59	12
41–44	12	4	9	4	21	4
47	—	—	1	0,4	1	0,2
56	—	—	1	0,4	1	0,2
Всего:	270	100	236	100	506	100

В советское время в Шубенке было 4 колхоза: «Красная Звезда», «Пионер», им. Кирова и «Путь к коммунизму». Многие подверглись раскулачиванию. Например, родители С.М. Михалевой считались кулаками, так как у них было восемь коней, несколько коров, а также имелась жнейка, молотилка и сортовка [14]. Ее семья была раскулачена, так как отец был человеком верующим и не хотел идти в колхоз. Их выгнали из дома, отобрали скот и через месяц отправили в ссылку. Отца Софии Матвеевны отправили на Белое море, а сама она проработала в трудармии с 1943 по 1948 г., а затем вернулась в село. В Шубенке было раскулачено более 100 семей, 34 семьи были сосланы в Нарым (север Томской области), 80-90% погибли. Кулаками считались братья Дымовы. Их было пять братьев, и жили они со своими семьями. Имели много лошадей, обрабатывали большую площадь земли. Михаил Лаврентьевич Чернов тоже был раскулачен, у него было 11 коней, но и семья состояла из 22 человек. Так же были раскулачены: Богомоловы, Шишковы, Шубины и др. После Великой Отечественной войны в селе был голод, власть мало помогала. По словам Г.Е. Струковой, в голод меняли вещи на муку, если лепешки из мерзлой картошки, подбирали колоски, из свекольных листьев делали похлебку [10]. Электричество было проведено в Шубенку в 1924 г., но первая лампочка загорелась лишь в 1956 г.

Источники

- ЦХАФ АК. ФР. 1765. Оп. 1. Д. 35.
- Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2002 г. Зональный район. Шубенка. Нестеров И.Ф., 1927 г.р., № 99.
- Там же. Михалев А.П. 1923 г.р., кассета № 97.
- Там же. Егоркина А.Я. 1910 г.р., кассета № 95.
- Там же. Кожемякин П.И. 1916 г.р., кассета № 91.
- ЦХАФ АК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 62.
- Там же. Д. 222.
- Там же. Д. 37.
- Там же. Д. 23.
- Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2002 г. Зональный район. Шубенка. Струкова Г.Е., 1929 г.р., кассета № 92.
- Там же. Михалева А.З., 1920 г.р., кассета № 97.
- Там же. Вдовин В.И., 1947 г.р., кассета № 99.
- Там же. Дьяконова А.Л., 1910 г.р., кассета № 91.
- Там же. Михалева С.М., 1921 г.р., кассета № 90.
- Там же. Вдовина Е.И., 1920 г.р., кассета № 93.
- Там же. Егоркина А.Я., 1910 г.р., кассета № 95.

Д.А. Дрожецкий

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК СЕЛ КОМАРОВО, САВИНОВО, СОКОЛОВО

Соколово

Село Соколово располагается в 31 км от Бийска, по обе стороны р. Иткуль. Первоначальное название села Верхне-Соколово, в 1899 г. название Соколово было изменено на с. Соколовское. Сейчас это поселок городского типа, население которого составляет 3081 человек (данные на 1992 г.). По сравнению с 1989 г. население увеличилось на 2080 человек. Соколово крупный поселок, в котором действует средняя школа, музыкальная школа, открыт в 1990 г. Соколовский историко-краеведческий музей, дом престарелых, дом быта, пекарня, магазины, кафе, больница, аптека, три детских сада. Главным предприятием в селе является Иткульский спиртзавод. Его образование в 1868 г. дало второе рождение села. До сих пор, при массовой миграции из сельских районов Алтая и массовой урбанизации, численность населения Соколово только увеличивается.

У Соколово несколько возможных дат основания. Библиотекарь Томского университета С.К. Кузнецов в 1789 г. по опросам крестьян установил, что с. Соколово было «заведено» в 1695 году [11, с. 12]. В Центре хранения архивного фонда Алтайского края есть сведения крестьянина Семена Фоминского, который утверждал, что отец его поселился в Верхне-Соколово 70 лет назад. Документ датируется 1778 г., значит, в 1708 г. это село уже существовало [26]. Заселение левобережья Оби началось с 1719 г., после того, как из этого района откочевали телеуты. Вероятной датой основания села можно назвать 1730 г., когда крестьянин Иван Соколов подал прошение о поселении [12, табл.]. Совершенно очевидно, что в «1745 г. с. Соколово уже существовало, т.к. оно было нанесено на схему от 1745 г.» [26]. Первые поселения в Соколово были в Перми (район села). Старейшая жительница с. Соколово – А.С. Рыбникова, 1909 г.р., вспоминает рассказ отца о том, как «разрабатывали Пермь»: «Пермь вперед приехала, а «Россия» (др. район села) позади, сразу их 40 семей приехало из России сюда, пустили пал, трящеба эта вся негодная сгорела, а лесинки все выворачивали, срезали, пни выворачивали. Разрабатывали местность. Ставили первые шалашники на зиму, избушки, дрова готовили. Все с корнями подымали, здесь все вручную разрабатывали. Какие лесинки остались подходящие, где березка, где осинка, где лисвенка, соснового то леса мало по согре-то, оно и сейчас там в основном мало, березник, осинник, есть бодельник толстый – это трящеба, дуб с него драли, кожи-то делали с дуба. Делали избушки каждый себе – времянки, а потом маленько обжились и дома стали себе ставить» [6].

В 1750 г. 31 мая в Канцелярию горного начальства обратился Антон Соколов и Трофим Казанцев. Это были выборные от бердских и чаусских крестьян, живущих в деревнях Тырышкиной, Завьяловой, Шипуновой, Соколовой, Инской, Большой Речке, Савиновой, Иконниковой. Они сообщали, «что поселились они на новых местах немало лет тому назад, а по ревизиям числятся по-прежнему в Бердском и Чаусском острогах, на большом расстоянии от новых жилищ. Крестьяне просили причислить их к тем ведомствам, где они действительно жили» [12, с. 71]. В списке Бердских крестьян названы Харитон Баташов с братьями и Иван Соколов с братьями [12, с. 71]. С этих пор Соколово стало упоминаться в официальных документах.

В 1759 г. в деревне Верхне-Соколово числились 59 душ мужского пола, 47 душ женского пола, в ней проживали: Т.С. Фоминский, В.Н. Кузнецов, Ф.К. Воробьев, Г.К. Сафонов, Н.К. Осипов, И.Е. Рябков, И.Н. Воробьев, Е.Ф. Быков, Д.В. Кузнецов, И.М. Майдуров. В 1761 г. в ней названы Д.В. и М.Ф. Петункины [26]. В III ревизию (1765 г.) были учтены 36 душ м. п. и 20 душ ж. п., это были семьи Тимофея Семеновича Фоминского (62 года) из д. Фоминской, Федора Клементьевича Воробьева (57 лет), выходца из Бийской крепости, Ивана Никифоровича Ворнева (57 лет) из д. Фоминской, Ефима Федоровича Быкова (46 лет) из Бийской крепости, Павла Ивановича

Камышева (16 лет) из д. Фоминской, Игната Михайловича Майдурова (82 года) из Бийской крепости, Ивана Михайловича Майдурова (62 года) и Никифора Осиповича Сафонова (72 года) из д. Шубенки [26].

В 1771 г. село относилось к Бийской слободе и было упомянуто в росписи расстояний [26].

Во время IV ревизии в 1782 г. в селе было мужчин 40 человек, столько было и женщин [26].

В 1785 г. мужское население увеличилось на 7 человек, а женское на 8, при этом в селе было 15 хозяйств [26].

Через семь лет, в 1792 г. в селе насчитовалось 49 душ м. п., 56 душ ж. п. в селе было 2 мельницы [26].

В 1795 г., в пятую ревизию 49 душ м. п. и 61 душ ж. п., в этом году родилось 34 человека и 8 умерло, 4 были взяты в рекрутчики, 4 переселились из д. Комаровой [26].

VII ревизия была в 1816 г., к этому времени село называлось Соколово, раньше относилось к Бийской слободе, затем к Бийской волости. Увеличилась и численность населения до 70 душ м. п. [26].

В VIII ревизию (1834 г.) в д. Соколово значилось 102 душ м. п. и 106 душ ж. п. [26].

В 1882 г. в селе Соколово было 85 дворов, в которых проживало 281 душ м. п. [26].

В 1893 г. мужчин было 590 человек, а женщин 600, всего их численность составила 1198 человек [15, с. 148].

Очередная смена названия произошла в 1899 г. Село стало называться Соколовское и перешло в состав Шубенской волости [26].

В 1911 г. число хозяйств достигло 266 дворов, в селе проживало 905 душ м. п. и 900 душ ж. п. [16, с. 303].

К 1917 г. население составило 1863 человека (930 мужчин и 933 женщины), хозяйств – 321 [24].

В 1926 г. в селе находилось 384 двора (956 м., 1069 ж.); в 1936 г. проживало 4311 человек; в 1989 г. – 1001 чел., из них 449 м. п. и 552 ж. п.; в 1992 г. – 3081 человек [16, с. 303; 27, с. 189].

Савиново

Село Савиново располагается на р. Чемровке, в том месте, где эта река сливается с р. Уткуль. «Там болото было, где сейчас речки совпадают, там клин. Этот клин, стал первым строиться, там церковь поставили, на горе построили, а потом начали строиться. Сначала здесь ссылка была, земля здесь хорошая, пустовала земля, и они начали связь иметь со своими родными и начали хвалить, что здесь можно жить единолично, заниматься пашней, что будет урожай расти, потом начали добровольно съезжаться», – рассказывал И.Е. Кузовлев [3].

В 1748 г. крестьяне Харитон и Тихон Кондратьевы сообщили, что в д. Савиново они прописались в 1744 г. [26]. Это самое раннее упоминание о деревне. Ю.С. Булыгин предположил, что Савиново могло быть основано И. Соколовым, по имени которого названо с. Соколово [26]. А свое название село получило по имени бердского крестьянина Савелия Шипунова, учтенного в 1726 г. в Бийской волости или по отчеству крестьянина Андрея Савелия Кузнецова.

Впервые д. Савинова была учтена в III ревизию, в это время в ней проживало 54 души м. п. и 44 ж. п. Из них семьи Фотия Ивановича Вдовина (75 лет), выходца из Бердской волости, Дементия Яковлевича Старикова (67 лет), Игната Федоровича Быкова (31 год), Гордон Федоровича Быков (37 лет), Тихон Поликарпович Михеев (60 лет), Харитон Поликарпович Михеев (55 лет) из Бийской крепости, Марк Иванович Червилев (56 лет), Михаил Иванович Филиппов (80 лет) из д. Фоминской [26].

В 1771 г. Савиново значилась в росписи расстояний [26]. В 1782 г. деревня относилась к Бийской слободе, в этом году здесь проживало 77 душ м. п. и 67 д. ж., а в 1785 г. в деревне было 24 двора приписных крестьян, всего здесь проживало 150 человек (78 мужчин и 72 женщины) [26].

К 1792 г. в деревне было 4 мельницы, 21 двор, а население деревни уменьшилось и достигало к тому времени 117 человек (58 м. п. и 59 ж. п.) [26].

В V ревизию (1795 г.) мужчин было 64 чел., а женщин 72 чел., соответственно, всего здесь проживало 126 человек. В 1811 г. (VI ревизия) Савиново стало относиться к Бийской волости, численность мужского населения достигла 89 человек, а в 1816 г. (VII ревизия) оно увеличилось на три человека, VIII ревизия (1834 г.) в деревне проживало 133 души м.п. и 150 душ ж.п., в X ревизию (1858 г.) в селе было 204 души м.п. [18].

По данным 1882 г., в Савиново находилось 162 двора и 357 душ м. п., в 1893 г. в нем проживало 1484 человека (731 душ м. п. и 753 ж. п.) [15, с. 148].

К 1911 г. в Савиново насчитывалось 310 дворов (1100 м. п., 1095 ж. п.) [16, с. 303]. В 1917 г. в селе проживало 2679 человек (1287 м. и 1368 ж.) [24].

В 1926 г. Савиново становится центром сельсовета Бийского района, значилось 516 хозяйств и 2864 человека (1369 м. и 1495 ж.) [17, с. 16].

В Савиново была, по сведениям жителей, одна заимка, в ней к середине – начале XX в. насчитывалось около 11 семей. К северу от Савиново, прямо через р. Уткуль находилось еще одно село Гудово, в 20–30-х гг. ХХ в. там было 80 дворов.

К началу ХХ в. Заимка и Гудово настолько разрослись, что стали краями села Савиново.

После Великой Отечественной войны численность населения этих сел значительно уменьшилась. Жители Заимки и Гудово оказались оторванными от села, магазинов, школ, контор колхозов, и постепенно стали переселяться в само село. На сегодняшний день осталось только одно хозяйство. Село Гудово перестало существовать. Итогом миграционного процесса стало уменьшение численности населения, так в 1989 г. в Савиново проживало 499 человек, а в 1992 г. – 479, то есть на 2385 человек население к концу ХХ в. уменьшилось по сравнению с 1926 г. [27].

Комарово

Село Комарово находится в 36 км от города Бийска, расположено на р. Уткуль.

Впервые село упоминается в деле о краже лошадей, в этом населенном пункте были найдены воры. Дело датировалось 1727 г. [25]. Поэтому 1727 г. или несколько раньше можно принять за дату основания села.

Сохранилась выписка из ревизии по д. Комарово, она сделана в 1746 г. В деревне были записаны Егор Осипович Сафонов, Григорий Кузьмич и Федор Кузьмич Сафоновы, Федор Фомич Вилюсов с сыном Степаном, Данил Григорьевич Волынин, П.Л. Сафонов. Волынин был выходцем из Ишимского дистрикта, Е.О. Сафонов, С.Г. Сафонов из города Тары, Вилюсов из Томской волости Ваганская слободы [25].

В 1759 г. в Комарово проживало 49 душ м. п. и 69 душ ж. п. Среди них выходец из Томской губернии Егор Осипович Сафонов; Федор Осипович Сафонов из Бийской крепости; П.К. Воробьев, С.К. Воробьев, С.Н. Оленышев, Ф.М. Майдуров, К.И. Лукьянов, П.С. Козлов, Х.В. Безпалов, Ф.М. Евсюков, В.С. Ширков, П.Ф. Оленышев и Д.Я. Шерстобитов из д. Фоминской [25].

В I и во II ревизиях Комарово не значилось. В 1763 г. здесь проживало 51 душ м.п. и 50 душ ж. п., в IV ревизию в ней жило 78 мужчин и 56 женщин [25]. В 1785 г. в деревне проживали 141 чел., среди них 83 душ м. п. и 58 душ ж. п., всего 21 хозяйство, в 1792 г. количество дворов увеличилось на одно хозяйство, в деревне были построены 4 мельницы, в ней было записано 84 души м. п. и 73 души ж. п. [25].

В 1795 г. население Комарово во время V ревизии составило 96 душ м.п. и 78 душ ж.п., в VI ревизию (1811 г.) было учтено 99 душ м. п. [25].

Последствиями рекрутской повинности, особенно в годы Отечественной войны, стало уменьшение мужского населения до 83 душ м. п. [25].

В 1893 г., после начала переселения новоселов, население значительно увеличилось, мужчин стало 640 человек, а женщин 592 человека [15, с. 148].

В 1902 г. Комарово перешло в ведение Шубенской волости [25].

В 1911 г. численность населения достигла 1810 человек (900 душ м. п. и 910 душ ж.п.) [16, с. 303]. В 1917 г. – 1909 человек (921 душ м. п. и 998 душ ж. п.) [24]. В 1926 г. с. Комарово Бийского района, в нем значилось 367 хозяйств и 2113 жителей (1037 м. и 1078 ж.) [25].

С этого времени население уменьшалось – составляло 1250 человек, в 1989 – 502, а в 1992 году – 485 человек [27].

По данным местных жителей, в Комарово в 20-е гг. было 5 заимок, они располагались по обеим сторонам р. Уткуль. Первая и вторая – вдоль ул. Кирова. Первая заимка Болгова (по фамилии первопоселенца), вторая Терентьева. В первой было 7 хозяйств, во второй 4. Три последние заимки располагались за рекой параллельно ул. Казанской. Ближе к улице была расположена третья заимка Власова, в ней было 6 хозяйств, в четвертой заимке жили Таруники, в 5 – Часовы [1]. Позже эти заимки исчезли.

В Соколово, Савиново, Комарово до сих пор наиболее распространенные фамилии старожилов, родственники которых одни из первых поселились в этих селах. В Комарово это Сафоновы, Майдуровы, Вилюсовы (Вилюсовы). В Савиново – Стариковы, Кузовлевы. В Соколово – Майдуровы, Быковы, Симановы, Казенных и т.д.

Церковь

Церкви были построены в Савиново и Соколово. В Комарово была часовня: «молиться ездили в Соколово» [6].

В Савиново была построена церковь «Св. Первоверховых Апостолов Петра и Павла» [28, с. 375]. В церковный приход входили Савиново и Фоминское. Строить ее начали в 1899 г. До этого церковь стояла на Марфиных ручьях, но, по прошествии нескольких лет, ручьи превратились в болото и церковь начала погружаться в воду и была перенесена на новое место. Построена новая церковь в 1892 г. и называлась «Приписная церковь Архиепископа Божия Михаила» [28, с. 375]. Соколовская церковь «Богоявления Господне» построена в том же году [28].

В Соколово церковь стояла в центре села, где сейчас находится школа. Все, кто эту церковь видел или слышал о ней, говорят, что она была очень красивой. А.С. Рыбникова вспоминает: «Церковь у нас хорошая была, она жестью, бордовой краской была покрыта. Там городьба была со всякими волнами и подрезами. Столбы все покрыты были жестью, так жесть красивая, изрезанная. И там кто-то церковный похоронен был, кладбища три было. Лампадки висели, всю ночь горели. С одной стороны стоял священника дом, с другой – школа была, колодец там был» [6]. Е.И. Симонова рассказывала, что на территории церкви напротив дома священника были сады [7].

В 1920-е гг., по словам А.С. Рыбниковой, «служба там была, потом закрыта была. Ее закроют, народ откупит. Опять сколь послужит, опять закроют. Однако еще до колхозов закрывать-то начали. Потом откупать стало нельзя, она стояла закрытой». Г.Л. Шаромов: «Церковь два годаостояла закрытой, а потом ее сожгли» [10]. А.С. Рыбникова рассказала, что церковь была сожжена в августе 1934 г. [6]. М.В. Макрушин, 1930 г. рождения, говорит, что ему было 2 года, когда она сгорела, т.е. в 1932 г., вероятнее всего, он путает дату, т.к. к тому времени он был еще мал, чтобы запомнить эти события [5]. В.Н. Шадрина называет дату пожара – август 1935 г. [9]. Два последних информатора располагают сведениями, которые они получили от родителей, тогда как первый информатор была свидетелем этих событий.

В Савиново тоже была церковь: «Церковь деревянная была, голубой краской выкрашена, куполов только два было. Священник хлеб сеял, работника держал. Как стали колхозы, он сбежал» – вспоминала З.С. Старикова [8]. А.Е. Лель приехала в село во время Великой Отечественной войны: «Церковь стояла закрытой, уже не работала. Старые ходили вокруг нее молились, потом они ее открыли, потом ее опять закрыли, она стара была, и ремонт там не делали» [4]. З.С. Старикова рассказывала, что «сломали ее в 1950-м г., колокола не знаю куда дели, портреты сняли, увезли, и потом сделали клуб. Клуб развезли, сельсовет дал распоряжение. Рабочих нанимали, они деньги все пропили» [8]. Сломав клуб, хотели сделать общежитие, но со строительством затянули, а материалы растищили на дрова.

Торгово-промышленные предприятия

В 1862 г. в Алтайском горном округе было разрешено частное производство спиртных напитков. Через 6 лет, т.е. в 1868 г. в деревне Соколовой Константин Платонов – отставной коллежский советник построил первый на Алтае винокуренный завод.

Первое время Платонов владел заводом совместно с купцом Бадыниным, занимавшимся виноторговлей. После его смерти в 70-х годах, пайщицей Платонова стала вдова горного чиновника И.Е. Судовская.

Работать завод начал с выпуска 40 тысяч ведер продукции в год, в 1872 г. выкурка превысила 90 тыс. ведер в год, к концу XIX в., она уже составляла 200 тыс. Завод к концу XIX в. состоял из нескольких помещений, амбаров и мельницы. Управляющим на заводе был В.А. Гусаров [14, с. 6].

В 1873 г. Платонов построил в д. Соколовой еще и стекольный завод, в компании с женой чиновника Айдурова, управляющим заводом был А.В. Астраханов, на нем работали 80 служащих, которщик – мещанин В.И. Афонасьев, кроме этого 4 приказчика второго класса [20]. В сведениях от 1904 г., на территории завода располагались: гончарная, плотницкая, кузница и корпус самого завода. При заводе было торговое заведение, которым заведовал купец II гильдии – Пупков, управляющий заводом [23]. Построен этот завод в основном был для нужд винокуренного производства. Его продукцией были бутылки, оконное стекло и даже хрусталь. Стекольный завод находился за одной изгородью с винокуренным заводом. Семьи рабочих жили на территории завода, это был своеобразный рабочий поселок.

В 1893 г. Константин Платонов умер и на его место встал его сын Иван Константинович. Он оснастил заводы паровыми машинами. До него завод, был деревянным, он же построил новые каменные корпуса, а производство спирта достигло 300–400 ведер спирта. При заводе была амбулаторная лечебница и аптека. В 1890 гг. заводы и больница освещались электричеством. В 1897 г. на заводе работали 70 душ м. п. Кроме этих двух заводов, Платоновы построили в с. Соколово питейное заведение, которым управлял Т.Н. Шипунов, а также ренсовский погреб, для продажи вина.

В Соколово на главной площади стояли 2 кирпичных здания, одно двухэтажное, другое одноэтажное, оба они принадлежали местному зажиточному крестьянину Глебову. В двухэтажном здании, на втором этаже жил сам хозяин, а на первом располагалась его лавка. Одноэтажное здание было отдано Глебовым под склад товаров. Товары были разные, от зеркал, мануфактуры, до железных и кожевенных изделий. Они давались также под запись.

В селе, в конце XIX в. и начале XX в. было общественное питейное заведение, управлял им крестьянин Дмитрий Масленников, а до него – крестьянин А.И. Безгузиков. На рубеже веков в селе были открыты кожевенный завод А.Ф. Холтурина. У него же была мануфактурная лавка с широким ассортиментом товаров [23].

В с. Савиново работали две мелочные лавки и питейное заведение. Первую мелочную лавку содержал Е.П. Карташев, с годовым доходом 300 руб., другую мелочную лавку содержал С.В. Манаев, с доходом 200 руб. Питейное заведение принадлежало Савиновскому обществу, заправляя этим заведением «запасной рядовой» С.С. Катанцев [19].

Комарово было небольшим населенным пунктом, в котором находилась мелочная лавка, принадлежавшая отставному рядовому В.О. Виллюсову, и питейное заведение, которым заправлял унтер-офицер Василий Зезигав [21].

Кроме торговых предприятий, в этих селах были еще мельницы и маслобойки. В Соколово, по данным на 1894–1900 г., мельница Д.Я. Масленникова стояла чуть выше села по течению р. Иткуль, там, где был Сибирский край [22]. В Савиново в этот же период было две мельницы, первая находилась в двух верстах от села вверх по течению реки Чемровки, владел ею К.С. Комышин. Мельница имела пашню, при ней существовала крупорушка о 8 ступах. Вторая мельница принадлежала А.М. Попову, крестьянину Тобольской губернии. Она находилась в противоположной стороне от Комышенской мельницы, в трех верстах от села по р. Иткуль [22].

В дер. Комарово на р. Иткуль располагались 5 мельниц, одна из них принадлежала С.Е. Вилюсову и находилась на территории самой деревни, вторая – в двух верстах от села, вверх по течению, ее владельца звали П.П. Вилюсов. В шести верстах от вышеназванной мельницы стояла третья, принадлежавшая крестьянину Ново-Чемровского общества Е.И. Толмачеву, дальше в 10 верстах от села по течению – мельница, принадлежавшая крестьянину И.Л. Колпакову, пятая мельница принадлежала Г.Ф. Савинову в 12 верстах от деревни, при этой мельнице была скуновальня [22].

Мир деревни по материалам сельскохозяйственной переписи 1917 года

Вторая половина XIX в. – новый этап в истории края, характеризуемого потоком хлынувших в Алтайский горный округ переселенцев.

Усиление миграционного движения из Европейской России в 70-80-е гг. XIX в. привело к численному увеличению старожильческих поселков и малоземелью, явлению невиданному доселе в Алтайском округе. Основываясь на новом месте, переселенцы создали особую культурно-бытовую базу, не похожую на существовавшую в Сибири, и в тоже время отличающуюся от российской. Используя накопленный веками опыт земледельцев, а так же учитывая опыт обработки земли старожилами, переселенцы смогли найти наиболее подходящие для данной местности агротехнические приемы. До сих пор в селе существует социальное деление на « заводских », работающих на заводе, и « сибиряков » (т.е. занимавшихся сельским хозяйством). Заводские, в отличие от переселенцев, меньше занимались земледелием. Для переселенцев, приехавших в Сибирь по причине малоземелья из России, дополнительным стимулом к созданию большого хозяйства играло обилие земли и ее плодородие. Поэтому переселенцы больше, чем старожилы стремились к увеличению своего хозяйства (увеличение голов скота и десятин пашни). Подтверждением этому может служить широко распространенная практика по сдаче старожилами в аренду земли переселенцам. К тому же переселенцы во многих случаях жили богаче старожилов, процент владения скотом у переселенцев также выше.

Согласно данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., пашенной земли у переселенцев было больше, чем у старожилов. В Соколово в среднем на семью старожилов приходилось 7 дес. пашни, тогда как семья переселенцев владела в среднем 9,2 дес. В Комарово старожилы в среднем владели 6,8 дес. пашни, а переселенцы 8,5 дес. В Савиново соответственно 8,3 дес. приходилось на семью старожилов, и 9,7 дес. на семью переселенцев.

Количество десятин пашни в среднем на семью [24]

	Соколово			Савиново			Комарово		
	Пересел.	Старож.	Всего	Пересел.	Старож.	Всего	Пересел.	Старож.	Всего
Кол-во дес.	9,2	7	7,9	9,7	8,3	8,8	8,5	6,8	7,3

В целом в руках переселенцев в Соколово было сосредоточено 51% всей пахотной земли, при том что переселенческих хозяйств было всего 44%.

Количество пашни (в дес.)

	Соколово			Савиново			Комарово		
	Пересел.	Старож.	Всего	Пересел.	Старож.	Всего	Пересел.	Старож.	Всего
Кол-во пашни	1309,6	1254,5	2564,1	1584,3	2310,8	3895,1	774,8	1659,7	2437,5
Процентное отношение	51	49	100	41	59	100	32	68	100

Таблица 2

В селах Комарово, Савиново количество переселенческих хозяйств намного меньше, чем старожильческих, поэтому и процент владения пашней у последних выше.

Таблица 3
Количество хозяйств

	Соколово			Савиново			Комарово		
	Пересел.	Старож.	Всего	Пересел.	Старож.	Всего	Пересел.	Старож.	Всего
Кол-во хоз.	142	179	321	162	277	439	91	242	333
%	44	56	100	37	63	100	27	73	100

Одним из показателей обеспеченности крестьянских хозяйств землей служит аренда. К ней переселенцы прибегали больше, чем старожилы и притом почти не сдают ее в аренду.

Таблица 4
Аренда земли и сдача в аренду (по числу хозяйств)

	Соколово			Савиново			Комарово			
	Пересел.	Старож.	Всего	Пересел.	Старож.	Всего	Пересел.	Старож.	Всего	
Аренда	47	34	81	67	70	137	45	72	117	
	33	19	25	41	25	31	49	30	35	
Сдача в арен.	18	46	64	14	73	87	11	59	70	
	13	26	20	9	26	20	12	24	21	
Всего	100%	142	179	321	162	277	439	91	242	333

К 1917 г. в среднем на семью приходилось от 6,8 до 9,7 десятин земли (табл. 1) при норме надела на душу мужского пола 4–5 десятин, крестьяне были вынуждены арендовать землю у своих односельчан.

Таблица 5
Норма земли на душу мужского пола (в дес.)

	Соколово		Савиново		Комарово	
	Пересел.	Старожилы	Пересел.	Старожилы	Пересел.	Старожилы
Норма	5	5	5	5	4	4

Наиболее распространенным был четырехгодичный срок аренды. С большей охотой к сдаче в аренду пашни прибегали те старожилы, которые не вели своего хозяйства и жили лишь на доходы. Среди переселенцев такой тенденции не наблюдается, и именно они прибегали к аренде. В исследуемых селах было много непричисленных хозяйств, особенно среди переселенцев. В Соколово из 26 непричисленных хозяйств 18 были переселенческими, в Савиново из 31 хозяйства – 23, в Комарово из 17 – 12.

Таблица 6
Количество непричисленных хозяйств

	Соколово			Савиново			Комарово		
	Пересел.	Старож.	Всего	Пересел.	Старож.	Всего	Пересел.	Старож.	Всего
Кол-во хоз.	18	8	26	23	8	31	12	5	17
%	13	4.4	8	14	3	7	13	2	5
100%	142	179	321	162	277	439	91	242	333

Такие хозяйства были выгодны для богатых односельчан, будь то переселенцы или старожилы, так как непричисленные крестьяне вынуждены были арендовать зем-

лю у соседей. Вместе с тем непричисленные крестьяне составляли рынок свободных рабочих рук. Поэтому такие крестьяне были нужны старожилам для поддержания своего хозяйства.

Среди старожильческих хозяйств достаточно высоким был процент хозяйств с отсутствием посева: в Соколово он составляет 25%, в Савиново – 16%, в Комарово – 21%, среди переселенческих, таких хозяйств было намного меньше: 14%, 8%, 15% соответственно. Среди безземельных крестьян, не имеющих посевов, были рабочие заводов, ремесленники или батраки. Большинство хозяйств были середняцкими, от 37 до 40%, имеющие от 4-х до 10 дес. посева. Зажиточных хозяйств было от 2-х до 4% (с посевом от 16 дес. и более); бедняцких от 6 до 11% (до 2-х дес.).

Количество десятин под посев (семей)

Таблица 7

Посев в дес.	Соколово			Савиново			Комарово		
	Пересел.	Старож.	Всего	Пересел.	Старож.	Всего	Пересел.	Старож.	Всего
Нет	20	45	65	13	45	58	14	50	64
%	14	25	20	8	16	13	15	21	19
До 2-х	15	20	35	11	17	28	7	18	25
%	11	11	11	7	6	6	8	7	7
До 4-х	27	46	73	22	64	86	8	40	48
%	19	26	23	13	23	19	9	16	14
До 10	64	54	118	83	104	187	36	110	146
%	45	30	37	51	38	42	39	45	44
До 16	17	7	24	31	27	64	21	22	43
%	12	4	7	19	10	14	23	9	13
Более 16	4	1	5	8	8	16	5	4	9
%	3	0,5	2	5	3	4	5	2	3
Всего	142	179	321	162	277	439	91	242	333

Бийское Приобье в сельскохозяйственном значении имело земледельческую направленность и скотоводство имело подсобный характер. Поголовье скота напрямую зависело от количества посева, т.е. у крестьянина, имеющего большой надел, засевающего большую площадь в хозяйстве было много скота, особенно лошадей. В селах мало держали крупного рогатого скота. Быков использовали для вспашки земли, корова, или как ее часто называли крестьяне «кормилица», давала крестьянской семье важные продукты питания.

На один двор приходилось лошадей и крупного рогатого скота от 3-х до 10 голов. В зажиточных хозяйствах – свыше 10 голов. До 3-х голов КРС и лошадей имели от 19 до 48% хозяйств. Хозяйства без скота составляли от 7 до 26%. По данным переписи, можно сказать, что переселенцы были обеспечены скотом лучше, чем старожилы.

Количество голов скота (сем.)

Таблица 8

Скот	Кол-во	Соколово			Савиново			Комарово		
		Пересел.	Старож.	Всего	Пересел.	Старож.	Всего	Пересел.	Старож.	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Лошадей	нет	12	39	51	12	38	50	9	40	49
	%	8,4	22	16	7	13	11	10	16	15
до 3-х		39	63	102	31	75	106	15	49	64
	%	27,4	35	32	19	27	24	16	20,2	19
3-10		81	75	156	115	146	261	63	151	214
	%	57	41	49	71	53	59	69	62	64
10 и бол.		9	2	11	6	14	20	4	2	6
	%	6,3	1	3	6	5	4	4	0,8	2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
KPC	нет	8	46	64	16	42	58	15	42	57
	%	13	26	20	10	15	13	16	17	16
	до 3-х	63	90	153	41	99	140	26	78	104
	%	44	50,5	48	25	36	32	28	32	31
	3-10	57	42	99	103	124	227	50	126	176
	%	40	23	31	63	45	52	55	51	53
	10 и бол.	4	1	5	6	8	14	0	0	0
	%	3	0,5	2	4	3	3	0	0	0
Всего		142	179	321	162	277	439	91	242	333

В половозрастной характеристике в соотношении между мужским и женским населением наблюдалось равновесие, но учитывая, что многие из мужчин отбывали службу в армии, т.к. 1917 г. – третий год Первой мировой войны. Многие семьи были неполными.

Таблица 9
Половозрастные категории крестьян

	Соколово			Савиново			Комарово			
	Пересел.	Старож.	Всего	Пересел.	Старож.	Всего	Пересел.	Старож.	Всего	
Муж. пол	до 8 лет	97	108	205	148	184	332	59	146	205
	%	20	24	22	28	24	26	20	21	20
	8-14	88	81	169	101	111	212	49	107	156
	%	18	18	18	19	14	16	16	15	16
	14-18	45	47	92	63	85	148	25	73	98
	%	9	10,5	10	12	11	11	8	10	10
	18-20	15	9	24	13	18	31	8	23	33
	%	3	2	2,5	2	2	2	3	3	3
	20-60	191	189	380	231	333	564	130	308	439
	%	40	42,2	40	44	44	44	44	44	44
	60 и старше	47	13	60	49	31	80	27	41	68
	%	3,3	10	6,5	9	4	6	9	6	7
	всего	483	447	930	525	762	1287	298	700	998
	%	52	48	50	47	48	47	53	52	52
Жен. пол	до 8 лет	98	132	230	122	218	340	62	170	232
	%	22	27	25	21	27	24	23	26	25
	8-14	62	83	145	98	118	216	29	86	115
	%	14	17	16	17	15	15	11	13	12
	14-18	49	49	98	66	71	137	36	56	92
	%	11	10	11	11	9	10	13	8	10
	18-20	23	17	40	29	28	57	6	28	34
	%	5	3	4	5	3	4	2	4	4
	20-55	155	180	335	215	301	516	113	255	368
	%	35	36	36	37	37	43	39	40	40
	55 и старше	50	35	85	54	72	126	19	61	80
	%	11	7	9	9	9	9	7	9	9
Обоего пола		920	943	1863	1109	1570	2679	563	1356	1909
	%	49	51	100	41	59	100	29	71	100

В условиях развития единоличного хозяйства крестьяне часто прибегали к под甸ному найму, меньше использовали «сезонных», «сроковых», «месячных» или «годовых» работников. Традиционная в крестьянском обществе «помощь» была заменена денежными отношениями. Город Бийск в это время был одним из крупнейших торговых городов в Сибири, близость его привела к тому, что в этих селах очень рано установились товарные отношения, разъединившие крестьянскую общщину и традиционная соседская помощь быстро теряла свое значение, отношение между крестьянами стали более деловыми и перешли на денежные. В 30-40% хозяйств использовался найм под甸ных рабочих. Остальные виды найма составляли не более 3%.

Таблица 10
Количество семей, использующих найм, и категории найма

	Соколово			Савиново			Комарово		
	Пересел.	Старож.	Всего	Пересел.	Старож.	Всего	Пересел.	Старож.	Всего
Годовой	0	0	0	1	1	2	0	3	3
%	0	0	0	0,6	0,4	0,4	0	1,2	0,9
Сроковой	1	0	1	1	0	1	0	0	0
%	0,5	0	0,3	0,6	0	0,2	0	0	0
Месячный	0	0	0	0	2	2	0	1	1
%	0	0	0	0	0,7	0,4	0	0,4	0,3
Поденный	65	46	111	71	99	170	28	94	122
%	48	26	35	44	36	39	31	39	37
Сдельный	1	0	1	4	8	12	0	8	8
%	0,7	0	0,3	2	3	3	0	3	2
Помочь	0	0	0	0	0	0	0	0	0
%	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Исп. найма	66	47	113	77	110	187	28	106	134

Наличие в Соколово и Савиново церковно-приходских школ слабо влияло на рост грамотности. Среди женщин грамотных было всего 3%, в Соколово – 9%, в Савиново – 7%. Среди мужчин грамотность была выше и составляла 18–28%, особенно среди переселенцев. Грамотных старожилов было 17–25%, среди новоселов – 22–33% среди мужчин и соответственно 4–11% среди женщин.

Таблица 12
Количество грамотного населения среди мужчин, женщины

	Соколово			Савиново			Комарово		
	Пересел.	Старож.	Всего	Пересел.	Старож.	Всего	Пересел.	Старож.	Всего
Человек									
муж.	147	113	260	172	193	365	67	118	185
%	30	25	28	33	25	28	22	17	18
всего	483	447	930	525	762	1287	298	700	998
жен.	52	34	86	50	44	94	10	19	29
%	11	6,8	9	8	5	7	4	3	3
всего	437	496	933	584	808	1392	265	656	921
об. пола	199	147	346	222	237	459	77	137	214
%	22	15,5	19	20	15	17	14	10	11
всего	920	943	1863	1109	1570	2679	563	1359	1909

Таблица 13
Количество неграмотного населения

Количество	Соколово			Савиново			Комарово		
	Пересел.	Старож.	Всего	Пересел.	Старож.	Всего	Пересел.	Старож.	Всего
семей	45	70	115	50	110	160	51	150	201
%	32	39	36	31	39	36	56	62	60

Поток переселенцев из Европейской России напоминал волнобразное движение, наивысшей своей высоты оно достигло в 1880-х гг. XIX в. и постепенно к началу XX в. этот поток спадал. Основная масса переселенцев была выходцами из черноземных районов России, т.к. этот район был наиболее густо населен, и переселенцы из Сибири

(Томская, Тобольская губернии) (рис. 1). В Комарово 33% всех переселенцев были из Вятской губернии. Основной поток новоселов приходился на период с 1875–1885 г.

Таблица 14

Число переселенцев в период с 1865 по 1917 г. (сем.)

Год	Соколово	%	Савиново	%	Комарово	%
1865–1869	17	12	10	6	5	5
1870–1874	16	11,4	12	7	21	23
1875–1879	26	18,3	39	24	23	25
1880–1884	39	27	41	25	22	24
1885–1889	20	14	24	15	9	10
1890–1894	8	6	14	9	6	7
1895–1899	7	5	11	7	1	1
1900–1904	3	21	3	2	1	1
1904–1909	1	0,7	3	2	0	0
1910–1917	5	3,5	5	3	3	3
100%	142		162		563	

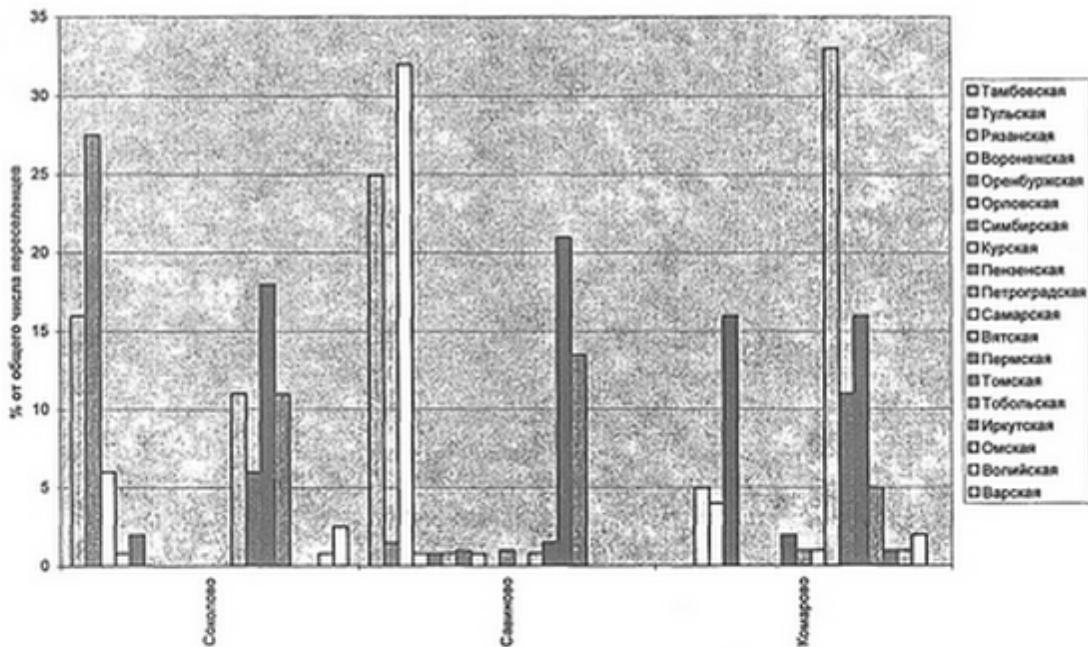

Рис. 1. Количество переселенцев в процентах

Основным сословием в селах было крестьянство, с небольшой долей мещан и купцов. Из крестьян, занимающихся сельским хозяйством, к зажиточным в Комарово относилось 5 семей, из них три семьи переселенцев. Больше всего пахотной земли имел Егоров Фрол Савельевич, приехавший из Оренбургской губернии в 1890 г., – 28 дес. своей и 16 дес. арендованной земли, из них под посевами находилось 33 дес. земли. Клименский Михаил Евсеевич и его сын Андриан Михайлович были выходцами из Перми. Они переселились в Алтайский округ в 1874 г. У отца под посевами находилось 25 дес. земли, у сына 21 дес. Вилюсов Никифор Матвеевич – старожил, засевал

18 дес. земли и имел 33 головы скота. Майдуров Иван Васильевич – старожил имел 21 дес. земли.

Но при достаточном количестве пашни у Вилюсова в доме жили 18 «едоков».

В отличие от Комарово основу сельского хозяйства Савиново составляло животноводство. В Савиново зажиточных семей было 9. В основном это были старожильческие семьи. Вдовин Петр Андреевич – старожил, содержал 42 головы скота (13 лошадей, 10 голов КРС, две овцы, 17 свиней) и имел пашню в размере 23 дес., из них 3 дес. составляла аренда, его посевы составляли 20 дес. В хозяйстве Вдовина Петра Ефимовича было 13 лошадей, 9 голов КРС, 9 свиней и 12 дес. посева. Вдовин Александр Андреевич – старожил, 48 голов скота (17 лошадей, 18 КРС, 13 свиней), 28 дес. посева. Старики Ефим Иванович – старожил, держал 36 голов скота (17 лошадей 5 КРС, 9 овец, 5 свиней), 18 дес. посева. Усов Никита Николаевич – 30 голов скота и 14 дес. посева. Карапеев Максим Анисимович – переселенец из Тамбовской губернии с 1885 г. засевал 18 дес. пашни. Крапивин Михаил Иванович – переселенец из Тобольской губернии. В селе с 1872 г. Семья его насчитывала 20 человек, имел 36 голов скота, в основном лошади (13 голов), посев 18 дес. Моисеев Федор Кузьмич – переселенец из Рязанской губернии (1884 г.) имел 34 головы скота и 6,7 дес. посева. Нагих Василий Иванович – старожил, засевал 16 десятин.

В Соколово можно выделить 2 зажиточных хозяйства: Казенных Егор Алексеевич – переселенец из Рязанской губернии. С 1874 г. держал 12 лошадей, 10 КРС, 4 овцы, 8 свиней и засевал 23 десятины. Масленников Меркурий Данилович – переселился в 1871 г., ямщик, в хозяйстве было 10 лошадей, 9 коров, 17 овец, 7 свиней, а его посев составлял 23 десятины.

История сел в советское время

Наиболее благоприятным периодом для развития крестьянских хозяйств было время до начала коллективизации, старожилы его часто называют: «при единоличной жизни». В эти годы крестьяне получили свободу, они сами распоряжались землей, каждый управлял своим хозяйством по своему желанию. Результатом новой экономической политики стало осерединчивание. Насколько бы ни был тяжел продналог, у крестьян, грамотно ведущих свое хозяйство, накапливавших излишек, и они из мелких производителей превращались в зажиточных крестьян. Самы жители преимущества «единоличной» жизни определяли так: «Считали, что единолично жить лучше, что сам себе хозяин, как хочешь, так ты и вспашь, взборони, посей, выращивай урожай, можешь продавать, нанимать рабочих, рассчитывались зерном» [3].

О 1930-х гг. люди вспоминают с болью или сочувствием. В Савиново были раскулачены: Старикин Андрей – умер в ссылке; Дубинин Николай – вернулся в село; Катаицев Никифор Семенович. Его племянник И.Е. Кузовлев рассказывает: «Дядя испростыл там весь, приехал, недолго тут жил, скончался. Были и те, которые не вернулись, 17 человек в Савиново были расстреляны и это только то, что знают жители села, а сколько их захоронили в Нарымском крае, на каторгах и в тюрьмах» [3]. А.С. Рыбникова описала процесс раскулачивания: «Обобрали богатых, сослали, как-то веялку держал; в Комарово машинку держали, хлеб молотить, кто работника держал – этих в первую очередь увозили, а потом, после этого еще тебе налог принесут – оплатишь, еще несут, недоимку принесут, потом заплатишь, еще несут, нечем платить – неплатильщик, в «черный ворон» куда-то увезут, не возвращались, не платильщик, а остальных, если не сошлют, обоберут, если не сослали, обоберут» [6].

Точного определения, кого считать кулаком не было, в каждом районе была своя норма, в среднем она составляла 5–7%, но власти на местах отнеслись к этой норме «по-стахановски», намного перевыполнив данную норму. Зачастую в кулаки записывали середняков и даже неугодных по каким-то причинам бедняков, которых называли зловещим словом «подкулачник». Вот как об этом рассказывал Г.Л. Шаромов: «Хороших мужиков раскулачивали, на кого пальцем показывают. Другой богато жил – остался, а другой лошаденку одну имел и его раскулачили» [10]. За неимением, в большинстве случаев зажиточных хозяйств, прибегали к раскулачиванию бедняцких семей, потому

что есть норма, которую нужно выполнить, нужен отчет о проведении сплошной (100%) коллективизации, а дальнейшая судьба человека не учитывалась. В рассказах односельчан о раскулаченных заметно сочувствие к ним и ненависть к «беднякам-лодарям», проявлявшим активность в период коллективизации, к тем кто первым вступил в колхоз, кто проводил раскулачивание на местах. Их, а не центральную власть обвиняют в жестокости и несправедливости. З.С. Старикова: «...а те, кто по домам ходил, те уже подошли. У нас 3 человека из местных, сельсовет выбрал. Они зашли первые в колхоз, они и грабили» [8].

Дома раскулаченных переходили к колхозу, как и имущество раскулаченных, часть домов перевозили в новое строящееся село Зональное. Е.П. Жданова: «Мельниковых дом взяли, Меркульев дом, Филипповых дом, они магазин держали, Быковых, их называли – Максимовы, Катасоновых (мельником был). Зональное из «кулацких» домов строилось» [6]. В Зональное перевозили «кулацкие дома» из Савиново, Комарово, Соколово.

В 1929 г. были организованы первые колхозы. Стали урезать огороды, было приказано сдать скот, забрали пашни. А.С. Рыбникова вспоминает: «Огороды были, кто сколько занял, потом обрезали, дали по 15 соток, остальная земля свободна, народ занял огороды, кто-нибудь, дай думает возьму еще, все равно пустует, побольше посажу. Посев закончен, обмер сделают, кто лишнюю сотку взял, у того две выкопают» [6]. Е.И. Симонова: «Скота согнали, у нас вот угнали со двора, там сарай был «кулацкий», там пригон был и вот в этот пригон весь скот согнали, а потом опять разогнали» [7]. И.Е. Кузовлев вспоминает: «В 1929–1930-е гг. загонять в колхоз начали, гоном гнали, хощь не хощь, скотину сдавай, одну или еще две коровы оставляли, лошадей забирали в колхозы. А не шли в колхозы, считали, что единолично жить лучше, что сам себе хозяин» [3]. З.С. Старикова рассказывает: «Мама сначала не шли, бога боялись. Пришли, корову отобрали у нас. Мы тогда заявление в колхоз подали. Мы сдали в колхоз все: коней, веялку, борону сдали в колхоз» [8].

В Комарово был основан колхоз «Красный лес», он имел мясомолочное направление. В Савиново было три колхоза: первым, по словам жителей, был колхоз «Чапаев» (ул. Верхне- и Нижне-Береговая), следующим колхозом был колхоз «14 лет Октября» (ул. Советская, пер. Короткий, с. Гудово), колхоз «Сакко и Ванцетти» находился на ул. Новой. В колхозах сеяли свеклу, хлеб, лен (для волокна). В Чапаевском колхозе был сад (выращивали плодовые деревья, ягоды), при колхозе имелась пасека на 150 ульев. В 1950-е г. колхозы Соколово, Савиново, Комарово объединились в колхоз им. Масленникова.

В Соколово первым колхозом был «Красный сокол», он был образован в 1929 г., его контора находилась в доме Казенных. В 1930 г. было организовано еще два колхоза – «Красный партизан» и «1 Мая» (находился за рекой, сейчас ул. Майская). У Спиртзавода жили заводские рабочие – « заводские ». В Соколово работал откорм-совхоз № 2, первым его названием было свиносовхоз, потом он изменил направление на молочное производство.

В колхозах сначала рассчитывались хлебом, потом стали платить за трудодни деньгами. Были случаи, когда люди оставались совсем без хлеба. Направление колхозов было ориентировано в основном на посев зерновых, но выращивали технические и кормовые культуры. Было развито и скотоводство. В частности, в Соколово был большой табун лошадей. Е.И. Симонова рассказывала о колхозном труде: «Мы работали день и ночь, когда свекла начиналась, мы с фонарем работали. Мы день вяжем, скирдуем, потому что днем на конях снопы возить нельзя – паут, а мы вяжем, а как паут стихнет, мы скирдуем и молотим. Снопы вяжем, кто свяжет маленький, а кто свяжет от пола не оторвешь. Поднимашь, из тебя все вылезит, а что делать – работа, тяжелая работа, мешки на бричку подымали» [7].

В 1930-х гг. в селах были построены клубы. В Комарово он был на пересечении ул. Центральная и ул. Брейтмана. В Савиново в 1949–1950 гг. из сломанной церкви построили клуб, в Соколово заводской клуб разместился в одном из «кулацких» домов. До сих пор единственная больница на три села находится в Соколово. Она была

построена заводом и работает по сей день. При слабой системе здравоохранения большое распространение получило захарство. Особенно славилось Комарово.

Время Великой Отечественной войны

В годы Великой Отечественной войны от большого голода спасали большие огороды. Главным продуктом был картофель, его варили, пекли, жарили, делали драники, которые заменяли людям хлеб. Из мяса, в основном, ели свинину и молочные продукты. В Соколово люди, работающие на заводе, ели барду (отход от пшеницы при производстве спирта), ею кормили скот, что позволило частично сохранить поголовье скота. Ели также карлык – смесь пшеницы и травы «соболек». В пищу шла тыква, свекла, грибы, коренья, травы и ягоды. Причем ягодой часто травились, потому что ее ели на голодный желудок в больших количествах. Делали овсяной кисель. Женщины ткали половики и продавали, заводские рабочие продавали спирт [3].

Вся тяжелая работа легла на женские плечи, работали на тракторах и на машинах, дети работали на свекле. В 1941 г. в села были депортированы немцы, калмыки и молдаване. Немцы и молдаване расселились по всему селу, а вот калмыки селились все в одном месте. В Соколово ими был заселен район, который жители села прозвали Шанхай, из-за поселившихся там калмыков. Они строили дома из кирпича, опилок и глины – бараки небольшой высоты. Были строения из дерна. Немцы начали строиться из лиственных пород (осина, береза), но по прошествии некоторого времени их дома начали гнить, и они перестроили дома из соснового леса. В 1941 г. в село в здание магазина Глебова переехала эвакуированная из Ленинграда школа слепых. Дети и учителя вели школьное подсобное хозяйство, сами заготавливали дрова, помогали в колхозе.

Литература и источники

1. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2002 г.: Зональный район. Комарово. Вилисов В.В. 1939 г.р., кассета № 46.
2. Там же. Материалы из музея Соколово. Казенных А.И. 1906 г.р.
3. Там же. Савиново. Кузовлев И.Е. 1934 г.р., кассета № 47, 48.
4. Там же. Савиново. Лель А. Е. 1915 г.р., кассета № 51.
5. Там же. Соколово. Макрушин М.В. 1930 г.р., кассета № 43.
6. Там же. Соколово. Рыбникова А.С. 1909 г.р., кассета № 50.
7. Там же. Соколово. Симонова Е.И. 1917 г.р., кассета № 60.
8. Там же. Савиново. Старикова З.С. 1917 г.р., кассета № 51.
9. Там же. Соколово. Шадрина В.Н. 1935 г.р., кассета № 44.
10. Там же. Соколово. Шаромов Г.Л. 1910 г.р., кассета № 43.
11. Беликов Д.Н. Первые русские крестьяне насељники Томского края // Научные очерки Томского края / Под ред. Кащенко Н.Ф. Томск, 1898.
12. Булыгин Ю.С. Первые крестьяне на Алтае. Барнаул, 1974.
13. Бурлакова А.М., Пудовкина Т.А. Почвы. Земельные ресурсы // Энциклопедия Алтайского края. Т. I, Барнаул, 1995.
14. Скубневский В.А. Платоновы // Былое № 1–2. Барнаул, 1996.
15. Список населенных мест Томской губернии 1893 года. Томск, 1896.
16. Список населенных мест Томской губернии на 1911 год. Томск, 1911.
17. Список населенных мест Сибири. Вып. 9. Новосибирск, 1928.
18. ЦХАФ АК. Алфавитный список селений бывшего Алтайского округа, существовавших в 1747–1758 годах составлен по «ревизским сказкам» 2–10 ревизии населения, хранящихся в ГААК, составитель Н.Я. Савельев 1964–1965.
19. Там же. Ф. 192. Оп. 1. Д. 23. Л. 53–54.
20. Там же. Л. 54–57.
21. Там же. Л. 57–58.
22. Там же. Д. 37. Л. 51–53.
23. Там же. Д. 142. Л. 21
24. Там же. Ф. 233. Оп. 1а. Д. 440–441.

25. ЦХАФ АК. Ф. 1765. Оп. 1. Д. 43. Л. 69
26. Там же. Л. 74.
27. Административно-территориальные изменения за 1939–1991. Ч. 1. Барнаул, 1992.
28. Документы по истории церквей и вероисповеданий в Алтайском крае (XVII–начало XX в.). Барнаул, 1997.

Е.В. Пивоварова

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК СЕЛА ПЛЕШКОВО ЗОНАЛЬНОГО РАЙОНА

Особенность заселения и селообразования территории Бийского Приобья заключается в том, что многие населенные пункты были основаны по указу сверху. Это было вызвано необходимостью увеличения сельскохозяйственного населения для снабжения крепости продовольствием. Одним из таких населенных пунктов является с. Плешково Зонального района. В 1777 г. у впадения р. Буланихи в озеро Уткуль была основана деревня Плешково Бийской слободы. По указу Канцелярии горного начальства во вновь образованный населенный пункт были переселены крестьяне из следующих деревень: Соколово, Бобровская, Комарова, Боровлянка Белоярской слободы и из Красноярской слободы [1].

Существует две версии об образовании названия данного населенного пункта. Согласно устным источникам, свое название д. Плешково получила от названия места обоснования первых переселенцев, которые обосновались на плешине (поляне) среди бора, окружавшего озеро Уткуль [2]. По данным Ю.С. Булыгина, свое название д. Плешкова получила от фамилии первых поселенцев – Плешковых. В данной деревне в 1777 г. проживала 21 семья Плешковых [1].

В конце XVIII–первой половине XIX в. переселения происходили в основном внутри Горного округа по направлению с севера на юг. В период между третьей и четвертой ревизиями (1763–1782) на территорию Бийской слободы переселилось 76 душ м. п. [3]. По результатам четвертой ревизии 1782 года в д. Плешковой числилось 53 души м. п. и 54 – ж. п. [1]. Согласно данным Ю.С. Булыгина, в 1785 г. в деревне насчитывалось уже 64 души мужского пола и 61 женского. В деревне было 15 дворов. В 1882 г. в д. Плешково Бийской слободы переселился Тимофей Овчинников из д. Рассказиха Белоярской слободы [1].

В дальнейшем происходил постепенный рост населения д. Плешковой. Так, в 1792 г. численность населения составляла 115 душ м. п. и 111 душ ж. п., также числился 31 дом и было 3 мельницы. Согласно результатам пятой ревизии, проведенной в 1795 г., в деревне проживало 130 д.м. п. и 156 д.ж. п. в 126-ти дворах [1].

В 1811 г. мужское население сократилось до 117 душ, но в последующее время количество их возросло до 132 [1]. Причины этого нам неизвестны, но можно предположить, что такие скачки произошли вследствие внутренних переселений.

Открытие Алтайского горного округа для переселений в 1865 г. способствовало увеличению численности населения в старых селах Бийской волости, в том числе в с. Плешково. В 1882 г. в селе Плешково числился 221 двор. Согласно переписи 1893 г., в с. Плешковском (Иткуль) числилось 1216 душ м. п. и 1225 ж.п. В селе была церковь, общественный хлебозапасный магазин и общественное питейное заведение [4].

В торговом отношении с. Плешково было достаточно самостоятельным. В 1897 г. в селе имелось 2 торговых и 2 мелочных лавки и одно общественное питейное заведение. Владельцами лавок были бийский мещанин М.А. Потанин, крестьяне Ф.С. Копытин и Ф.С. Петухов, а так же бийский купец 2-й гильдии В.Г. Пискарев. Питейное заведение было общественным, им владело плешковское сельское общество, а приказчиком при нем был Прокопий Ляпин. Суммарный годовой доход всех этих торговых предприятий составлял 10325 руб. в год [5]. По данным торговой проверки 1900 г., в с. Плеш-

ково имелись все те же две мануфактурные лавки, владельцами которых были Потанин и Копытин, осталась мелочная лавка Ф.С. Петухова. Новую торговую лавку в 1899 г. открыл крестьянин П.Т. Костенков. Общественное питейное заведение теперь принадлежало унтер-офицеру запаса И.А. Фролову. Годовой доход питейного заведения, по сравнению с 1897 г., вырос почти в два раза — с 3000 рублей в год до 5870 рублей 47 копеек. Повысились также доходы у Ф.С. Копытина — с 300 до 3000 рублей в год, и у Ф.С. Петухова — с 25 до 300 рублей. Суммарный доход всех заведений в 1900 г. составил 12670 рублей 47 копеек [6].

По данным 1911 г., в с. Плещково Бийской волости насчитывалось 1957 душ м.п. и 1938 душ ж. п. К этому времени в с. Плещково была построена церковь, церковно-приходская школа, работало две маслобойни, одна мельница, одна рушейка. В селе существовали торговая, мелочная, казенная винная лавка, хлебозапасный магазин и три кузницы [7].

Согласно данным Всероссийской с/х переписи 1917 г., в с. Плещково насчитывалось 3747 жителей, из них мужчин — 1869, а женщин — 1878 [8]. Подавляющая часть населения по национальному составу были русские. По данным таблицы 1, они составляли 93% от общего числа проживавших в селе. Украи́нцы, поселившиеся в Плещково в 1916 г., составляли 6,8%, кроме того, в этом селе проживала семья белоруссов.

Таблица 1

Национальный состав Плещково

Национальность	Кол-во семей	Процентное отношение
Русские	478	93
а) старожилы;	166	32,3
б) переселенцы	312	60,7
Украинцы		
(переселенцы)	35	6,8
Белорусы		
(переселенцы)	1	0,2

Основная масса переселенцев в Плещково — выходцы из центрально-черноземных губерний (около 80%). Они переселились из европейской части России в 1870—1890-е гг. Наибольшее количество переселенцев в Плещково прибыло из Тамбовской, Рязанской и Воронежской губерний.

Таблица 2

Места выхода переселенцев в Плещково

Места выхода	Количество (семей)	Процентное отношение
Гродненская	29	8,6
Волынская	3	0,9
Витебская	1	0,3
Томская	20	5,7
Тобольская	23	6,6
Воронежская	41	11,8
Вятская	2	0,6
Костромская	4	1,1
Курская	1	0,3
Оренбургская	1	0,3
Орловская	6	1,7
Новгородская	1	0,3
Пермская	5	1,5
Рязанская	94	27
Самарская	3	0,9
Симбирская	13	3,7
Тамбовская	98	28,2
Из неустановленной губернии	2	0,6

В начале XX в. усилился поток переселенцев из малороссийских губерний. Массовое переселение украинских крестьян из Гродненской, Волынской губерний в Сибирь (Томскую и Тобольскую губернии) произошло в 1915 г. (10%). В Плещково большая их часть прибыла в 1916 г. из Томской и Тобольской губерний (30 семей). Вероятно это переселение было связано с событиями Первой мировой войны, которые затронули данные районы и вынудили многих крестьян к переселению. Это предположение доказывают результаты данной переписи, которые свидетельствуют о том, что экономическое положение украинских переселенцев было низким. Ни у одной из этих семей не было ни скота, ни пашни и лишь у семьи Андреюк было засеяно 0,2 десятины табака на земле, взятой в аренду.

Таблица 3

Годы поселения в Плещково

Годы поселения	Количество хозяйств	Процентное отношение
До 1870	16	4,5
1870–80-е	109	31,3
1880–90-е	135	38,7
1890–1900-е	40	11,6
1900–1917 гг.	48	13,8

Более половины семей имели в своем составе от шести до десяти человек. Такие большие семьи в конце XIX – начале XX в. были самыми распространенными. В больших семьях совместно проживало до трех поколений. 95 семей имели в своем составе от 11 до 15 человек, а 9 семей – более 15 человек. Большой состав семьи обуславливался стремлением вести крепкое хозяйство, так как в традиционном хозяйстве русских крестьян основу благосостояния составлял трудовой вклад всех членов семьи.

Таблица 4

Состав семей Плещково по сельскохозяйственной переписи 1917 г.

Кол-во человек в семье	Кол-во семей	Процентное отношение
1–5	106	21,1
6–10	304	59,4
11–15	95	18,6
более 15	9	1,9

Самыми большими семьями – по 21 человеку, были семьи Даниловых и Глебовых. Семья Данилова Николая Филимоновича переселилась в Плещково из Рязанской губернии в 1881 г. В семье из 21 человека 6 были грамотными. Даниловы имели большое хозяйство. Они держали 12 лошадей, 13 голов КРС, 35 овец и 12 свиней. В их пользовании было 47,6 дес. земли, из которых 37,6 дес. были под посевами. Большую часть посевов составляла яровая пшеница (20 дес.) и просо (15 дес.). Из технических культур эта семья высевала лен, коноплю и картофель. Семья по меркам того времени была достаточно обеспечена сельскохозяйственным инвентарем. В личном владении семьи находилось 2 сохи, 6 борон, 7 телег, веялка, жнейка. В совместном владении с другой семьей Даниловы имели молотилку. Эта семья занимала годовых и поденных рабочих для работы в своем большом хозяйстве.

Другая большая крестьянская семья Плещково – Глебова Давыда Васильевича, так же выходцы из Рязанской губернии, поселившиеся в с. Плещково в 1871 г. Численность ее составляла 21 человек. Грамотных в этой семье было больше, чем у Даниловых – 9 человек. Они держали 15 лошадей, 12 голов КРС, 27 овец, 4 свиньи и 4 поросенка. В их пользовании было 45,3 дес. земли, из которых засевалось 22 дес. Кроме яровой пшеницы и овса, они выращивали гречиху, горох, лен и коноплю.

К числу наиболее крупных семей можно отнести семьи Гончарова Данилы Никифоровича (18 человек) и Левинцевой Ефросиньи Антоновны (18 человек). Но было и немало семей, в составе которых насчитывалось 1–2 человека, в основном это были семьи ста-

риков-переселенцев, а так же людей, занимавших какие-либо должности в системе местного самоуправления, семьи церковных служителей, семьи учителей. Например, писарь Власов Григорий Яковлевич жил один, как и псаломщик Доброхотов Александр Михайлович и учительница Кутаркина Мария.

В 1899–1914 гг. на территории Алтайского горного округа была проведена землеустроительная реформа, упорядочившая крестьянское землепользование. Эта реформа в селе Плешково к 1911 г. была завершена. По данным переписи 1917 г., в пользовании общества с. Плешково было 28706,96 дес. земли. Традиционно земля отводилась сельскому обществу, которое в свою очередь распределяло ее внутри общины по количеству мужчин в семье. Это обусловило неодинаковые размеры земельных наделов крестьянских хозяйств.

Таблица 5

Размеры земельных владений в Плешково

Кол-во земли (дес.)	До 2-х.	2–3	4–9	10–15	16 и более
Кол-во хоз-в	21	11	82	144	211
проценты	4	2	15,6	27,5	40,3

По данным таблицы 5, видно, что наиболее распространенными были хозяйства с наделами 16 и более дес., что свидетельствует о хорошей обеспеченности земельными угодьями общества Плешково. Это доказывает тот факт, что в этом селе, согласно данным переписи, землю под паром почти не оставляли, а использовали систему залежного земледелия.

Таблица 6

Количество арендованной земли в Плешково

Арендаторы	Количество земли (дес.)
Старожилы	295,2
Переселенцы	963,5

205 хозяйств (около 40%) арендовали пашню у своих односельчан. Гораздо меньше владельцев земли в Плешково имели возможность сдавать на приемлемых для себя условиях. Поскольку землеустройству подлежали не только крестьянские хозяйства, землей наделяли и церкви, церковно-приходские школы. Именно поэтому в Плешково была крупным арендодателем Покровская церковно-приходская школа, сдававшая частным лицам 30 дес. Средний же размер сдаваемого участка можно определить в 4,5 дес.

Таблица 7

Сдача земли в аренду в Плешково

Арендодатели	Количество земли (дес.)	Количество хозяйств
Старожилы	121	28
Переселенцы	153,4	33
Всего	274,4	61

Основным занятием населения с. Плешково в 1917 г. было земледелие и мясомолочное животноводство. Крестьянские хозяйства сеяли мало. Главными культурами были яровая пшеница, овес. Рожь высевали понемногу, а озимых посевов вообще не было. Многие сеяли коноплю и лен, которые использовали для производства домотканых тканей, а из семян конопли (по словам респондентов) давили вкусное масло. Незначительными были и посевы табака, подсолнечника.

Важным показателем хозяйственной состоятельности являлась обеспеченность его рабочим скотом. В соответствии с его количеством определялся уровень экономической состоятельности хозяйства. Учитывая трудность природно-климатических условий в Сибири, которая выражалась сжатыми сроками своевременной обработки земли, необходимо было большое количество тягловой рабочей силы. К бедняцким относили

безлошадные хозяйства и хозяйства, в которых было до 2-х лошадей. Если их количество было больше, то хозяйство можно было назвать середняцким или зажиточным.

Таблица 8
Группировка хозяйств Плешково по количеству рабочих лошадей

Группы хозяйств	Число лошадей	Число хозяйств	Процентное отношение
Бедняцкие	Нет	77	15
	1-2	83	16,1
Середняцкие	3-9	325	63,3
Зажиточные	10 и более	29	5,6
Всего		514	100

По данным таблицы № 8, 163 хозяйства (31,1%) были бедняцкими. Из них 77 хозяйств (15%) не имели лошадей. Вероятно, такие хозяйства были беспосевными или мало сеявшими. Очевидно, что в тяжелом экономическом положении находились крестьянские хозяйства с числом лошадей не более 2-х. В Плешково они составляли 83 хозяйства (16,1%). Середняцкими можно считать 325 (63,3%) хозяйств и лишь 29 хозяйств (5,6%) имели достаточное число лошадей для того, чтобы вести крепкое хозяйство. Наибольшее количество лошадей — 17 голов, было у Д.Н. Гончарова, 15 лошадей было в хозяйстве С.К. Фадеева, у Н.Ф. Данилова — 12 лошадей, а Е.П. Янов держал в своем хозяйстве 11 лошадей.

Для того, чтобы определить производственные возможности крестьянских хозяйств с. Плешково, необходимо рассмотреть их обеспеченность с/х инвентарем.

Таблица 9
Обеспеченность крестьянских хозяйств Плешково сельскохозяйственным инвентарем

Наименование с/х инвентаря	Количество хозяйств, имеющих в наличии с/х инвентарь		Всего
	старожилы	переселенцы	
Борона	125	304	429
Плуги	2	8	10
Молотилки	16	61	77
Жнейки	33	72	105
Телеги	147	284	431
Сохи	121	273	394

Согласно данным таблицы 9, можно сказать о широком использовании в крестьянских хозяйствах для вспашки земли сох, что говорит о сравнительно низком бюджете крестьян, что не позволило покупать плуги. Плуги использовались лишь в десяти хозяйствах. Самым распространенным в крестьянских хозяйствах видом сельскохозяйственного инвентаря была борона. Нередко их число доходило до 5-6 в одном хозяйстве. Достаточным было количество молотилок и жнеек. Этими орудиями труда нередко владели совместно несколько хозяйств, что говорит о развитии в Плешково первичной кооперации. Часть инвентаря была арендована у односельчан.

Обеспеченность хозяйств крупным рогатым скотом (коровами) имела большое значение для домашнего хозяйства населения Плешково, так как они давали крестьянам важную часть продуктов питания. Распределение КРС по хозяйствам было неравномерным, что свидетельствует о социально-экономической дифференциации населения Плешково.

Таблица 10
Группировка хозяйств Плешково по количеству крупного рогатого скота

Количество голов КРС	Число хозяйств	Процентное отношение
Нет	53	10,3
1-2	126	24,5
3-9	308	60
10 и более	27	5,2
Всего	514	100

Согласно обеспеченности крестьянских хозяйств КРС, 10,3% не имели его совсем. Бедняцким так же можно считать 126 хозяйств, у которых была одна-две коровы. Основную массу составляли середняцкие хозяйства с количеством КРС от трех до девяти голов. Таких хозяйств было 308 (60%), а 5,2% по данным показателям можно считать зажиточным. Наибольшее количество голов КРС содержалось в хозяйстве Т.Р. Швецова – 14 голов, С.К. Фадеева – 14, Н.Ф. Данилова – 13 и Д.Н. Гончарова – 11.

Овцы и свиньи также обеспечивали семьи необходимыми в рационе продуктами – мясом, а от овец получали шерсть для изготовления одежды и обуви.

Данные о количестве свиней в крестьянских хозяйствах представлены в таблице 11.

Таблица 11
Группировка хозяйств Плешково по количеству свиней и овец

Число голов	Количество овец	Процент	Количество свиней	Процентное отношение
Нет	222	43,2	164	32
1-2	30	5,8	124	24,1
3-9	144	28	190	37
10 и более	118	23	34	6,9

Таблица 12
Наем сельскохозяйственных рабочих в Плешково

Тип найма	Годовые	Сроковые	Месячные	Поденные	Сдельные	Помочи
Старожилы	4	7	7	92	4	1
Переселенцы	8	22	17	184	6	3

Всего к найму прибегало 355 (69%) хозяйств, причем к помощи поденных работников – 276 (53,7%) хозяйств. Лишь 4 (0,78%) хозяйства прибегало к «помочи». Такая безвозмездная помощь крестьян друг другу, форма найма предполагавшая взаимовыручку была недостаточно распространена в с. Плешково. Это можно объяснить развитием денежных отношений в сельской местности в связи с непосредственной близостью города.

По материалам переписи 1926 г. в селе Плешково, центре сельского совета, была одна школа, одна изба читальня. Население: мужчин – 1806, женщин – 1982, а всего – 3788. Хозяйств – 702. Преобладающей национальностью были русские.

Особенностью формирования населения с. Плешково в 1930-е гг. стало переселение из Горьковской области и Подмосковья. А.В. Майдуров сообщил, что в это время в селе было перенаселение. Приезжие значительно отличались от местного населения в культурном отношении и по говору. «Приезжали в лаптях, разговаривали по-другому. В лаптях ходили и зимой и летом. Их называли «лаптежники». В отличие от переселенцев конца XIX – начала XX в. переселенцам оказывали помощь – давали «подъемные». В конце 1930-х–начале 1940-х гг. в Плешково депортировали немцев с Поволжья. О переселении семей российских немцев в памяти информаторов сохранилось много воспоминаний. По словам А.Н. Гринемаер, партию, депортированных из

Саратовской области, сначала направили в с. Зональное, а затем их распределили по селам района. Его семью в числе других 18-ти семей направили в с. Плещково. Вещи перевозили на лошадях, а сами люди добирались до села пешком. Немцы сразу же начинали работать в колхозе, преимущественно в животноводческой сфере, а через некоторое время освоили русский язык. По словам А.В. Майдурова, отношение местного населения к депортированным не всегда было положительным — детей иногда называли фашистами. Депортированных немцев подселяли в приказном порядке в русские семьи. Так же в это время были депортированы калмыки, которые были размещены на сельской станции. Сельчане помнят об их традиции — хоронить в снегу.

Дальнейшие изменения численности населения с. Плещково можно проследить по табл. № 13.

Таблица 13

Численность населения Плещково в 1939—1989 гг.

Годы	Численность населения
1939	2628
1959	1635
1989	1355
1992	1653

Литература и источники

- ЦХАФ АК Ф. 1765. Оп. 1. Д. 43. Л. 73—73 об.
- Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2002 г. Зональный район. Плещково. Сарычева Е.Д., г.р., кассета № 121.
- Булыгин Ю.С. Первые крестьяне на Алтае. Барнаул, 1974. С. 78.
- Список населенных мест Томской губернии. Томск, 1893 г.
- ЦХАФ АК Ф. 192. Оп. 1. Д. 23. Л. 273—275 об.
- Там же. Д. 40. Л. 94 об.—95.
- Список населенных мест Томской губернии. Томск, 1911 г.
- ЦХАФ АК Ф. 233. Оп. 1а. Д. 114—116.

А.Н. Куликов

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛА ЛУГОВСКОЕ ПО ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ 1917 ГОДА

Село Луговское возникло в 1771 г. на месте земли Луговой [1]. Среди старожилов бытует мнение о возникновении села, связанного с прибытием в 1709 г. на р. Бия отряда служилых людей из Кузнецка во главе с Я. Максимовым. Село начало развиваться на месте существовавшего ранее кирпичного завода. С открытием Алтайского горного округа для переселений население села начало увеличиваться. В 60-е годы XIX в. в Луговское начинают переселяться люди из разных губерний. Данные сельскохозяйственной переписи 1917 г. позволяют проанализировать процесс заселения с. Луговское.

Таблица 1

Время поселения в Луговском

Годы	Количество семей	Процентное отношение
1867—1880	69	52
1881—1889	36	27
1890—1896	13	10
1897—1902	8	6
1903—1917	7	5
Всего	133	100

В период 1867–1880 гг. в Луговское переселилось самое большое количество семей (69). Первыми поселенцами были семьи Мозаевых и Коровиных, которые были численно большими по своему составу [2]. В 1881–1889 гг. население села пополнилось 36, а в 1890–1917 гг. 28 семьями. Время поселения в Сибирь и прибытия в Луговское нескольких семей неизвестно. Большинство переселенцев были выходцами из Рязанской губернии – 110 семей, из Тобольской губернии переселилось 9 семей, из Тамбовской – 7 семей. Место выхода двух семей неизвестно. Всего, по переписи 1917 г., в селе было 437 хозяйств, из которых 304 двора старожилов и 133 переселенцев.

Места выхода переселенцев в Луговское

Губернии	Число семей
Рязанская	110
Тамбовская	7
Курская	1
Воронежская	1
Тобольская	9
Нижегородская	1
Владимирская	1
Пермская	1
Всего	133

Вместе с тем для Луговского была характерна та же тенденция, что и для всех сел Зонального района: под давлением переселенческой волны старожилы мигрировали. Об этом говорят следующие цифры: в 1877–1902 гг. из села выбыла 61 семья, в 1903–1913 гг. – 52 семьи, а в 1914–1917 гг. – 7 семей.

Выбывшее население из Луговского

Годы	Количество семей
1877–1902	61
1903–1913	52
1914–1917	7
Всего	120

Крестьянские семьи были большими, это объясняется традиционным патриархальным укладом жизни и производственными традициями. Преобладали семьи с перевесом мужчин.

Состав семей в Луговском

Количество человек в семье	Число семей	Процентное соотношение
1–6	214	49
7–11	189	43
12–15	27	6
16–19	7	2
Всего	437	100

Почти половина семей имели от 1 до 6 человек, 189 семей – от 7 до 11 человек, 27 семей – от 12 до 15 человек и 7 семей – от 16 до 20 человек. Таким образом, большие семьи (от 12 человек и более) составляли 2%. Больше всего – 19 человек было в семье А.М. Казанцева, у С.О. Тарасова – 12 человек. Среди семей с составом не более двух человек – семья Н.В. Сомовой: она сама и ее малолетний сын. Обычно такие

Таблица 3

Таблица 4

семьи испытывали большие материальные затруднения, но являлись полноценным производственным коллективом. В ее хозяйстве была корова и лошадь.

Большое значение в жизни крестьян Луговского играло скотоводство. Обеспеченность хозяйства скотом, прежде всего лошадьми, является одним из показателей уровня производственной обеспеченности семьи. Земледелие было невозможно без скотоводства, так как для распашки земли нужна была тягловая сила.

Таблица 5
Группировка хозяйств Луговского по количеству лошадей

Число голов скота	Число хозяйств	Процентное соотношение
Нет	21	5
1–5	251	58
6–10	136	31
11–15	22	5
более 15	4	1
Всего	434	100

Не имело лошадей 21 хозяйство, 251 хозяйство держало от 1 до 5 лошади, 36 хозяйств – 6–10 лошадей, 22 хозяйства – от 11 до 15 лошадей и более. Развитие ряда домохозяйств носило предпринимательский характер. По 15 лошадей имели 4 хозяйства. Самое большое число лошадей – 17, было в хозяйстве И.Л. Казанцева.

В отличие от содержания лошадей, наличие других пород скота было обусловлено потребностями семьи в питании (молоко, мясо), сырья (шерсть, щетина). 37% хозяйств имели только одну корову.

Таблица 6
Группировка хозяйств Луговского по количеству коров

Число голов скота	Число хозяйств	Процентное соотношение
Нет	26	6
1–5	258	59
6–10	124	28
11–15	23	5
16–19	4	1,8
более 19	1	0,2
Всего	436	100

258 хозяйств имели от 1 до 5 коров, а 124 хозяйства от 6 до 10, 23 хозяйства от 1 до 15 коров, в четырех хозяйствах от 16 до 19 коров, в 26 хозяйствах не было коров вообще и только в одном хозяйстве насчитывалось 20 коров. Это было хозяйство того же И.Л. Казанцева, что подтверждает рыночный характер его хозяйства. Такой же характер, по-видимому, носило хозяйство У.Ф. Шестакова: 60 голов скота, из них 15 лошадей, 12 коров, 25 овец, 8 свиней. Семья Шестакова состояла из 14 человек, она имела 60,4 дес. земли, 4 дес. арендовала у П.К. Климова. В их хозяйстве имелись 1 сеялка, 8 борон, 2 косилки, молотилка, веялка, сортировка, телега на железном ходу. К тому же сам У.Ф. Шестаков был пчеловодом и имел пасеку. Это было одно из богатых хозяйств Луговского. К хозяйствам, у которых полностью отсутствовали инвентарь, скот, посевы относятся семьи М.Д. Шестакова и В.И. Соколова.

Кроме коров и лошадей, крестьяне села разводили коз, овец и свиней. Из козьей и овечьей шерсти производили одежду, а свиней выращивали на мясо. У Казанцева насчитывалось до 5 тысяч голов овец [3]. Это хозяйство можно назвать товарно-специализированным по производству овец. В остальных семьях овец держали только для личного потребления, а козы были только в нескольких хозяйствах.

Таблица 7
Группировка хозяйств Луговского по количеству всех видов скота

Число голов скота	Число хозяйств	Процентное соотношение
Нет	13	3
1-5	71	16
6-10	68	15,5
11-15	71	16
16-20	48	11
21-30	110	25
31-40	36	8
41-50	9	2,5
более 50	9	2,5
Всего	438	100

Но ведущей отраслью крестьянских домохозяйств являлось земледелие. Душевые наделы выделялись по количеству мужчин в семье, размер надела увеличивался или уменьшался в зависимости от числа мужчин в семьях. В селе было 19 хозяйств, которые являлись приписанными без наделов, а 3 хозяйства были «посторонними». Можно уверенно отнести их к более поздним переселенцам, которым приходилось арендовать землю.

Таблица 8
Аренда земли в Луговском

Количество десятин земли	Число хозяйств
1-5	33
6-20	41
более 20	1
Всего	75

Аренда осуществлялась на денежных условиях, чаще под яровые посевы и сроком на 1 год. Всего арендовали землю 75 хозяйств. Лишь в одном случае аренда носила отработочный характер.

Из посевных культур наиболее распространенной была яровая пшеница, на втором месте стоял овес, на третьем — лен. Еще сеяли просо и коноплю, из овощей самым распространенным был картофель.

Таблица 9
Виды посевных культур в Луговском

Культура	Площадь, дес.	Число хозяйств	Процентное соотношение
Яр. пшеница	2229,3	416	98
Овес	1675,9	311	73
Лен	158,6	298	70
Конопля	25,45	176	42
Просо	6,6	18	4
Картофель	19,85	173	41
Всего	4115,7	424	100

В селе Луговском проживало немало людей, которые занимались различными промыслами. Было распространено столярное дело. Его представителем был И.П. Казанцев. Его семья состояла из пяти человек, где он был единственным мужчиной. В его хозяйстве была лошадь, корова и свинья; из инвентаря имелась борона, телега на деревянном ходу, молотилка, веялки и сортировки; семья выращивала яровую пшеницу, овес, коноплю и картофель; землевладение И.П. Казанцева насчитывало 28,4 дес. Это позволяет говорить о том, что его промысел дополнял занятия сельским хозяйст-

вом. Наличие сельскохозяйственного инвентаря показывает предпринимательский характер. К его услугам по обмолоту, сортировке прибегали односельчане. В целом хозяйство И.П. Казанцева относилось к категории крепких и перспективных хозяйств.

Вторым плотником был Е.Ф. Казанин, его семья состояла из 7-ми человек: 3 мужчины, 2 женщины и 2 ребенка; хозяйство имело 4 лошади, 5 коров и 2 свиньи; выращивали яровую пшеницу, овес, лен, коноплю и картофель. Из инвентаря – 2 борона и 2 телеги на деревянном ходу. Землевладение Е.Ф. Казанина составляло 15,3 дес. Следует сказать, что и у И.П. Казанцева и у Е.Ф. Казанина была личная столярная мастерская. В сравнении с И.П. Казанцевым столярный промысел Е.Ф. Казанина играл существенную роль в жизнеобеспечении семьи, но также дополнял земледелие.

Важное место занимало пчеловодство. Промысловиками-пчеловодами были У.Ф. Шестаков, К.А. Казанцев, у последнего была пасека, состоящая из 20-ти ульев. Широко распространено было кузнечное дело. Имели свои кузни Г.Г. Казанцев, Я.А. Форкин, А.А. Ульянов, А.М. Шебалин. Кузницы Я.А. Форкина и А.А. Ульянова были оснащены горнами. Преобладание переселенцев над старожилами привело к распространению пастушечьего скотоводства. Как известно у старожилов существовал свободный выпас (беспастушечье скотоводство). Пастухами являлись Ф.В. Якишкин, И.С. Третьяков, Л.Г. Антонов.

Торговлей в селе занимался Н.Н. Волынкин. По сословной принадлежности он был крестьянином, но имел личную бакалейную лавку. В его семье было 6 грамотных человек. Пимокатным делом занимался Ф.И. Семериков. Писарем крестьянской общины был избран В.И. Соколов. По данным переписи 1917 г., в Луговском существовало несколько мельниц, которые находились в руках собственников: А.М. Казанцев владел ветряной мельницей, фамилия второго неизвестна. Устные источники значительно дополняют материал переписи. По данным одного из старожилов, в селе были мельницы Расщупкина, Казанина, Тряпичкина, Филимонова. Наплыв переселенцев, потребность обустройства на новом месте способствовали распространению занятий пильщиков и конопатчиков домов. В Луговском пильщиком был Л.Д. Казанцев, а конопатщиком П.А. Кривоусов.

Очень низким был уровень грамотности в селе. Всего умели читать и писать 306 человек. Грамотность среди женщин была ниже, чем среди мужчин. Например: в семье Н.Н. Волынкина было 6 грамотных, 5 человек из которых были мужчины.

Согласно переписи 1917 г., по национальному и сословному составу Луговское было однородным, в селе проживали только русские, из них было два мещанина, остальные относились к крестьянскому сословию.

Выгодное место расположения Луговского, а также высокая численность населения способствовало возникновению в Луговском в советское время центральной усадьбы. По данным переписи 1926 г., в Луговской сельский совет входили:

1. Коммуна «Свет ленинизма». Она располагалась на р. Шубенка. В ней проживало 29 мужчин и 33 женщины.

2. С. Верхголовка, образовавшаяся в 1901 г. оно состояло из 18-ти дворов. В нем проживало 45 мужчин и 38 женщин.

3. Новопетровский хутор. В нем проживали 71 мужчина и 79 женщин.

Демографический пик в развитии Луговского приходится на первое десятилетие советской власти. По переписи 1926 г., в Луговском проживало 3317 человек, из них 1611 мужчин, 1706 женщин, а также располагались одна школа, 629 дворов. Расстояние до окружного центра – Бийска, составляло 25 км.

В 30-х гг. XIX в. в Луговском была построена церковь, которая называлась Воскресенская. Старую церковь продали в 1920-е гг. в с. Сверчково, и построили новую [4]. В 1905 г. в новой церкви состоялась первая служба. С 1932-1935 гг. священником в церкви был В.В. Мутовкин, его зарплата составляла 40 рублей. Затем священником был Тимофеев. Его в 1938 г. репрессировали, а церковь после этого больше не функционировала [5]. В конце 1930-х гг. церковь разрушили и на ее месте построили дом культуры. Среди местного населения бытует несколько легенд, связанных с разрушением церкви. В частности, жители Луговского уверены, что разрушители церкви про-

пали без вести. Кроме того, в качестве наказания за разрушение церкви, клуб, стоящий на месте церкви, несколько раз горел.

Центром села традиционно была площадь с церковью. На ее территории располагалась церковно-приходская школа, кладбище, а за ее пределами — управа. В начале 1920-х гг. на месте управы расположили сельский совет. В 1920-е гг. появилась еще одна мельница, 2 сельпо, пекарня, промышленный магазин, чайная [6]. В 1932 г. в селе открылась начальная школа. Раскулачивание оставило сильный след в памяти людей [7]. Только в 1929 г. было раскулачено 200 дворов. В 1953 г. образовался совхоз «Луговской», 270 жителей села участвовали в работе на полях совхоза. Посевы совхоза составляли 650 гектар. Упадок экономики села, по мнению его жителей, наступил с разделением Бийского и Зонального районов.

Источники

1. Материалы Луговского краеведческого музея.
2. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2002 г. Зональный район. Луговское. Марков В.Г., 1937 г.р., кассета № 39.
3. Материалы Луговского краеведческого музея.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.

М.А. Овчарова

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛА БУЛАНИХА

Буланиха является одним из самых старых и богатых сел. Возникла она традиционным путем на месте земли. Первые переселенцы из-за недостатка пахотных земель, покосов искали нужные угодья. Были крестьяне, у которых пашня находилась далеко от деревни. Чтобы не терять время и силы на переезды, не оставлять надолго пашню без присмотра, крестьяне заводили земли и если место было удачным, то крестьяне поселялись там окончательно. На месте земли постепенно образовывалась новая деревня.

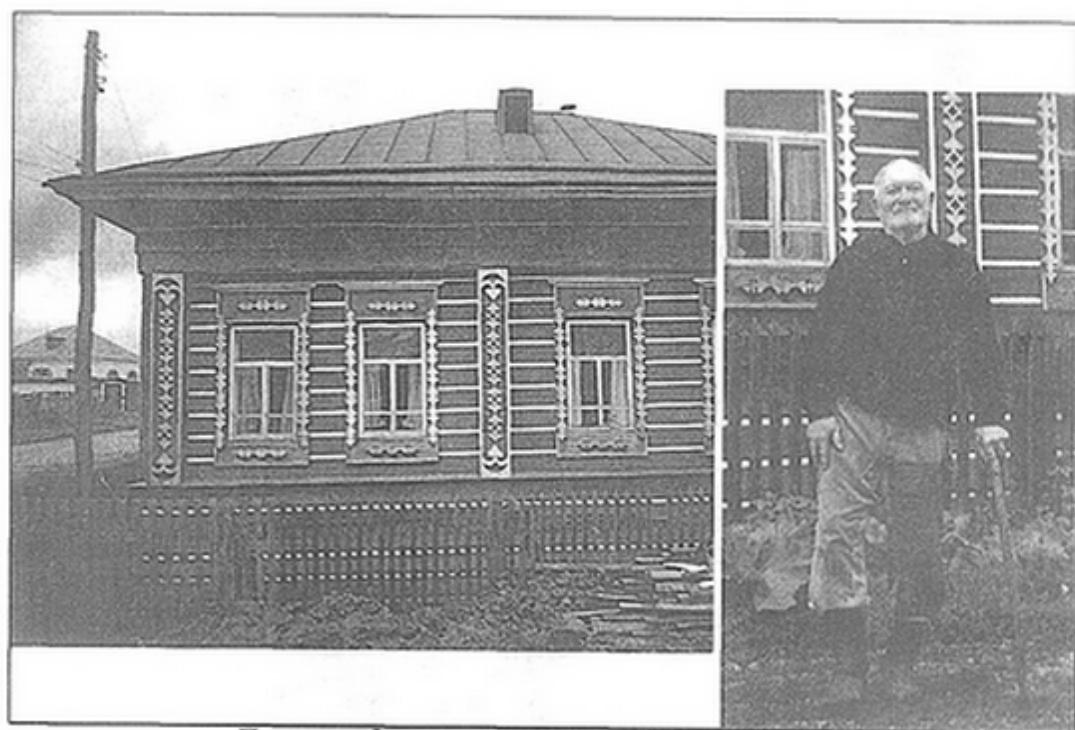
Как известно из документов, крестьяне д. Песчаной Бийского ведомства из-за недостатка сенокосных угодий вынуждены были косить сено за 80 верст по р. Чарышу, в 30 верстах по р. Камышенке, в 40 верстах — у р. Буланихи. В зимнее время из-за буранов приходилось проводить в рейсах за сеном по несколько дней. Поэтому крестьяне нашли место для земли по р. Буланиха. Местность была богата сенокосом, пахотной землей, лесом, пастбищами. Песчанские крестьяне подали прошение администрации Бийской крепости: «Просим разрешения поселиться у р. Буланиха». Разрешение было получено, и в новую д. Буланиху (названную по реке) переселилась в 1772 г. большая группа песчанских крестьян: Афанасий Михайлович Шебалин, Яков Федорович и Иван Федорович Березиковы, Николай Семенович Казанцев, Петр Иванович Потанин с семьями. К ним присоединилась одна семья из деревни Верхне-Соколовой Павла Камышева. Всего переселилось из обеих деревень 36 человек (18 мужчин и 18 женщин) [6, с. 82]. У самих жителей Буланихи бытует иная версия образования села. «В те далекие времена на месте Буланихи был дремучий лес. Приписные крестьяне с. Песчаного обязаны были чинить мосты и чинить дорогу через согру, которая осенью и весной была непроходимой. А им нужно было добираться до своих пашен. Чтобы избежать данных трудностей и земля там была хорошая, поэтому крестьяне переехали» [2].

В ревизских сказках Буланиха впервые упоминается в 4 ревизии: в 1782 г. было 48 д.м. п. Постепенно население стало увеличиваться: в 1795 г. (5 ревизия) в Буланихе

было 83 душ м.п., в 1811 г. (6 ревизия) насчитывалось 110 душ м. п. К 10 ревизии (1858 г.) население Буланихи составляло 248 душ м.п. [14]. В конце XIX–нач. XX в. в Буланиху хлынул поток переселенцев. Основная масса переселенцев приходится на период с 1877 г. по 1897 г. (в основном это были выходцы из Рязанской, Воронежской, Курской, Казанской губерний). Если, по переписи 1893 г., в селе было 1893 душ м.п. и 1809 душ ж.п. [12], то в 1911 г. численность населения достигла 2515 душ м.п. и 2487 душ ж. п. [13].

В Буланихе располагалось волостное правление, в которое входило 16 сел (Плещково, Горюшино, Харюзовка, Лошкино и другие окрестные села). Дымов Лазарь Петрович был волостным казначеем. Он переселился в село в 1877 г. из Рязанской губернии. Семья у него была большая, 5 сыновей со своими семьями жили с ним. Хозяин имел 5 душевых наделов (около 30 дес.), 47 голов скота, из которых 10 лошадей, держал работника Петра 12 лет [22]. Село управлялось сельским сходом, который собирался по важным вопросам жизни села: «в колокол позвонят, народ собирается» [4]. Во главе схода стоял сельский староста, которого выбирали из более зажиточной семьи. Староста решал не только общие вопросы, касающиеся села, но и частные, например, по обеспечению односельчан семенами. «Если семян надо, приходишь к старосте и говоришь, сколько тебе надо семян. Он в магазине заказывает. Семена дают семена, а когда урожай соберут, то, сколько семян брали столько и отдадут» [4]. Кредит давал купец II гильдии М.В. Бушковский. На плечи крестьянской общины ложилось и обслуживание дороги. По рассказам Г.В. Голяткина: «Сейчас дорога бугром идет, а раньше ямой была, т.е. по бокам земли нарывали. За каждой семьей был закреплен участок дороги, который она должна была обслуживать. Староста говорил, например, когда архиерей поедет проверять дороги, на каждом участке должен был стоять человек. И если что не ладно, он говорит старосте» [4].

Характер торговли во многом определялся состоянием транспорта. Железных дорог на Алтае во второй половине XIX в. не было. В основном преобладал гужевой и водный виды транспорта. Поэтому наличие тракта играло большую роль в жизни села и накладывало свой отпечаток на его развитие. Проходивший через центр Буланихи (сейчас он проходит в 2 км от села) Барнаульско-Бийский тракт, связывал Сибирь с Московско-Сибирским трактом, по которому шли грузы на запад – через Тюмень в Ирбит, Нижний Новгород и Москву, и на восток – через Красноярск, Иркутск, в Кяхту на русско-китайскую границу [8, с. 211–212]. В Буланихе был ямщицкий двор «подводы довезут от Шубинки до Буланихи, а потом от Буланихи до Харюзовки. По рассказам И.Ф. Фоминского, его дед и прадед занимались ямщиной. «Мой дед и прадед ямщину гоняли, тогда на тройках. У нас 39 лошадей было, рабочих имели. От Бийска до Томска почту возили» [1]. Фоминские появились в Бийском ведомстве в 1716 г. и были учтены в Бердском остроге во время первой ревизии. В селе, по переписи 1917 г., было 5 семей, все родственники, которые держали большое количество лошадей [6, с. 40]. Ямщиной также занимался Березников Андрей Степанович (род Березниковых является старожильческим, их фамилия упоминается среди первопоселенцев). Его хозяйство было одним из самых крупных в селе. Семья состояла из 14 чел. (7 детей). Держали двух работников, которые жили с ними, Кондрата 16 лет (годовой найм) и Захар 14 лет (месячный найм). А.С. Березиков имел 4 душевых надела (30 дес.), но засевал всего 14 дес. (7 дес. под яровую пшеницу), для того чтобы прокормить семью, а 10 дес. сдавал в аренду под пашню частному лицу на 1 год на денежной основе. Скота у семьи Березниковых было 44 головы, из которых стадо лошадей было 14 голов. Для извоза использовались 2 телеги на железном ходу (это телеги, у которых колеса окованы железом, их в селе было мало) и 7 телег на деревянном ходу (в среднем в хозяйстве было 1–3 телеги) [22]. Отсутствие железных дорог и пароходного движения (до 80-х гг. XIX в.) сделали извоз главным в транспортировке сельскохозяйственной продукции. Из Буланихи на лошадях в Томск везли мясо, а оттуда рыбу.

*Потомок Фоминских ямщиков М.М. Фоминский
возле своего дома, с. Буланиха, 2002 г.*

Анализ архивных источников показывает, что в Буланихе была налажена торговля скотом, «...каждым домохозяином для своего удовлетворения убито было скота: 1 голова крупнорогатого, 2 овцы, 1 свинья. При этом всего на продажу было поставлено: КРС 700 голов, овец 1400 и свиней 700 голов. Местные торговцы владельцы мелочных лавок занимались также торговлей скотом. Так, Бушковский Максим Иванович (мануфактурная лавка) на продажу отправил 140 голов свиней, Нехорошев Кузьма Степанович (владелец питейного заведения) 100 голов, Шилкин Михаил Иванович (мелочная лавка) 40 свиней» [15, табл. 3, 4, 5].

Удобное расположение села, и хорошее состояние дорог способствовали быстрому развитию торговли и торговых отношений. В сельской местности главную роль в торговле играли ярмарки (см. историческую справку № 1). На базары, которые проходили по средам и четвергам съезжались не только жители ближайших, но и других сел [13]. По переписи 1911 г., в Буланихе проходила недельная Дмитриевская ярмарка, которая была учреждена Томским губернским управлением 15 мая 1896 г. [18, л. 5–6]. Ярмарка проходила с 26 октября по 2 ноября, в ее торговле участвовали крестьяне Енисейской, Нижне-Чарышской, Уксунайской волостей, с развитым земледелием и скотоводством. Преобладающий род привозных товаров – мануфактура. Местные товары были представлены «сметаной, сладкой кукурузой, маслом, медом, воском, скотом, лошадьми, тканью, мелочью» [18, л. 5–6]. Во время ярмарки в ноябре 1897 г. товаров было привезено на 31930 руб. 98 коп., продано на 15765 руб. 43 коп. [18, л. 17–18]. Валовой оборот в 1904 г. составил 200 тыс. руб. В остальные годы от 15 до 80 тыс. руб. В привозе товаров преобладала мануфактура от 1/3 до 1/2. Основной местный товар состоял из льняной кудели и семян конопли, конопляного, льняного и сливочного масла, сала, шерсти, кожи и ремесленных изделий, самопрялок, пимов и др. Продавали также лошадей. Скупленный товар вывозили в Бийск, Барнаул, отправляли на железную дорогу [11, с. 416].

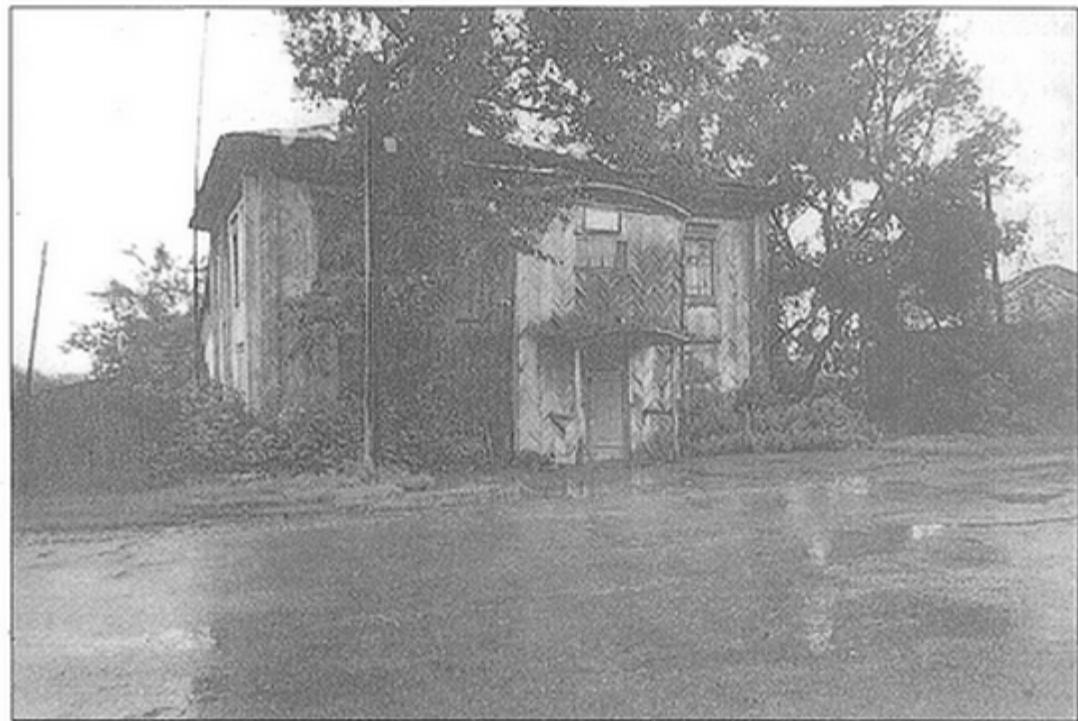
Историческая справка № 1

Для принятия участия в торгах на ярмарке необходимо было покупать ярмарочные торговые билеты. В основу патентной политики был положен принцип продолжительности торга. Чем дольше велась торговля на ярмарках, тем выше предполагалась стоимость ярмарочных торговых билетов. Освобождались от торговых выплат краткосрочные ярмарки (до 7 дней) как аренда деятельности крестьян. Это давало возможность им сбывать свою продукцию и на полученные средства пополнять свои запасы именно теми товарами, которые они не производили в своем хозяйстве. Эти ярмарки были отнесены к V разряду (всего существовало пять разрядов). В положении говорилось, что свободным торговым действиям на ярмарках, не подлежащих обложению пошлинами в пользу государства, относится торговля всего рода на ярмарках V разряда. Для торговли на ярмарках первых четырех разрядов вводились платы за различные виды торговли (патентные сборы) и торговые помещения: «Производство торговли на ярмарках I–IV разрядов... разрешается не иначе как по ярмарочным билетам, с уплатой с них в пользу казны установленных пошлин» [11, с. 318]. Таким образом, определились четыре рода торговли на ярмарках, в соответствии с которыми и выбирались билеты и свидетельства: для оптовой торговли – билет I гильдии, розничной торговли билет II гильдии, мелочной торговли – свидетельство. Стоимость их устанавливалась в соответствии с разрядами ярмарки. Самая высокая была на Нижегородской ярмарке – как Всероссийском оптовом торжище. В Сибири на ярмарках взамен земского сбора взимался прибавочный 10% сбор в государственную казну. В интересах казны было решено оставить привилегии крестьянам. На ярмарках I–IV разрядов свободной от платежа пошлин объявлялась торговля крестьянской продукцией – собственного производства, т.е. сельскохозяйственными продуктами, кустарными изделиями [11, с. 319].

Значительное место в жизни крестьян имели промыслы и мелкие формы обрабатывающей промышленности. Барнаульско-Бийский тракт влиял на развитие торговли и ремесла. Среди ремесел, широкое распространение получили промыслы кустарно-ремесленной группы: кожевенный, пимокатный, овчинно-шубный, бондарный, сапожный и др. (табл. 1). Эти промыслы занимали значительное место в жизни крестьян и служили для удовлетворения нужд собственного крестьянского хозяйства. Наличие тракта, развитие ярмарочной торговли, базары способствовали тому, что производство ремесленных товаров осуществлялось в основном на продажу. По рассказам Г.В. Голяткина: «Литвинов овчины, кожи делал, ему овечью шкуру сдавали, он ее выделявал. А за работу брал шкурами. А пимы катали почти все. Пимокатня была почти у каждого. Редко у кого не было» [4]. По архивным данным, в 1899 г. в селе был кожевенный завод у Михаила Максимовича Иванова [16]. В 1917 г. кожевенный завод имел Шубин Николай Григорьевич, переселенец из Воронежской губернии [22]. В Буланихе было очень много плотников, в основном это были переселенцы (поскольку это ремесло не требовало больших финансовых затрат, и в то же время пользовалось большим спросом). В селе много было бондарей, поскольку их продукция шла на продажу на базаре или на ярмарке, или могла быть обменена на гончарную продукцию, которая в Буланихе не производилась. Берчинев Прокопий Данилович помимо плотничества занимался изготовлением и ремонтом кадок, бочонков [4]. Значительное развитие получила переработка сельскохозяйственной продукции (табл. 2). В 1900 г. в селе было 10 мельниц. Владели ими: И.Я. Гущин, Р.И. Борисов, В.Д. Марченко, М.М. Шебалин, Е.И. Савилов, А.П. Поляков, А.И. Иноземцев, А.М. Иванов, А.П. Сибирцев, Е.П. Поспелов. Крупорушек было всего 2 (у Марченко Василия Денисовича и Гущина Тимофея Яковлевича), были маслобойни [17]. Семья Гущиных была очень богатая. «Гущины имели крупорушку, водяную мельницу, много скота. Муку возили в Бийск купцу Щелканову. В Буланихе в основном сеяли пшеницу, овес, а гречиху нам поставляли другие села: Плещково, Горюшино, Харюзовка» [3]. Семья Гущиных была крупным земельным собственником и владельцем большого количества скота. Они держали 86 голов скота (22 головы лошадей, 19 голов КРС и 38 голов МРС, 7 свиней), имели 13 душевых наделов, общей площадью 48,8 дес. земли [22]. В 1931 г. в числе раскула-

ченных в Буланихе оказалась семья Тимофея Яковлевича Гущина. По рассказам его потомка А.М. Гущина, которому в это время было 10 лет, всю их семью увезли в Бийск, где они жили неделю в тюремной ограде, ждали эшелона, который формировался в Нарым. Погрузили всех в вагон, но тут огласили решение какой-то «тройки», что те-то семьи освободить. В том числе и семью Гущиных, но дом наш был уже занят другими. Вот мы и скитались по родственникам» [3]. Маслобоек в 1899 г. в селе было 7. Их владельцами являлись М.И. Сергунов, С.Я. Волков, А.М. Голядкин, П.С. Пожилов, Р.В. Борисов (имел еще водяную мельницу), И.К. Чесноков, В.П. Поджилов [17]. В 1900 г. кузницы в селе были у Михаила Архиповича Ананина и Алексея Тимофеевича Агеева [16]. По архивным данным, нам удалось установить, что Агеев переселился в 1880 г. из Рязанской губернии, семья у него была небольшая, скота у него было 12 голов, заработка основной шел от кузнечного дела [22].

В Буланихе наряду с ярмарочной торговлей были купеческие магазины, питейные заведения много мелочных лавок (см. историческую справку № 2). Буланиха привлекала крупных купцов из Бийска. Так даже Е.И. Морозова хотела открыть здесь свое дело, но сельский сход не позволил. По рассказам Г.В. Голяткина, «Морозиха приехала, собрали сход, тут озерко было. Она спрашивала разрешения поставить мельницу и провести железную дорогу. А народ, а наши мельницы, что будут делать. И не дали. Купчиха Морозиха уехала и в Бийске поставила мельницу и тюрьму» [4].

*Здание питейного заведения, которым в 1900 г. заведовал
унтер-офицер Ф.М. Шилкин, с. Буланиха, 2002 г.*

Число мелочных и торговых лавок, варьировалось с каждым годом. В 1894 г. было 3 мелочных, 2 торговых, 1 питейное заведение. Владельцами мелочных лавок являлись В.А. Медведев, В.П. Поликанов, Ф.А. Колосов; торговых В.Н. Осипов, М.И. Бушковский, а питейным заведением заведовал К.С. Нехорошев [19]. Благодаря развитию товарно-денежных отношений в сельской местности к 1900 г. численность торговых предприятий увеличилась почти вдвое, и составила 6 мелочных, 2 мануфактурных лавки и одно питейное заведение. Мелочные лавки принадлежали В.А. Медведеву, В.П. Поликанову, Ф.А. Колосову, И.М. Гурову, А.Н. Савилову, З.А. Кайгародцеву. Питейным заведением

заведовалunter-офицер Ф.М. Шилкин [20] (табл. 3). В своей основной массе буланихинские «купцы» не имели больших капиталов и принадлежали к мелким торговцам, которые закупали свой товар в Бийске. Только некоторые из них имели отдельные помещения для торговли. В основном торговля велась непосредственно в жилых домах (как правило, в подвальных помещениях или на первом этаже, если дом был двухэтажным). Но были в Буланихе купцы, которые вели серьезную торговлю. Они закупали свой товар в Томске, Ирбитской, Нижегородской ярмарках. С этих ярмарок купцы везли кожаные сапоги, конную сбрую, ситец, сахар (т.е. это был мануфактурный и кожевенный товар, из продуктов это был лишь сахар, который на Алтае в XIX в. не производили). Такими купцами были В.Н. Осипов (см. биографическую справку № 1) и М.И. Бушковский (см. биографическую справку № 2).

Историческая справка № 2

По жаловательной грамоте 1742 г. «О разделении купеческого сословия», оно делилось на 3 гильдии, принадлежность к которым определялась наличием определенной суммы капитала. Купцы должны были свое звание подтверждать ежегодно, путем уплаты гильдийских взносов. А в случае финансовой несостоятельности купцы автоматически выбывали в мещане и могли передать своим детям наследственные права только этого сословия.

1 января 1863 г. вышло «Положение о пошлинах на право торговли и других промыслах». Законом от 9 февраля 1865 г. в него были внесены некоторые уточнения. Число купеческих гильдий сокращалось до 2, свидетельство 1-го и 2-го разряда давали право на вступление в гильдию, плата за свидетельства снижалась более чем в 2 раза. Свидетельство 1 гильдии давало право оптовой торговли российскими и иностранными товарами. Свидетельство 2-й гильдии давало право розничной торговли в пределах города и уезда, а также содержание фабрично-заводских учреждений. Свидетельства на право торговли крестьян и мещан отменялись. Для ведения мелочной торговли достаточно было выбрать свидетельство 3 разряда и приобрести патент.

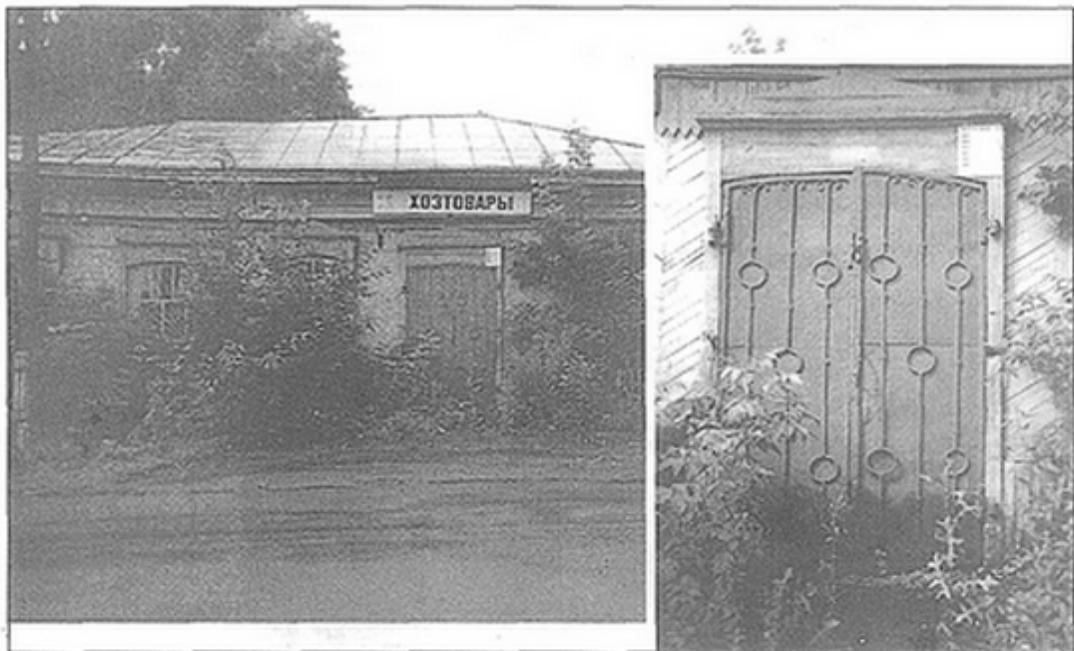
Все торгово-патентные сборы делились на патентные и билетные. Торговые патенты (свидетельства с 1865 г.) делились на 3 разряда:

- 1 разряд – оптовые, за них выплачивалось 265 руб. в год
- 2 разряд – розничные; от 25 до 65 руб. в год
- 3 разряд – мелочные; от 8 до 20 руб. в год.

Кроме свидетельств, предприниматели были обязаны покупать особые билеты, цена на которые состояла в зависимости от класса местности и разряда торговли. На содержание предприятий, обложенных акцизом вместо билетов, выдавали особые свидетельства. Эта система с незначительными изменениями сохранялась до введения 8 июня 1898 г. «Положения о государственном промысловом налоге», который делал объектом обложения не предпринимателя, а предприятие и взыскивался с каждого заведения. Государственному промысловому налогу подлежали все виды промысловых предприятий, и он делился на: а) основной – патентная система (промышленные свидетельства, соответствующей группы предприятий); б) дополнительный – процентный сбор с прибыли. Так же давалась классификация предприятий: а) промышленные; б) торговые, которые в свою очередь делились на виды и разряды. Торговые предприятия: а) торговля; б) скупка; в) кредит. По разрядам предприятия делились в зависимости от размера оборотов и прибыли. Для торговых заведений существовало 5 разрядов, для промышленных 8 разрядов. При этом разряд предприятия зависел и от класса местности. В Сибири к местности 2-го класса относились г. Томск и Иркутск, к третьему Красноярск, Барнаул, Бийск, Тюмень, Чита. Все остальные местности были отнесены к 4-му классу. Но стоимость промысловых свидетельств 1-го разряда от класса местности не зависела (500 руб.). Т.о. размеры окладов торговцев и промысловиков в конце XIX в. были существенно меньше, чем в XVIII в. [9, с. 16–17].

Биографическая справка № 1

В.Н. Осипов. В Буланихе имел свой магазин крупный Бийский купец 2-й гильдии Осипов Василий Николаевич (1851–1904). Происходил из крестьян Владимирской губернии, в Бийске проживал с 1862 г. В 1877 г. выбирал сословное свидетельство 1 билет на торговлю. В дальнейшем его дело значительно расширилось. В 1882 г. имел лавки в селах Соколовке Сычевской волости, Быстром Истоке Нижне-Чарышской волости, Буланихе Бийской волости. Кроме торговли в уезде, вел дела в Бийске. В 1890-х г. имел здесь 3 каменных магазина по продаже мануфактурного, галантерейного, скобельного товара, так же торговал кручинкой, обувью, посудой. Оборот торговли в городе составил в 1897 г. 65 тыс. руб. Давал товарные кредиты предпринимателям, торговцам в Монголии. Являлся крупным владельцем недвижимости, стоимость которой в начале XX в. составляла свыше 50 тыс. руб. [8, с. 84]. Имел 2 каменных двухэтажных дома. «Дом Осипова (ул. Ленина, 115; пер. Двойных, 13) 1898 г. Заказчик купец Осипов. Двухэтажное, кирпичное, с полуподвалом, прямоугольное в плане здание. Архитектура его отличается богатством эклектических форм. Здание представляет интерес, как один из ярких образцов архитектурой эклектики Бийска [10, с. 27]. Второй дом купца Осипова Александра Васильевича (ул. Толстого, 168; пер. Урицкого, 22) представляет собой деревянное здание с резным декором в традиционных формах. Характерная часть застройки исторического центра г. Бийска, 1911 г. [10, с. 29].

Магазин купца В.Н. Осипова, с. Буланиха, 2002 г.

В.Н. Осипов в 1904 г. выбирал 7 свидетельств 2-го разряда на торговые заведения в Бийске, Буланихе, Быстром Истоке, Солоновке, обороты которых составляли 332 тыс. руб., прибыль – 28,8 тыс. руб. После смерти стоимость его имущества составила 662 тыс. руб. (недвижимость 62,1 тыс. руб., движимое имущество 248,1 тыс. руб., банковские вклады – 229,1 тыс. руб., долговое – 122,5 тыс. руб.). Неоднократно избирался гласным Городской думы, активно занимался благотворительностью. Был церковным старостой Вознесенской кладбищенской церкви, с 1889 г. являлся членом попечительской Бийской прогимназии. За благотворительную деятельность был награжден серебряной и золотой медалями «За усердие на станиславовском месте» [8, с. 85]. По данным на 1894 г., лавка принадлежала бийскому купцу 2-й гильди В.Н. Осипову. Находилась в отдельном помещении, где имелся склад. Всем заправлял крестьянин Буланихи Иван

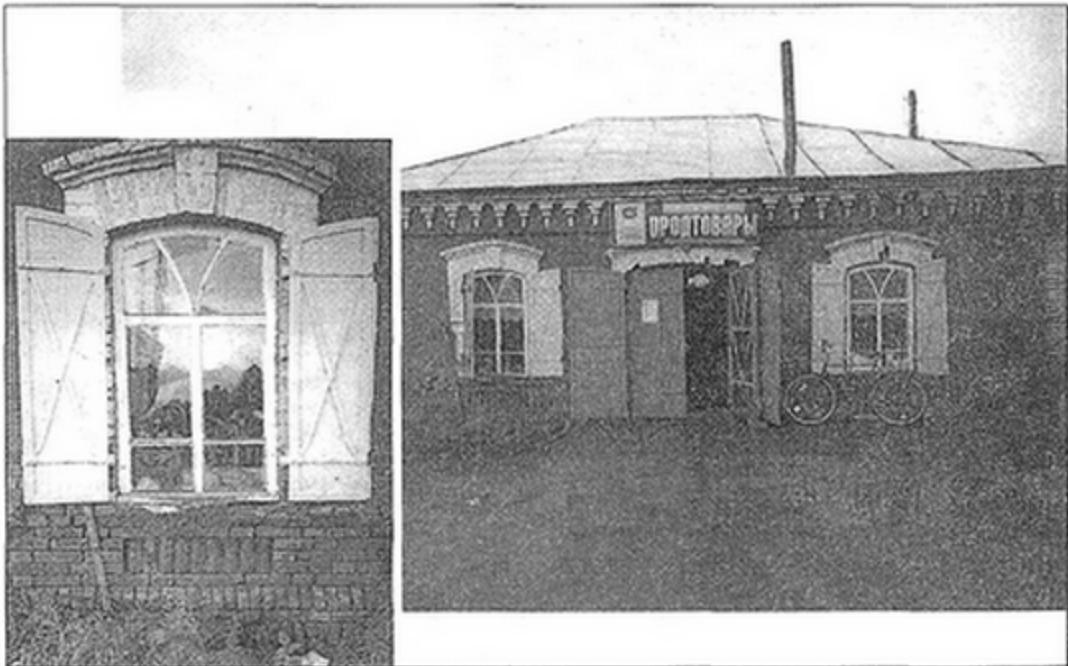
Лаврентьевич Опред (приказчик свидетельство I класса). Сумма годового заработка по заведению 4000 руб. [19]. В настоящее время в Буланихе сохранилось здание магазина Осипова, в котором и в последствии был магазин «Промтовары». И по сей день местные жители его называют «осиповский магазин», сейчас здание заброшено, хотя является памятником архитектуры кон. XIX в. и имеет художественную и историческую ценность.

Состав семьи: жена – Агафья Михайловна (р. 1850 г.), дети – Александр (р. 1875 г.), Ольга (р. 1878 г.), Елена (р. 1880 г.), мать – Авдотья Степановна (р. 1815 г.). После смерти семейное дело продолжил сын Александр Васильевич – Бийский 1-й гильдии купец. В начале XX в. являлся одним из крупнейших предпринимателей Бийска. В 1911 г. имел годовой оборот 2 млн руб., в его собственности находился мануфактурно-галантерейный магазин. Осипов скупал хлеб, а так же имел мануфактурные лавки в Бийском уезде [8, с. 85].

По документальным источникам установлено, что А.В. Осипов вел торговлю с Китаем. Так, согласно документу «О вывозе русскими купцами в Китай российских товаров через Онгудайскую таможню. За время с 1 июня по 31 декабря 1906 г.» Осипов вывозил: посуду, сахар, сахарный песок, спички, свечи, табак, табак люкательный, посуду фаянсовую. Всего на 1451 руб. [21].

Биографическая справка № 2

М.И. Бушковский. Другим купцом, чья фамилия до сих пор звучит в рассказах старожилов, был Максим Иванович Бушковский. В Буланихе он имел кирпичный магазин, здание которого и сейчас сохранилось и действует как продовольственный магазин. На сегодняшний день здание является памятником архитектуры. Раньше оно было двухэтажное, с двухметровым подвалом, в котором располагалась пекарня. На первом этаже была торговая лавка, а на втором жил сам хозяин. Судьба Максима Ивановича Бушковского была очень трагична. М.И. Бушковский происходил из крестьян Вологодской губернии Устилистского уезда деревни Поповки. По переписи 1917 г., переезд датируется 1895 г. [22]. Но в 1894 г. Бушковским было получено свидетельство купца II гильдии от 30 декабря 1894 г. [19].

Лавка купца М.И. Бушковского, с. Буланиха, 2002 г.

По документам Бушковский значится как владелец мануфактурной лавки. По рассказам старожилов Буланихи, «...Бушковский не был купцом, а был работником у купцов Алексеевых. Перед переворотом женился на их дочери. В 1916 г. в его доме располагался штаб Колчака. После поражения Колчака, Максима Ивановича, его жену, и священнослужителя местной церкви арестовали и отрубили голову» [5]. Его судьба подтверждает другой рассказ: «Бушковский не был купцом, а был работником купцов Алексеевых, хозяин умер, а он женился на вдове. Был в штабе Колчака, за что ему отрубили голову» [2]. Бушковским была сделана дорога до Бийска, построена пожарная вышка. Пожарного смотрителя звали Гончаров Степан Егорович. В его магазине существовала система кредита.

Таблица 1

Промысловые занятия старожилов и переселенцев Буланихи

Виды промысла	Переселенцы	Старожилы
Плотники	16	4
Сапожники	7	-
Пимокаты	5	-
Кузнецы	6	1
Веревочники	-	1
Штукатуры	1	-
Портные	4	2
Чеботари [*]	2	-
Шорники	1	2
Пчеловоды	22	12
Каменщик	1	-
Колесник	1	-
Всего	66	22

Составлено: ЦХАФ АК. Ф. 233 Оп. 1. Д. 104-109.

Таблица 2

Промышленные предприятия в Буланихе в 1899-1900 гг.

Наименование предприятия	Ф.И.О. владельца
Водяные мельницы	Савилов Семен Иванович, Гущин Тимофей Яковлевич, Борисов Родион Иванович, Иванов Антон Максимович, Поляков Антон Павлович, Сибирцев Аверьян Петрович, Поспелов Егор Павлович, Марченко Василий Денисович, Шебалин Михаил Макарович
Маслобойни	Сергунов Матвей Иванович, Волков Степан Яковлевич, Голядкин Антон Матвеевич, Поджилов Павел Степанович, Борисов Родион Иванович, Челюков Иван Карпович, Поджилов Василий Павлович, Мещерякова Мария Степановна, Фролов Василий Антонович
Кузницы	Ананьев Михаил Архипович, Агеев Алексей Тимофеевич
Крупорушки	Гущин Тимофей Яковлевич, Марченко Василий Денисович
Кожевенный завод	Иванов Михаил Максимович

Составлено: ЦХАФ АК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 31, 75.

* Чеботарь – сапожник, башмачник.

Таблица 3

Торгово-промышленные предприятия в Буланихе в 1900 г.

Ф.И.О., звание: а) владельца; б) заведующего (число приказчиков I и II класса)	Наименование предприятия, заведения, складского помещения место их нахождения	Какого разряда промысловое свидетельство, когда; откуда; кем выдано предприятию	Место закупки товаров	Сумма оборота за прошедший год
1	2	3	4	5
1. Владелица крестьянка Колесова Анастасия Ивановна	Мелочная лавка	Промысловое свидетельство III разряда, от 24 января 1900 г. Патент на папиросно-табачную продукцию выдан Бийской городской управой	Товары покупаются у различных торговцев Бийска	200 руб.
2. Владелец крестьянин Гуров Иван Матвеевич	Мелочная лавка	Промысловое свидетельство III разряда от 9 февраля 1899 г. Патент на продажу табачных изделий выдан Бийской городской управой	Товары покупаются у родственников в Бийске	300 руб.
3. Владелец крестьянин Агросим Николаевич Савилов	Мелочная лавка	Промысловое свидетельство на торговое предприятие III разряда, выданное Бийским уездным казначейством 17 декабря 1899 г.	Товары покупаются у разных торговцев в Бийске	150 руб.
4. Владелец крестьянин Ананий Васильевич Поликашин	Мелочная лавка	Промысловое свидетельство на торговое предприятие III разряда от 30 декабря 1899 г. выдано Бийским уездным казначейством. Патент на продажу табачных изделий, выданный Бийской городской управой.	Товары покупаются у разных торговцев в Бийске	500 руб.
5. Заведует унтер-офицер Шиллин Филипп Михайлович (сумма годового жалования приказчиков по 20 коп. за ведро)	Общественное питейное заведение		Вино покупают в Бийске	13946 руб. 82 коп.
6. Владелец отставной фельдфебель Медведев Василий Афанасьевич	Мелочная лавка	Промысловое свидетельство III разряда выдано Бийским уездным казначейством от 8 января 1900 г. Патент на продажу табачных изделий выдан Бийской городской управой		5000 руб.
7. Владелец запасной унтер офицер Кайгородцев Захар Александрович	Мелочная лавка	Промысловое свидетельство III разряда, выданное Бийским уездным казначейством 8 января 1900 г., и патент на продажу табачных изделий	Товары приобретает у разных торговцев Бийска	Торговля открыта первый год
8. Владелец крестьянин Бушковский Максим Иванович	Мануфактурная лавка	Промысловое свидетельство на торговое предприятие II разряда выдано Бийским уездным казначейством от 11 декабря 1899 г. Патент на продажу табачных изделий выдан Бийской городской управой.	Товар приобретается в Томске, на Нижегородской и Ирбитской ярмарках.	3800 руб.

1	2	3	4	5
9. Владелец Бийский купец II гильдии Осипов Василий Николаевич. Заведующий приказчик I класса крестьянин с. Буланихинское Опред Иван Лаврентьевич и приказчик II класса крестьянин Владимировской губернии Большаков Григорий Ермолаевич.	Мануфактурная лавка	Промысловое свидетельство на торговое предприятие II разряда от 30 декабря 1899 г. выдано Бийской уездным казначейством. Патент на продажу табачных изделий, выданный Бийской государственной управой. Приказчика свидетельство I и II класса.	Товар приобретает в Томске, Нижегородской и Ирбитской ярмарках.	2500 руб.

Составлено: ЦХАФ АК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 40.

Таблица 4

Общий список торговых и промышленных предприятий Буланихи за 1895 г.

Ф. И. О., звание, а) владельца; б) заведующего (число приказчиков I и II класса)	Наименование предприятия, заведения, складского помещения место их нахождения
1. Владелец бийский купец В.Н. Осипов (два приказчика I-го и II-го класса)	Торговая лавка под домом. Находится в одном помещении с одним входом.
2. Владелец отставной фельдфебель В.А. Медведев	Мелочная лавка в доме. Находится в одном помещении с одним входом.
3. Владелец крестьянин В.П. Поликанов	Мелочная лавка под домом. Находится в одном помещении с одним входом.
4. Владелец крестьянин Вологодской губернии Устиновского уезда деревни Поповки М.И. Бушковский. Бушковским было получено свидетельство купца II гильдии 30 декабря 1894 г. (один приказчик II класса)	Торговое заведение. Находится в одном помещении с одним входом.
5. Владелец отставной фельдфебель К.С. Нехорошев (при одном приказчике II класса).	Общественное питейное заведение. Находится в одном помещении с одним входом.
6. Владелец рядовой Ф.А. Колесов	Мелочная лавка. Находится на своей усадьбе, в одном помещении с одним входом.

Составлено: ЦХАФ АК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 142

Таблица 5

Торговые предприятия и личные промысловые занятия Буланихи в 1899 г.

Наименование предприятия, заведения, складского помещения место их нахождения	Ф. И. О., звание, а) владельца; б) заведующего (число приказчиков I и II класса)	Какого разряда промысловое свидетельство, когда, откуда, кем выдано предприятию	Наемная плата в год за помещения, занятые предприятием	Сумма оборота предприятия за прошлый год	Сумма прибыли за истекший год
1	2	3	4	5	6
Общественное питейное заведение. Располагается в собственном помещении	Владеет отставной рядовой Худяков Палладий Иванович. Имеет приказчика 3 разряда.	Патент на продажу питей выдан от помощника акцизного надзирателя Томской губернии от 3 декабря 1898 г. И промысловое свидетельство 3 разряда.	300 руб.	8000 руб.	3352 руб.
Мануфактурная лавка. Находится в собственном помещении	Владеет крестьянин Буланихи Бушковский Максим Иванович. Имеет одного приказчика 2 класса. У которого свидетельство на личное промысловое занятие VII разряда.	Промысловое свидетельство 2 разряда, выданное Бийским уездным казначейством от 31 декабря 1898 г., и патент на продажу табачных изделий.		6000 руб.	Показать сумму прибыли владелец отказался.
Мелочная лавка. Находится в собственном доме.	Владеет крестьянин Буланихи Поликанин Анатолий Васильевич Приказчика нет.	Промысловое свидетельство выдано Бийским уездным казначейством от 9 января 1899 г. и патент на продажу табачных изделий выдан Бийской городской управой от 4 января 1899 г.		400 руб.	800 руб.
Мануфактурная лавка. Находится в собственном помещении	Владеет бийский 2-й гильдии купец Осипов Василий Николаевич. Заведует приказчик 2 разряда крестьянин Опрев Иван Лаврентьевич (имеет	Промысловое свидетельство 2 разряда от 31 декабря 1899 г.	60 руб.	6000 руб.	900 руб.

1	2	3	4	5	6
	приказчиков 1 и 2 класса). Сумма годового жалованья приказчиков 300 руб.			*	
Мануфактурная лавка. Находится в собственном доме.	Владеет крестьянин Буланихи Зимпуроев Иван Семенович. Приказчиков нет.	Промысловое свидетельство 2 разряда от 4 января 1899 г.		1000 руб.	100 руб.
Мелочная лавка. Находится в собственном доме.	Владеет крестьянин Буланихи Ширяев Василий Васильевич.	Промысловое свидетельство 3 разряда от 2 января 1899 г.		300 руб.	80 руб.
Мелочная лавка. Находится в собственном доме.	Владеет отставной рядовой Колосов Федор Аверьянович. Приказчика нет.	Промысловое свидетельство 3 разряда от 22 января 1899 г.		200 руб.	60 руб.
Мелочная лавка. Находится в собственном доме.	Владеет крестьянин Буланихи Гуров Иван Матвеевич Приказчика нет.	Промысловое свидетельство 3 разряда и патент на продажу табачных изделий от 8 января 1899 г.		Торговля открыта первый год.	
Мелочная лавка. Находится в собственном доме.	Владеет запасной рядовой из мещан Бийска Медведев Василий Андреевич. Приказчика нет.	Промысловое свидетельство 3 разряда от 3 января 1899 г.		50 руб.	400 руб.

Составлено: ЦХАФ АК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 31.

Литература и источники

1. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2002 г. Зональный район.
2. С. Буланиха. Фоминский И.Ф. 1924 г.р., кассета № 69.
3. Там же. Волокитин И.В. 1927 г.р., кассета № 76.
4. Там же. Гущин А.М. 1922 г.р., кассета № 66.
5. Там же. Голяткин Г.В. 1913 г.р., кассета № 71.
6. Там же. Курякова А.Ф. 1928 г.р., кассета № 74.
7. Булыгин Ю.С. Первые крестьяне на Алтае. Барнаул, 1974.
8. История Алтая. Часть I: Учебное пособие. Барнаул, 1995.
9. Гончаров В.Н., Старцев А.В. История предпринимательства в Сибири // Краткая Энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири / Под ред. Д.Я. Резуна, Д.М. Терешкова. Новосибирск, 1996.
10. Старцев А.В. Торгово-промышленное законодательство и социально-правовой статус предпринимателей в России в XVIII – нач. XX в.
11. Степанская Т.М. Памятники градостроительства и архитектуры Алтайского края. Барнаул, 1990.
12. Щеглова Т.К. Ярмарки юга Западной Сибири в XIX–нач. XX в. Барнаул, 2001.
13. Список населенных мест Томской губернии 1893 года. Томск, 1896.
14. Список населенных мест Томской губернии 1911 года. Томск, 1912.
15. ЦХАФ АК. Алфавитный список селений бывшего Алтайского округа, существовавших в 1747–1758 годах составлен по «ревизским сказкам» 2–10 ревизии населения, хранящихся в ГААК. Составитель Н.Я. Савельев. 1964–1965 гг.
16. ЦХАФ АК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 62.
17. Там же. Д. 75.
18. Там же. Д. 31.
19. Там же. Д. 21.
20. Там же. Д. 142.
21. Там же. Д. 40.
22. Там же. Д. 154.
23. Там же. Д. 104–109.

Г.В. Кидяева

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ЗОНАЛЬНОГО РАЙОНА В 1940-е–1950-е ГОДЫ

Советский период является переломным этапом как в целом в истории, традиционной культуре и самосознании населения, так и для отдельных народов и наций бывшего СССР. Одним из наиболее трагичных периодов Советской истории явилась Великая Отечественная война, связанные с ней эвакуация и массовые депортации представителей отдельных народов из Прибалтики, Западных областей Украины и Белоруссии, Северного Кавказа, Крыма, Поволжья. В связи с размещением эвакуированных и депортированных «в наиболее отдаленных районах СССР», Алтайский край в 1940-е гг. наряду с другими районами Сибири: Красноярским краем, Новосибирской, Кемеровской и другими областями; а также Казахстаном, Узбекистаном, Киргизией, за предельно короткий промежуток времени становится районом этнически пестрого заселения.

Складывание этнонационального состава населения Алтайского края в XX в. прошло несколько периодов, одним из которых являются 1940-е–1950-е гг. В связи с территориальными изменениями СССР накануне Великой Отечественной войны, население западных и юго-западных республик подлежало эвакуации, в том числе из Молдавской ССР. Размещение эвакуированных молдаван, как и поляков, на территории Алтайского края в мае–июне 1941 г. явилось первым этапом в складывании этно-

национального состава населения 1940-х–1950-х гг. Второй этап – август–сентябрь 1941 г., связан с ликвидацией автономной Немецкой республики и депортацией немцев, литовцев, организацией спецпоселений в Алтайском крае. Третий этап, осень 1943–1944 гг. связан с ликвидацией Карабаевской АО, Чечено-Ингушской АССР, Калмыцкой АССР, а так же депортацией населения из Прибалтики, Западных областей Украины и Белоруссии и размещением переселенцев во всех районах Алтайского края. Осенью 1945 г., в связи с окончанием Второй мировой войны, в Алтайский край стали прибывать военнопленные японцы, что обусловило четвертый этап в складывании этнонациональной ситуации 1940-х – 1950-х гг. Отличием данного периода является кратковременность пребывания принудительных переселенцев в крае. В связи с реабилитацией депортированных народов в 1957 г. из Алтайского края мигрировала большая часть спецпереселенцев, среди которых полностью покинули край – калмыки, армяне; частично – молдаване, украинцы, немцы. Привлечение устных исторических источников позволяет установить социально-экономическое положение переселенцев и выявить особенности взаимоотношений вынужденных и спецпереселенцев с местным населением, проследить взаимовлияние культур.

В ходе историко-этнографической экспедиции, проводившейся на территории Зонального района, под руководством д.и.н., профессора Т.К. Щегловой, были проанализированы взаимоотношения депортированных с местным населением. Зональный район, как и другие районы Алтайского края до 1940-х годов был районом с преобладанием этнически однородных сел как старых (Новая Чемровка, Буланыха, Соколово и др.), так и новых, образовавшихся в 1920-х – 1930-х гг. (Зональное, Мирный, Новый Быт и др.). Возникновение новых населенных пунктов, их производственное значение для сельского хозяйства как в Сибири, так и в СССР поставили проблему обеспечения рабочей силой. Ситуация обострилась с началом Великой Отечественной войны. Мобилизации подлежали работники колхозных и совхозных полей, рабочие МТС, служащие сельской администрации, что приводило к недостатку квалифицированных кадров и чернорабочих. Частично проблема острой нехватки рабочей силы в сельском хозяйстве решалась в рамках СССР посредством использования женского труда, подростков и лиц пенсионного возраста. В Алтайском крае, как и в Сибири, в целом, кроме вышеозначенных категорий населения, в сельском хозяйстве были заняты депортированные.

Одним из первых депортаций подлежало немецкое население. В Алтайский край немцы прибывали не только с Поволжья, но и южных республик Советского Союза: Армении, Азербайджана, Грузии. Депортация оказалась совершенно неожиданной для местного населения, но паники, массового психоза на почве предстоящего принудительного переселения не было. Скорее всего, сказывалось привычное для советских людей беспрекословное подчинение, и вместе с тем неверие и, казалось, абсурдность, вышедшего приказа. М.Е. Йорк вспоминает: «... Это была уборочная. Как раз хлеб убирали. Было воскресенье... Я работала ларечек, ну пиво, закусочная тогда. А остальные, все закрыто было и все на воскресник, на хлеб все было. И в этот же день приказ вышел. Газета пришла, пока они из пашни приехали, народу не знали на пашне. А наши дома были, собирались по улице. Тут куча стоит, там куча стоит. Не поверили. Говорят: «Это же не может быть, не деревня одна, что нас выселять». А республик была, республик же целый немецкий была, саратовский. Мы не поверили» [1]. Более того, несмотря на опубликованный в «Правде» приказ о выселении, означенные причины и указанные места расселения, до сих пор, в сознании многих немцев вызывают недоумение. Главными факторами такого отношения выступают не только принадлежность к семейным корням, но и принадлежность к родной земле – России. Так, тот же информатор говорит: «Вот война началась в 41-м году. За что нас? Сами мы не знаем. Ужели такие враги были? Рабочий народ был... Но вот... Сталин приказ выпустил. Боялись, что мы перейдем к Германии. Но мы бы не перешли... Ну что я там потеряла? Я там ниче не потеряла. Родители мои, и бабушка, и дедушка – все они тут родились. А я, сейчас, например, не хочу в Германию. Я тут родилась, ну хоть не тут (прим.: имеется в виду Алтайский край п. Мирный. – Г.К.), но все равно, родина – Россия» [1].

Депортация проводилась в предельно сжатые сроки. Только с Поволжья, согласно указам Президиума ВС СССР, отправку эшелонов следовало начать 3 сентября 1941 г., а закончить «операцию» по переселению к 21 сентября 1941 г. [2]. Для оперативности организации переселения привлекались специальные части НКВД, которые в автономной Немецкой республике, должны были сопровождать немцев от места выселения до отправного пункта – Саратова. Очевидец событий вспоминает: «Газету выпустили, а потом уже, то ли боялись поднимем че-нибудь, противлять будем. И солдаты, мы 60 километров от Саратова жили, в деревне, солдаты, прямо целый полк пригнали, ...в каждой деревне, чтобы охранять нас» [1]. Подлежащим депортации немцам, литовцам, калмыкам, армянам и др. национальностям и народностям разрешалось взять только самое необходимое. Э.Ф. Русскова вспоминает: «Остались портреты, как у меня щас. Все-все осталось. В огороде тыквы, все на свете осталось. И часы остались. И сколь успели, взяли. А там командовали: «Давайте, садитесь»... На быках посадили, реву!!! Мама плачет. Маленько подушки все пособрали, выехали» [3]. Но даже это малое имущество, чаще всего обменивалось в дороге или в первый год по прибытии на продукты питания. По словам того же информатора: «Как раз картошку выкопали, немножко шмоток привезли, мы их промотали за зиму. Проели». Л.В. Лобецкая говорит: «Мои брат и сестра вспоминают, пока.. были добрые вещи, было полегче. Потому что эти вещи обменивались на продукты питания» [4].

В конце 1943–1944 гг. депортация коснулась народов Прибалтики, западных областей Украины и Белоруссии и ряда других регионов СССР. Именно 1944 г. – год массовых депортаций стал новым этапом в складывании этнонационального состава Алтайского края. В Зональный район насильственному переселению подлежали калмыки, литовцы, армяне, украинцы. Обеспечение жильем и трудоустройство депортированных во многом определялось политикой местных властей и часто зависело как от личной инициативы местного населения, ответственности директоров совхозов и председателей колхозов, так и от социального, экономического положения в каждом населенном пункте. Способы размещения депортированных были различными. Часть прибывших в Зональный район, в такие села, как Новая Чемровка, Савиново, размещали в жилых домах, в зданиях учреждений. По словам А.Г. Черниковой, немцев селили по жилым домам: «Колхоз квартиры дал, где... дома пустовали» [5]. М.Е. Йорк вспоминает, что их размещали «туда, у кого... дома свободные были. То ли заставили людей, тут чтоб они освободили... по квартирам, у кого свободные комнаты были и школы были. Вот старые школы в Савиново, туда нас выселяли» [1]. Широко практиковалось и подселение на квартиры к местным жителям. Л.В. Лобецкая рассказывает, что «мама жила с двумя детьми у Амалии Михайловны, именно подселили в семью и люди делились, и кровом делились, и едой делились» [4]. В п. Урожайный по квартирам размещали не только немцев, но и армян. В.Г. Кожемякина говорит: «Даже вместе жили. Армяне на квартирах у русских» [6]. В то же время, частым явлением было размещение депортированных в бараках, сараях. Например, в Луговском немцев поселили в яслях. Информатор вспоминает: «А потом сюда свалили в одну кучку... Прямо свалили как пни. Негде было. Свалили нас в яслях. Прямо в яслях детей кормили. Исть хочим. А кто нам, что даст. Приходилосьшибко трудно. Зиму как-нибудь прожили» [3]. В Восходе все депортированные жили в бараках. А.И. Горбатова рассказала, что «там где контора, сюда и был барак, где ... немцы жили, армяне – длинный, сделанный» [7].

Интересно, что в связи с нехваткой рабочих рук, большая часть депортированных была размещена в новых поселках, где и местное население проживало в тяжелых жилищно-бытовых условиях, в бараках, саманных домах. Прибывшее в такие поселки население вынуждено было копать землянки. Среди таких новых поселков Зонального района Урожайный, Восход. Жители п. Урожайный вспоминают: «В 44-м году приехали калмыки. Их выселяли оттуда. ...Строили землянки. Кто как мог, так и строили, так и жили»; «А потом вывезли людей из Зонального сюда. Армяне, правда, жили на той стороне лога. Землянки делали. В землянках жили-то» [8, 9]. Адаптация к новым условиям проживания, занимавшая около года времени, частичное трудоустройство приводило к тому, что депортированные стремились улучшить свои жилищно-бытовые

условия. Немецкие семьи в с. Луговское из яслей перебрались в землянки. Среди них семья Э.Ф. Русской, информатор вспоминает: «На лето мы себе землянки повыкопали. Да, щас скотина лучше живет, чем мы живем, прутьев мама накладет сверху на палочку. А сверху она их закапывала землей. ...Мы не белили, а говном помажем пол, чтобы пыли не было и стены тоже. Жили как попало» [3]. Преобладание традиционного глинобитного жилищного строительства у части армянского этноса способствовало распространению строительства саманных домов. Так, в Урожайном армяне, в отличие от русских, проживавших в землянках, и калмыков приступили к строительству саманных домов. Т.А. Чепурных рассказывает: «Ну их почему-то на ту сторону как вывезли, они там строились. Они делали ...дома сами. Ямы выкапывали, туда солому, глину топтали. Саманные дома. А русские-то землянки копали» [9]. По словам М.Д. Кожемякиной: «Саман делали из соломы и глины. Армяне это вздумали такое строительство. И настоящее строительство. С обеих сторон обмажут, выбелят» [10]. Саманным строительством в Урожайном, впоследствии занялись и калмыки.

Политика принудительного расселения, а также стремление депортированных к проживанию обособленно приводило к компактному их расселению на местах. Определяющим фактором являлись языковая однородность и единство хозяйствственно-культурных традиций. Информаторы, характеризуя расселение депортированных, чаще всего, говорят, что «все жили вместе» и в то же время подчеркивают, что у новопоселенцев землянки, бараки, саманные дома находились за определенной чертой оседлости. Например, информаторы рассказывают, что в Урожайном «армяне жили на той стороне лога. Землянки делали» [9]. В.Г. Кожемякин вспоминает: «Жили на той стороне. Лог. Пруд. По той стороне жили все. ...Армяне жили, молдаване отдельно жили. ...Русские тоже жили. Вместе же не будут жить с ними. Каждая семья к своей кучке. Скажем, армяне там, молдаване. ...Тама калмыки строились себе» [8]. В Соколово депортированные калмыки проживали по правой стороне реки Уткуль. Этот район местные жители называют «Шанхаем». Очевидно, главными причинами такого названия послужили как особенности жилищного строительства, так и этническая принадлежность депортированных. Из-за обилия леса, в селе традиционным являлось строительство деревянных домов, а спецпоселенцы приступили к строительству землянок и саманных домов, отличающихся не только строительным материалом, но и размерами. Так, Е.И. Симонова вспоминает: «Они у нас калмыки жили за речкой, за заводом – «Шанхай». Они были очень низенькими. И они их строили бараками. Калмыки жили только там» [11].

Острая нехватка рабочей силы, преобладание ручного труда в сельском хозяйстве как в годы войны, так и первое время после нее, приводило к сравнительно быстрому трудоустройству переселенцев. В период войны вынужденные переселенцы и спецпоселенцы, наряду с местным населением, были заняты обработкой колхозных и совхозных полей, а после нее, проживавшие в новых поселках, интенсивно привлекались к строительству сельскохозяйственных и производственных объектов, учреждений. П.Н. Гурова вспоминает: «Армяне работали. Вот я знаю, на поле мы были, они скировали, армяне – мужики»; Ф.Ф. Волокитина: «Немцы были тоже на свекле, как все работали» [11, 12]. В Восходе калмыки составляли отдельное звено, информатор говорит: «Работали на свекле. У их свое звено... Свеклу возили и лес возили... Они между собой и вот так. А у немцев этого не было, чтоб их свои звенья. Три человека там, три человека там. Они такое не содержат» [7]. В Урожайном силами депортированных за десятилетие (середина 1940-х – середина 1950-х) были построены почти все здания. Например, в строительстве сельского клуба принимали участие исключительно молдаване, информатор рассказывает: «В 56-м году его закончили строить. Строили молдаване. Да, репрессированные молдаване были тут, жили тут» [9]. О работе спецпереселенцев информаторы Урожайного говорят: «Вот это отделение строили все. Огорода были большие. Все они строили» [6].

Отсутствие квалифицированных кадров на селе в годы войны, с одной стороны, образование, личные качества и трудоспособность переселенцев, с другой стороны,

создавали благоприятные условия для обеспечения работой новопоселенцев в сфере интеллектуального труда, в качестве управленцев сельского хозяйства.

Резко увеличившееся в 1920-х-1930-х гг. количество сельских школ начального и среднего звена поставило проблему укомплектования их кадрами. Поэтому, депортированные в 1940-х гг. немцы, владеющие двумя языками, нередко становились учителями, например в школах Новой Чемровки, Шубенки.

Грамотность позволяла устроиться специпереселенцам и в сфере обслуживания. Например, депортированная из Баку, Н.Е. Гринимайер работала бухгалтером в Мирном. Ее дочь, Л.В. Лобецкая вспоминает: «Мама у меня была относительно грамотным человеком, потому что по тем временам, она закончила школу. Поэтому она владела и немецким и русским языком и работала бухгалтером» [4]. Среди депортированных украинцев в отделения Свеклосовхоза, ныне поселки Восход, Урожайный, Свекловичный, Мищенко был управляющим п. Восход. В Савиново директором совхоза в годы войны был депортированный немец. Главным бухгалтером в п. Восход был депортированный украинец Палиев Иван Николаевич. Информатор вспоминает: «А украинцев много здесь и уехало мало украинцев. Украинцы здесь они остались. Шлейник и Шевчуки сосланные были здесь. Палиев – они тоже сосланные были, бухгалтером работал главным», среди калмыков «Миша Барсека, он в кабинете работал. Грамотный, хорошо по-русски говорил» [9]. Вместе с тем трудоустройство, особенно в годы войны, лишь частично решало проблему обеспечения специпереселенцев продуктами питания. Часть из них, размещенная в новых поселках и проживающая в нечеловеческих условиях, была обречена на голодную смерть. Особенно высокой смертность была среди калмыков. Их отличал большой состав семей. Для того, чтобы прокормить детей голодало взрослое население. Кроме этого, отсутствие своевременной медицинской помощи приводило к высокой смертности как взрослого, так и детского населения. А.И. Горбатова вспоминает: «Ох, их привезли и они сильно умирали. Вот в этот же барак, клуб, все заполнили и нары там сделали. И, наверное, или от климата, ...или от голода. Их без гроба, без ничего. Тут кладбища не было. Прямо ...накладут на сани, завернут в лахмошки... Заворачивают целиком и в Буланиху. ...Там никто ямы не копал. Там их в снег свалют» [7].

Особенно тяжелым было положение переселенцев в первый год проживания. Оставшись без средств к существованию, депортированные вынуждены были побираться, перекапывать огороды, наряду с местным населением собирать жалкие остатки с убранных колхозных и совхозных полей. Э.Ф. Русскова вспоминает: «Я пошла побираться, и в Новый Быт ходила и в Шубенку ходила побираться... Платье на мне было, неизвестно какое платье... заплатка на заплатке, ...как шуба была. Мама тоже так, как попало ходила... Мне 7 лет было, мы есть хотели, мы отбирали у детишек, хлеб просили. Тогда они только узнали, что мы есть хотим. Мы собирались там на горе, сколько ребятешек, есть-то нечего, за мороженой картошкой ходили. На пашне, где совхоз садил. Там мы собирали мороженную картошку, ...а было раньше отряд, там были ребята, они нас разогнали, отбрали эту картошку. Выловили, мы пришли без всего» [3]. М.Е. Йорк рассказывает: «Осенью мы приехали. И мы ходили картошку, уж люди выкопали, и мы ходили перекапывали». Процесс адаптации к новым условиям проживания проходил неодинаково. Часто снабжение продуктами питания специпереселенцев зависело от сельской администрации. По воспоминаниям того же информатора, в Савиново хорошую помошь оказывал колхоз: «Зимой мы уж дома сидели и это (продукты питания) давали от колхоза. Какие колхозы хорошо давали. Мука вот, хоть корки была, хлеб стряпали. Ну от голода все пойдет. Можно поесть. От голода, я бы не сказала, никто не умер» [1].

Характерным для военных лет был найм на работу к односельчанам. Причем занимались, или как тогда говорили «подряжалась», в качестве работников в основном дети подросткового возраста. Наемный труд подростков использовался, как правило, в домашнем хозяйстве. Главным эквивалентом труда были продукты питания. Часто для детей из семей специпереселенцев найм являлся единственным источником питания. Э.Ф. Русскова вспоминает: «Мама моя ходила работать на пашне, а я ходила людям

подряжалась, канавы копать. Копать... канавы, ямы за два ведра картошечки. ...вот здесь женщина жила, у неё ребенок был, и ей надо было работать. И я в нянках ушла. В землянках жила мама моя. Придет, встанет: «Доченька, ты хоть бы скорлушки собрала бы маленько, мы ведь с голода помираем, ты-то ешь». А я говорю: «Ну, а как, хозяйка не дает... Я бы вам и картошечку дала, и может, кусочек хлеба дала. Как я вам дам? Она меня выгонит». И... она (хозяйка) уйдет на работу... она делала толстые скорлушки. Соберу их, обмою, спрятано» [3].

Кроме адаптации к новым социально-бытовым, хозяйственным условиям проживания большое значение для депортированных имел и психологический климат, особенности восприятия и взаимоотношений с местным населением. Главными факторами взаимоотношений выступали политico-правовое, имущественное положение переселенцев, их отношение к труду, особенности поведения. Идеологическая антифашистская кампания накладывала отпечаток на восприятие депортированных немцев. М.Е. Йорк вспоминает: «Обзывали нас, фашисты, такие, такие. Обзывали, было дело. И они (местное население) знаете нам что сказали, господи, и плачь, и смех. В газете тогда пишут и рисуют карикатуры... И когда мы приехали в Савиново они говорят: «Фу, такие же люди, как мы, а мы думали, как нарисовано в газете, с хвостами». То ли отстающий народ тут был, я не знаю. У нас уже культура лучше была, намного лучше была, чем тут народ был. И победнее жили, чем мы там» [1]. Часто личное горе, потеря близкого человека в годы войны, становились главным фактором в восприятии немцев. А.И. Горбатова рассказывает: «Вот трактористы ребята были. Такие работяги. ...И мы с ими дружили. ...любовь крутили. Я прихожу, мама: «Ты, однако, с Эрвином ходишь?» Я говорю: «Да, хороший парень, голубоглазый такой парень, симпатичный». – «Отца убили немцы, ты мне еще с ними щураться будешь!» Взяла ...веревку, отходила, чтобы – нет. А я его всю жизнь жалею» [7]. Большое влияние на отношение местного населения к переселенцам оказывало их имущественное положение. С одной стороны, разрешение перевозить только самые необходимые вещи, ставило всех депортированных в равное материальное положение. Но с другой стороны, более высокий уровень жизни у населения западных областей Украины и Белоруссии, Прибалтики, а также национальные, культурные особенности и традиции новопоселенцев, с позиции местных жителей расценивались как излишний материальный достаток, богатство. Так, жители п. Восход богатыми считали армян, переехавших с коврами. Согласно национальной традиции Армении, ковер – неотъемлемая часть хозяйства каждой семьи, символ ее благополучия, а не признак богатства или зажиточности. Информатор, сравнивая немцев и армян, говорит: «Бедно они (немцы) приехали. Вот как... мы тут были, так вот они, в таком виде. Никакого богатства. Вот... у армян были ковры. ...кой-чё было у армян». Преобладание хлопчатобумажной, трикотажной и ситцевой одежды у местных жителей повлияло на оценку материального положения литовцев, которых отличала одежда из шелка. Информаторы в п. Восход вспоминают: «Помнится, что литовцы были. Такие интеллигентные, в шелку ходили. Мы-то не видели. Холст видели, как говорится. А они-то, в атласных хороших ходили. Литовцы хорошо одевались»; «И приезжали богатые... евреи, литовцы – вот эти люди богатые. Вещи такие на них, ...вещи у них очень были хорошие» [12], [7].

Консолидирующим фактором для местных жителей и депортированных выступал общий вид деятельности – работа в поле. Вместе с тем способность и желание работать, а также качество выполняемых работ определяли и восприятие, и отношение к переселенцам. Информатор рассказывает: «Немцы вообще люди рабочие. И молдаване рабочие были. А вот калмыки так себе. И девчонки, ...они работали в звене с нами, ...и никакой там разницы не было, кто там, немка. ...они рабочие были» [7]. Об отношении к работе евреев, литовцев информатор, сравнивая их с немцами, говорит: «Ой, никак не хотели. ...Немцы хорошо работали. Отлично. И за всех ...они наших работали» [7].

Самобытная культура переселенцев резко отличала их от местного населения. Так, почти все информаторы отмечают чистоплотность и трудолюбие немцев, гордость, вежливость и интеллигентность литовцев, евреев. Неоднозначное отношение складывалось к калмыкам. С одной стороны, сострадание, сочувствие этому народу, были

вызваны их тяжелыми условиями проживания, количеством детей, высокой смертностью. С другой стороны, отчужденность и даже боязнь, смешанные с брезгливостью были вызваны особенностями традиционного поведения, культурой калмыцкого народа. Так, один из информаторов, на вопрос о хозяйстве калмыков заметила: «Ой, с каким хозяйством, со вшами. А были дикие. Вот идешь, шубы белые, и тут сядет. Шубу расстегает и сидит» [7]. Интересно, что заболевание педикулезом в 1940-х-1950-х гг. было характерно именно для калмыков. Причинами этого хронического заболевания были не только нечистоплотность, но и традиция ношения длинных кос. Главным отличием от славянской традиции ношения косы выступал не способ плетения, а ее украшение. Так, информатор, описывая внешний вид калмыков, вспоминает: «Ходили они... в косах все. Коса в мешочек, черные. Мешочки, спиленные и коса в мешочек. Ну, а одежда. Такие широкие. А потом уж тут нечем жить. Так кто мешок привяжет, кто кого» [10]. Национальные особенности калмыков в воспитании детей, отличия ментального понимания добра и зла, ценностные ориентации часто отталкивали, пугали местное население. Забавный случай произошел на калмыцкой свадьбе в конце 1940-х гг. в п. Восход. Информатор рассказывает: «Женился Миша Барсека, парень с нашего года... он все, приходите, да приходите на свадьбу. Хочешь калмыцкую свадьбу посмотреть? Собрались. Мы зашли, а на нас эти калмыки напали. А у них детей помного. Ужас. Ой, и за пазуху лезут... Ну, ребятишки такие... титты пошарить. Мы кое-как вырвались. Какой там оставаться. Их-то там рой. У их муравейник, у их детей помного. Мы давай там реветь. От как Миша-то вышел, как начал их полоскать. Потом даже ему стыдно. Я говорю: «Как же это пригласил и вот так вот». – «Я им всем говорил». Ни-как у нас. У их столов нету. «Рай, рай», – ходят и вот так на подносе че захочешь... Дикие какие-то они» [7].

Совместное проживание переселенцев с русскими, общие виды деятельности приводили к взаимовлиянию, взаимопроникновению культур. Кроме этого, часть национальных традиций, обычая утрачивалась или видоизменялась, а часть сохраняла устойчивые формы. Ярким примером устойчивости национальных традиций являются неотъемлемые элементы праздников: игры, танцы, забавы. Так, жители Урожайного вспоминают: «Армяне свои круга танцевали. Молдаване свои... а калмыки ходили по защитке» [10]. Преобладающее общение на русском языке, а также стремление многих немцев из-за страха перед депортациями и репрессиями разговаривать исключительно на русском языке привело к утрате немецкого языка детьми из депортированных семей. Например, Э.Ф. Русскова вспоминает: «Старухи наши еще не умеют «он», «она» говорить. Я по-нашему щас ничего не знаю, хоть отматерят, хоть что сделают. Они говорят, разговаривают, я не разговариваю. Я говорю: «Вы переводите мне по-русски» [3]. Л.В. Лобецкая говорит: «Мама... она не разрешала разговаривать на немецком языке, потому что она хотела нас уберечь» [4].

Различия в религии католиков и православных, в условиях совместного проживания немцев и русских приводило к сохранности традиционных религиозных праздников и к взаимопроникновению части элементов праздников, так и обрядов. Например, в селах Новая Чемровка, Зональное, поселках Мирный, Урожайный, Восход и ряде других населенных пунктов, сохранилось временное разделение отмечать Пасху. В результате которого этот праздник приобрел национальную окраску в названии: «Немецкая Пасха», «Русская Пасха». В то же время общность проживания, общая деятельность с русскими способствовали тому, что для немцев – переселенцев большое значение приобрели престольные праздники. Так, Ильин день – престольный праздник Новой Чемровки – отмечают немцы данного села и близлежащих поселков, в Мирном, в Сафоновке. Похоронный обряд представлял совокупность элементов католичества и православия, а также языкового двуединства. Например, А.Е. Абрамова вспоминает: «У Жорки умерла бабушка, так русская читалка читала. И они по-своему (по-немецки) прочитали. Тетя Флора умерла, тоже читали русские. Тетя Лиза умерла, тоже читали. У них свой псалтырь, а у нас свой псалтырь имеется» [14].

Взаимовлияние культур, проявлялось не только в традициях и обычаях, но и в повседневной жизни населения. Е.И. Симонова рассказывает: «У нас постоянно грибов. Навозу же много. И там росли шампиньоны. Мы даже не знали, что это за грибы.

Ходили, их пинали: «О, поганки, поганки». А вот эти молдаване приехали, начали их есть. Мы так вообще: «Ну, надо же, че попало едят». А потом уже узнали, что это такое дефицитное» [11].

Заключительным этапом в складывании этнонационального состава населения Зонального района явилось размещение здесь военнопленных японцев. Закрытые архивные данные не позволяют установить численность военнопленных. Однако весьма преувеличенные данные устных источников свидетельствуют: «Кончилась война и их сюда привезли. Много их было... тысячи 2 или 3» [8]. Размещение военнопленных отличалось компактностью. Скорее всего, в Зональном районе пленные японцы были размещены исключительно в новом поселке Восход – 3-м отделении Свеклосовхоза. Так, информатор говорит: «У нас тут негде было жить, они жили на третьем отделении» [8]. Военнопленные проживали в бараках, охраняемые конвоем.

В связи с восстановлением разрушенного послевоенного хозяйства, труд военнопленных интенсивно использовался в сельском хозяйстве. Японцев, несмотря на компактность размещения, принуждали работать в поселках Мирный, Урожайный, Свекловичный. Тяжелые условия труда, подавленное состояние военнопленных отражалось на качестве выполняемых работ. А.И. Горбатова вспоминает: «И работали, и работать не хотели. Так, потихоньку двигаются. И... если лопату кинем, тогда ведь все вручную, и посмотрит, куда она упала. Ну, никак не хотели работать» [7]. Кроме этого японцы принимали участие в строительстве жилищных и производственных объектов. Так, в Урожайном, военнопленные принимали участие в строительстве кирпичного завода и жилых домов.

Процесс адаптации военнопленных к новым условиям проживания: природно-климатическим, социально-психологическим, культурно-бытовым практически не затронул японские традиции в приеме пищи. Так, М.Д. Кожемякина вспоминает: «Японцы ... варили лягушек, ели. Сидят, обедают палочками» [10].

Источники

1. Архив ЛИК БГПУ. Мирный. Йорк М.Е. 1923 г.р., кассета № 20.
2. Выцман М.А. Депортация народов в годы Великой Отечественной войны // Этнографическое обозрение. 1995. № 3.
3. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2002. Зональный район. Луговское. Русскова Э.Ф. 1933 г.р., кассета № 27.
4. Там же. Мирный. Лобецкая Л.В., 1950 г.р., кассета № 18.
5. Там же. Новая Чемровка. Черникова А.Г., 1928 г.р., кассета № 17.
6. Там же. Урожайный. Кожемякин В.Г., 1931 г.р., кассета № 122.
7. Там же. Восход. Горбатова А.И. 1930 г.р., кассета № 124.
8. Там же. Урожайный. Кожемякин В.Г. 1931 г.р., кассета № 122.
9. Там же. Чепурных Т.А., 1926 г.р., кассета № 123.
10. Там же. Кожемякина М.Д., 1932 г.р., кассета № 122.
11. Там же. Соколово. Симонова Е.И., 1917 г.р., кассета № 60.
12. Там же. Восход. Гурова П.Н., 1931 г.р., кассета № 125.
13. Там же. Волокитин Ф.Ф., 1912 г.р. кассета № 125.
14. Там же. Зональное. Абрамова А.Е., 1931 г.р., кассета № 82.

С.А. Семикин

ТРАДИЦИИ ПЛАНИРОВКИ И ЗАСТРОЙКИ СЕЛ ЗОНАЛЬНОГО РАЙОНА

Формирование планировочной структуры и системы населенных пунктов Зонального района было связано с общим процессом освоения русскими территории данного региона; и это развитие прошло ряд этапов.

Первый этап развития приходится на период с 40-х годов XVIII в. до 60-х годов XIX в. и связан с началом освоения русскими крестьянами Обского правобережья. Образовались такие населенные пункты (позднее ставшие селами), как Комарово, Савиново, Луговское, Шубенка, Новая Чемровка, Плещково, Буланиха. Их поселенческая структура по берегам рек Чемровка, Шубенка, Буланиха и Уткуль соответствовала долинно-приречному типу расселения. Причиной развития данного типа являлась бытовая и производственная целесообразность: наличие свободных участков целинной земли, возможности рыболовства, наличие постоянного источника водоснабжения. В планировочной структуре этих населенных пунктов существовали как схожие, так и различные черты.

«Родовым гнездом села Шубенки» является состоящий первоначально из двух улиц район «Деревня», для которого характерна линейная форма планировки параллельная реке Шубенке (т.е. дома ставились в ряды вдоль реки) (рис. 1).

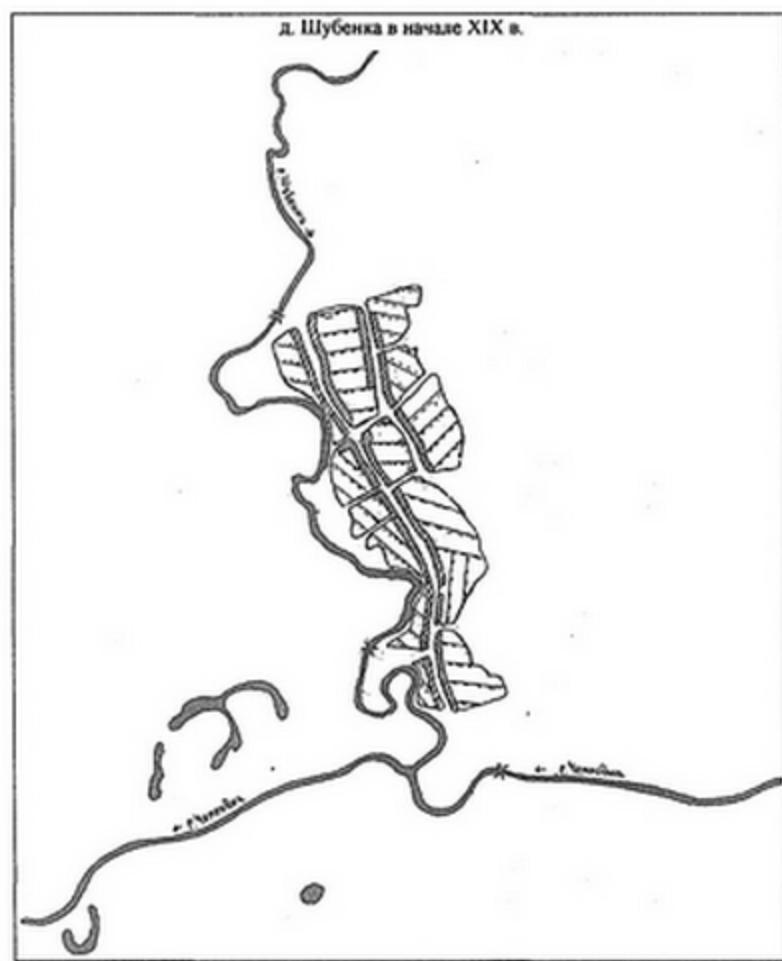

Рис. 1

В селе Савиново сложилась иная форма планировки – радиальная. К жилому массиву «Родового ядра» можно отнести район «Сибирь» в сочетании с районом – «Гора», возвышенностью в форме колпака. Название *Сибирь* старожилы объясняли тем, что в нем первоначально поселились ссыльные. Застройка этой части населенного пункта расходится лучами от моста через р. Уткуль.

В Комарово, к «Родовому гнезду» в равной степени можно отнести район «Казанка», «Собачий край» (по словам старожилов, жители держали много собак) и район

«Вонючка» (старожилы объясняли постоянной грязью). Кроме того, рядом с районом «Казанка» существовали заимки, а по сути, семейные хутора Власовых, Труниных, Чаусовых, Болговых, Терентьевых. Для жилого массива данного поселения характерна линейная многорядная форма планировки – строения располагались рядами как параллельно, так и перпендикулярно друг к другу.

В Новой Чемровке представлены как линейная форма планировки, в качестве доминирующей, так и элементы радиальной. Село Луговское является также примером линейной многорядной, частично-перпендикулярной формы планировки. В Плешково сложилась, в качестве доминирующей, дуговая форма планировки – что связано с изгибом русла реки Буланихи. А также линейная там, где это позволяли условия местности.

Второй этап развития занимает промежуток времени с 1860-х годов до конца 1920-х годов. Со второй половины XIX в. происходят изменения в планировке и застройке населенных пунктов, в связи с открывшейся возможностью свободной колонизации Сибири. Лидирующее положение по наплыву мигрантов во второй половине занял Бийский округ. На его территории с 1865 по 1894 г. возникли 10 крестьянских волостей, в то время как в Барнаульском – 6, на кабинетских землях Томского округа – 2, в Кузнецком – 1 [1]. Под влиянием массового переселения и роста численности населения общий тип расселения в этот период можно причислить к смешанному – со второй половины XIX в. наряду с долинно-приречными селениями возникают также и водораздельные, расположенные в отдалении от естественных источников водоснабжения.

Заселяя населенные пункты Зонального района, переселенцы образовывали районы компактного проживания на окраинах сел, в результате чего старожильческие поселения разделялись на «край» с однородным составом населения. Такое деление населенных пунктов было прочным, и следы его можно проследить в настоящее время [2]. В Шубенке образовались новые «край» – «Баланцов», «Дудин», «Бурановка», «Рязановка», «Вшивый». В Новой Чемровке окончательно сложились районы: «Золотая сотня», «7-й район», «Орелка», «Галкин край», «Очищалкин край», «Дудинский край», «Меньшов край», «Бочановка», «Собачья гора» (рис. 2). В Комарово в результате компактного расселения выходцев из Вятской губернии образовался район «Вятка», который влился в общую линейную форму планировки. В селе Савиново добавились районы: «Вонючка», «Манючка» (здесь проживало, по словам старожилов, много девушек, которые манили к себе мужчин деревни), «Собачий край». Кроме того, на правом берегу р. Уткуль образовался еще один «край» – «село Гудово». Несмотря на «самостоятельное» название, он рассматривался местными жителями как часть Савиново с жилой зоной (общественно-административная находилась непосредственно в Савиново). Существовал еще один район села – «Заимки» (встречалось и другое название – «Кузулуг»), отдаленный от основной части жилого массива.

Село Буланиха раскинулось по обоим берегам одноименной реки. Основная часть жилого массива данного населенного пункта расположена на правом берегу. В ходе историко-этнографического исследования села удалось выявить ряд исторических краев-районов села. На левом берегу – «Ближний увал» (за прудом), «Грязнуха» (современная улица Кубрева; такое название вызвано тем, что, по словам старожилов, там всегда было грязно), «Слепой край» (ул. Набережная). В правобережной части – «Щегорок» (в настоящее время улица Пошнева), «Шумиловка» (те, кто проживал там, очень шумели; современная улица Толстова), «Малая хохловка» (ул. Советская), «Большая хохловка» (ул. Колхозная). Кроме того, существовали такие «край», как «Дальний увал», «Бессарабия», «Соломинка», идентифицировать которые с жилым массивом настоящего времени не удалось. Не удалось также выяснить и «родовое гнездо» села. Но известно следующее – к 1821 г., согласно архивным картографическим материалам, Буланиха располагалась по обоим берегам реки. Можно предположить, что такие «край», как «Большая хохловка», «Малая хохловка» и «Бессарабия» образовались не на раннем этапе развития планировочной структуры Буланихи, а в более поздний период – со второй половины XIX в. в связи с переселением на Алтай крестьян из южных районов России (Украины, Бессарабии).

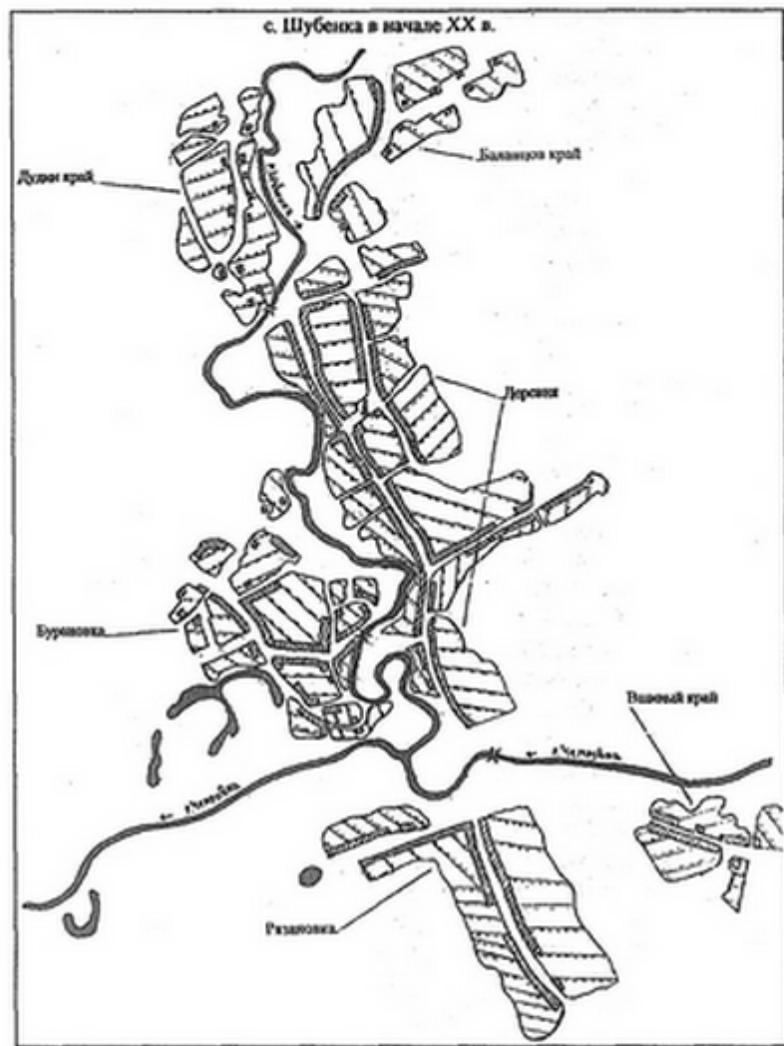

Рис. 2

Село Соколово раскинулось по обоим берегам р. Уткуль. Наиболее старый район села – «Соколовские». Рядом с ним возникли другие районы переселенцев – «Сибирь» и «Россия». Появление района «Заводские» связано с Платоновским спиртзаводом (современный Иткульский спиртзавод) – здесь стали проживать рабочие этого завода, до этого обитавшие на огороженной территории данного предприятия. На правом берегу р. Уткуль образовался район «Пермья» – в результате появления в Соколово крестьян из Пермской губернии. Доминирующей формой планировки села Соколово является дуговая, что обуславливается изгибом естественного ориентира – реки. Дополняет эту форму планировки другая – линейная (там где это позволяют условия местности).

Процесс дальнейшего селообразования, и соответственно развития жилого массива населенных пунктов на время приостановила гражданская война (1918–1920 гг.), и после ее окончания он развернулся с новой силой. В послереволюционный период усиливается отток крестьян из деревень, сел на хутора, выселки, поселки и т.п. Это расселение было вызвано стремлением избежать обременительных общественных повинностей в крестьянских общинах, избежать неудобства старого землепользования (дальноземелье, чересполосица) [4]. В период 1921–1923 гг. в. образовались такие населенные пункты, как Зеленая Роща, Верх-Таловка, Полеводка, Красная Роща, Малиновка. Для этих селений характерна линейность планировочных форм; уличная

застройка – дома расположены двумя рядами друг напротив друга, а также рядовая застройка – строения расположены в ряде с одной стороны (как на окраинах населенного пункта, так и доминирующая, в связи небольшими размерами селения).

Станция Буланиха (образованная в 1926 г.) относится к иному типу населенных пунктов, если исходить от характера производственной деятельности населения – это железнодорожная станция, а не поселок сельского типа [3]. Это населенный пункт с линейной формой планировки и уличной застройкой.

В 1926 г. образовался поселок Октябрьский – представитель притрактового типа (Бийская трасса) населенных пунктов, в котором сложилась линейная форма планировки (вдоль трассы) и рядовая застройка (строения расположены в ряд с одной стороны улицы). Возле поселка сделали пруд, с целью обеспечения водой для хозяйственных нужд.

Сравнительно большое распространение получили сельскохозяйственные коммуны на Алтае, где значительную часть деревенского населения составляли бедные крестьяне, не обеспеченные землей [4]. Причем коммуны возникали и в старых поселениях, и как новые населенные пункты. В них коммунары свозили свои дома из старых селений или покупали их у крестьян. В коммунах обобществляли скот, инвентарь, обрабатываемые земли. Населенный пункт такого типа являлся «предвестником колхоза».

Как коммуны образовались такие населенные пункты, как Парижская Коммуна, Путь Ленинизма, Свет Ленина, Новый Быт. Для этих поселений были характерны относительно небольшие размеры, а также линейность, регулярность жилого массива. Строения располагались рядами и параллельно и перпендикулярно друг к другу. Застройка уличная, имеется в наличии также улично-квартальная (рис. 3–4).

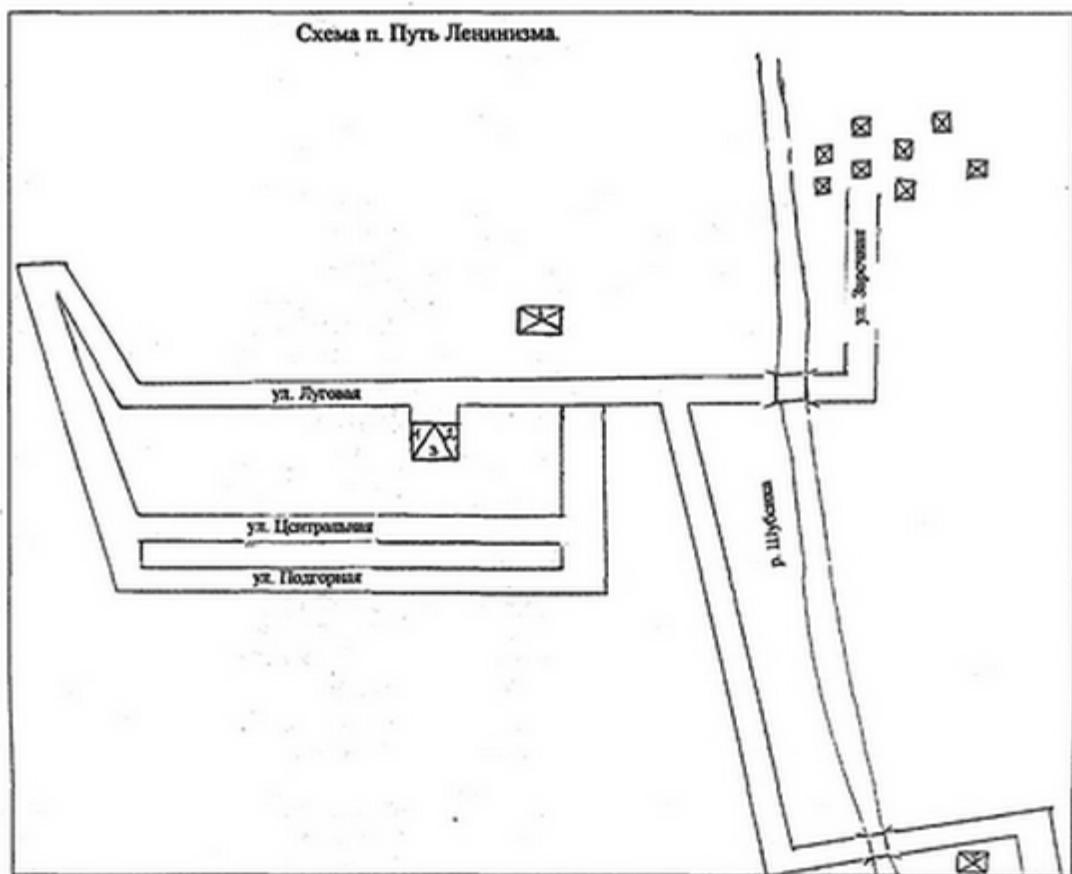

Рис. 3

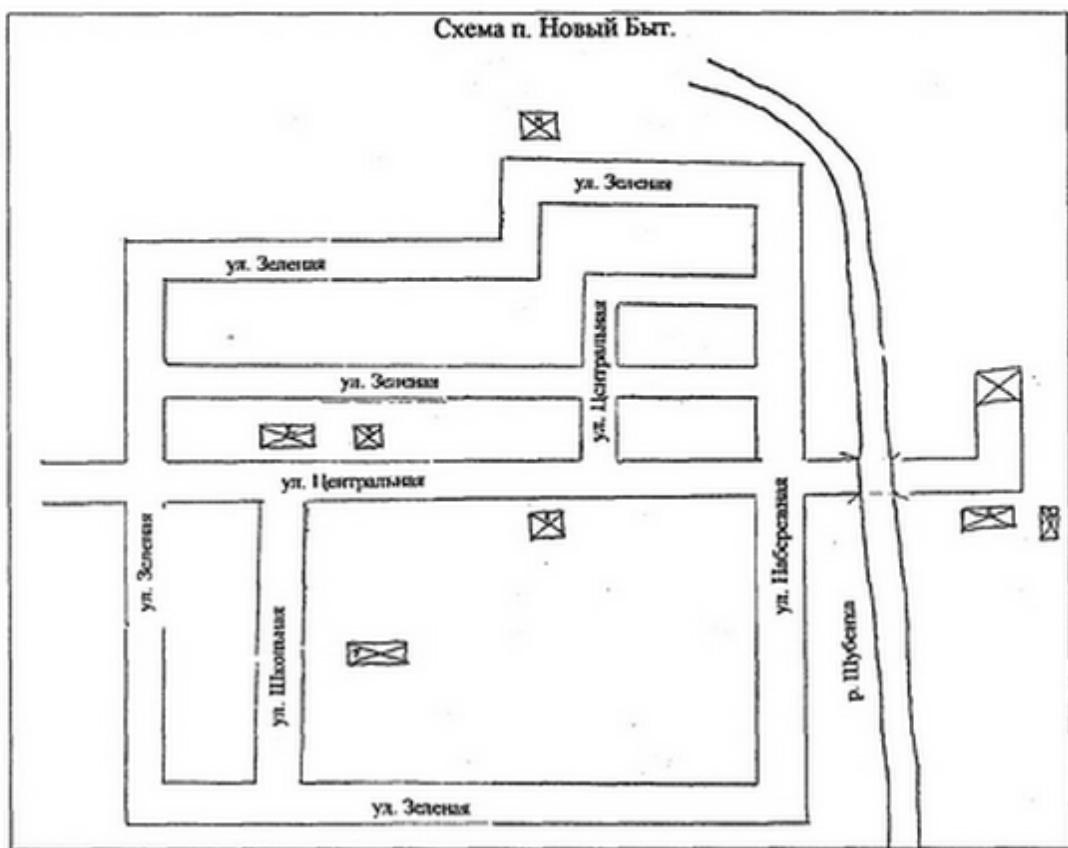

Рис. 4

Третий этап развития планировочной структуры населенных пунктов [2] Зонального района начинается с 30-х годов XX в., в связи с переходом к исключительно государственно-административной системе хозяйствования и продолжается до настоящего времени. Для поселений, образовавшихся в этот период, характерно снижение роли крупных естественных водоемов как основы планировочных форм. Большинство населенных пунктов относится к водораздельному типу. И лишь такие поселки, как Мирный и Сафоновка, расположенные в пойме реки Чемровка, относятся к долинно-приречному типу. В развитии застройки отчетливо прослеживается тенденция к ее упорядочиванию.

Существенные изменения в характере поселенческой структуры произошли в процессе коллективизации сельского хозяйства. Колхозы организовывались в большинстве случаев на базе уже существующих сельских поселений. В ходе осуществления сплошной коллективизации сельского хозяйства происходила ликвидация хуторов, жители которых переселялись в старые населенные пункты или в новые колхозные поселки. Например, поселок Сафоновский (Сафоновка): в 1931–1932 гг. из Новой Чемровки на место будущего населенного пункта было перевезено несколько кулацких домов; название поселка произошло от фамилии Сафона, дом которого был также перевезен. Для этого населенного пункта характерна линейная форма планировочной структуры жилого массива. Ряды сельских усадеб расположены и параллельно и перпендикулярно относительно друг друга, образуя уличную, с элементами улично-квартальной, застройку. Кроме того, в этот период происходило сокращение жилого массива в результате процесса раскулачивания в ходе проведения коллективизации – зачастую, когда раскулаченные ссылались, их дома разбирались, а новые на этом месте не возводились. Пример – сокращение числа строений на улице Гагарина в селе Шубенка в результате этих событий.

К 30-м годам XX в. архитектурный жилой массив Буланихи в ходе дальнейшего своего развития приобрел следующий вид: в левобережной части села он состоял из улиц Кубарева и Набережной. А в правобережной части – Толстова, Пошнева, Советская и Колхозная. И поскольку данный населенный пункт относится к типу долинно-приречных (т.к. возник в период доминирования в данном регионе долино-приречной системы расселения), река оказала большое влияние на форму планировки Буланихи, влияя на ориентацию рядов сельских усадеб, из которых и складывался жилой массив. Форма планировки, сложившаяся в данном поселении к 30-м годам XX в. – радиальная (то есть ряды строений расходятся лучами от одной точки). Эта форма планировки утвердилась как на правом, так и на левом берегах. Допустимо предположение, что до появления «Большой» и «Малой хохловки» имела несколько иной вид – доминирующую дуговую (связанную с изогнутым берегом реки), и вилочную, в качестве дополняющей. И только с появлением вышеуказанных «краев» форма планировки преобразовалась в радиальную. Вид застройки в селе, доминирующий в указанный период – уличный (т.е. жилой массив состоял из улиц, образованных двумя рядами домов, обращенных фасадами друг к другу).

Создание совхозов часто сопровождалось строительством комплекса новых населенных пунктов на центральной совхозной усадьбе и его отделениях [4]. В данном регионе в 1932–1933 гг. было образовано с. Зональное (станция Зональная) – как центральная усадьба совхоза. Население этого сельского поселения составили жители окрестных деревень, раскулаченные украинцы (сосланные до этого в Нарым). Отделением совхоза по выращиванию свеклы являлся поселок Свекловичный, также образованный в 1932–1933 гг. Другое отделение этого совхоза располагалось в поселке Семеновод. Зональное является типичным примером линейного сельского населенного пункта – дома расположены улицами, перпендикулярно (а также поперечно) и параллельно ориентированными относительно друг друга. Причем эти линейные ряды строений можно подразделить на упорядоченные, расположенные перпендикулярно и параллельно друг к другу, а также ломаные – поперечно и параллельно. Для поселков Свекловичный, Семеновод также характерна линейная многорядная, частично перпендикулярная форма планировки.

В 1930-е гг. по всей стране при многих МТС появились свои особые поселки [4]. Пример такого населенного пункта в Зональном районе – поселок Мирный (долинно-приречный населенный пункт, в пойме р. Чемровка, название поселка произошло от того, что «жили мирно»). С 1935 г. на месте поселка была образована МТС, персонал которой первоначально проживал в с. Новая Чемровка. В конце 1930-х гг. на берегу реки было возведено несколько бараков (каждый был рассчитан на четыре семьи). Затем появились новые дома, которые строили сами работники МТС. В настоящее время этот населенный пункт раскинулся по обоим берегам реки Чемровка. Большая часть жилого массива поселка расположена на правом берегу реки. Планировка Мирного линейная, многорядная частично-перпендикулярная – жилой массив состоит из рядов строений, расположенных как параллельно, так и перпендикулярно друг к другу. Застройка уличная, улично-квартальная, а также рядовая (на окраинах). То есть улицы образованы двумя рядами домов, обращенных фасадами друг к другу. Под рядовой застройкой понимается расположение домов, как и при уличной, но отличием является расположение строений с одной стороны улицы. Из этих улиц и рядов на некоторых участках жилого массива поселка Мирного образуются кварталы, дающие начало улично-квартальной застройке.

В годы Великой Отечественной войны для населенных пунктов Зонального района характерен некоторый рост жилого массива в результате селения в них депортированных немцев: в селе Шубенка, например, в результате их компактного расселения, образовался новый район «Немецкий край» (рис. 5). В селе Соколово депортированные калмыки образовали район, прозванный местным населением «Шанхай». Впоследствии калмыки уехали на свою историческую родину, а этот район заселили русские, но название осталось прежним. В этот же период образовался поселок Урожайный (до этого на этом месте располагался полевой стан). Этот поселок основали депортирован-

ные немцы, калмыки. В этом поселении сложилась линейная многорядная, частично-перпендикулярная форма планировка и уличный вид застройки.

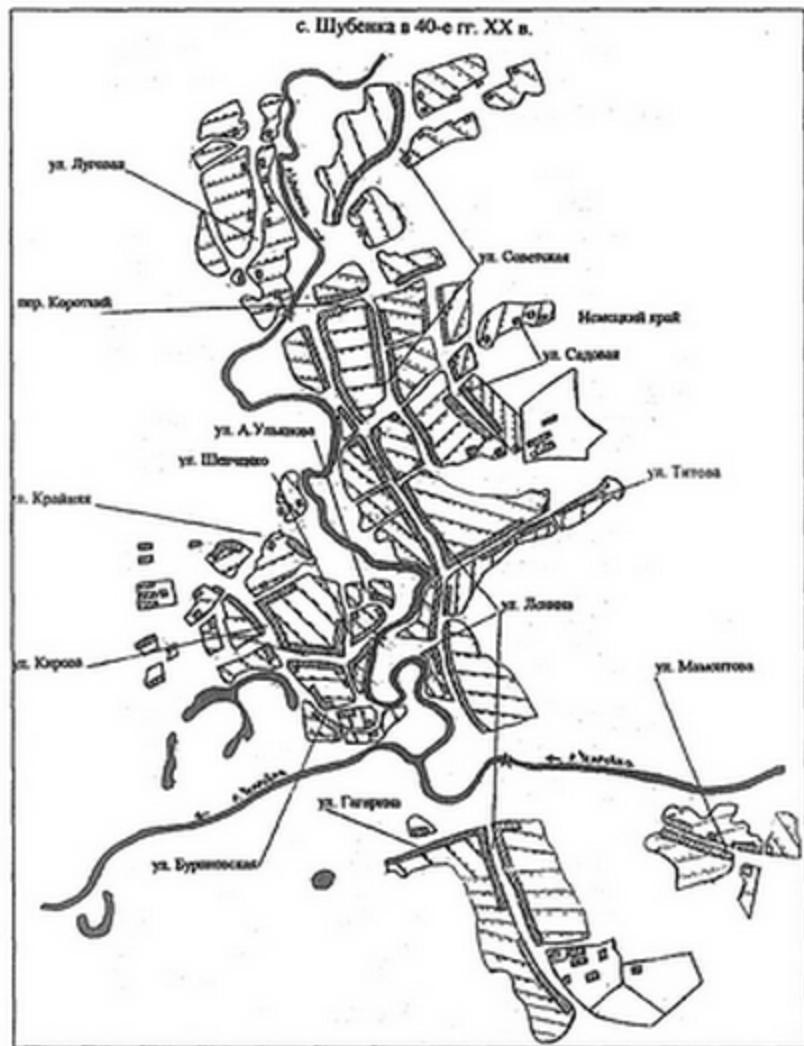
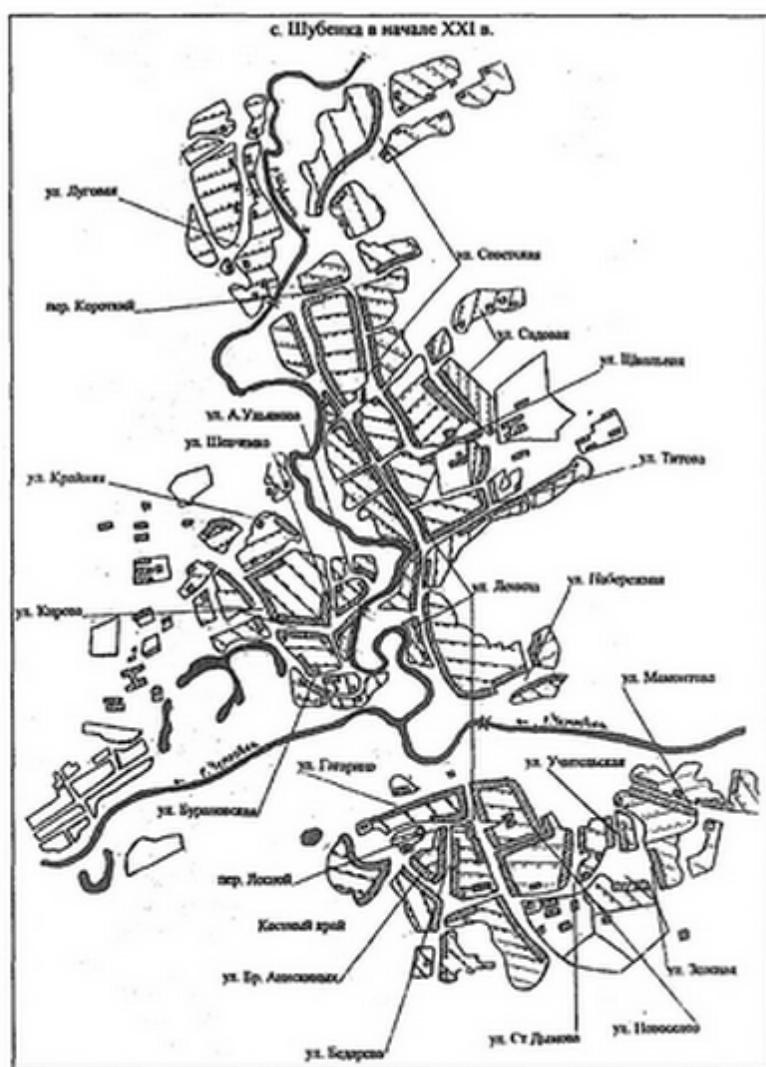

Рис. 5

Представителем послевоенного поколения населенных пунктов является поселок Восход (относится к водораздельному типу населенных пунктов), возникший во второй половине 1940-х годов. Для этого селения характерна упорядоченность линейной формы планировки, ряды усадеб расположены как параллельно, так и перпендикулярно относительно друг друга. Вид застройки – уличный, но благодаря упорядоченности планировочной структуры прослеживаются элементы улично-квартальной.

Новый этап в развитии планировки и застройки сельских поселений начался с 1950-х гг. в связи с процессом укрупнения колхозов [4]. Значительное внимание стало уделяться расширению сельского строительства, правильной застройке и планировке населенных пунктов укрупненных колхозов. В результате рационализации схем внутрихозяйственных планировок сельских поселений – в виде развития центральных усадеб за счет сокращения числа малодворных населенных пунктов. Производилось уплотнение и упорядочивание застройки центральных селений, селение мелких населенных пунктов на центральные усадьбы. В результате переезда жителей неперспективных малодворных селений на укрупняемые поселения, появлялись новые сельские усадьбы.

Основным принципом планировки населенных пунктов стало разделение зоны застройки на жилую и производственную [4]. В центре поселений находились здания сельского Совета, правления колхоза или управления совхоза, клуба, магазинов, столовой. Строятся новые здания школ, детских садов. На окраинах населенных пунктов расположена производственная зона – мастерские, склады, заводы, гаражи и т.д. Развивается система водоснабжения – вместо колодцев появляются водозаборные колонки, сеть водопровода. Белось колхозно-совхозное строительство типовых жилых домов. Причем в этот период застраиваются как старые улицы, так появляются и новые улицы: например, улица Новая и часть улицы Садовой (район «Питер») в селе Савиново; Учительская, Новоселов в селе Шубенка; Советская, Новая в селе Буланиха; Новая и часть улицы Центральной в Комарово и другие. Но в то же время исчезали некоторые районы села – в Комарово и Савиново исчезли такие районы, как «Заимки». Также велось сельское строительство и другими организациями. В селе Шубенка, например, завод костной муки в 1970-е гг. вел строительство жилья для своих работников. В результате появились новые улицы Бедарева и Бр. Анискиных – «Костный край» (рис. 6). Но продолжалось местами и сокращение жилого массива в населенных пунктах Зонального района – в Савиново исчез район «село Гудово».

Puc. 6

Для развития планировочной структуры села Буланихи в послевоенный период характерен рост жилого массива (к 1970-м гг.). Этот рост проходил по двум путям. Первый – увеличивались уже существующие улицы. Второй – появлялись новые улицы и переулки – улица Больничная, переулок Зеленый, поперечный. Планировочная структура усложнилась, форма планировки стала претерпевать постепенные изменения – за счет появления новых рядов строений как вдоль, так и поперек относительно друг друга, появляются элементы частично радиально-кольцевой. Данная форма планировки образуется при усложнении планировочных форм с внутренним ориентиром – радиальная система улиц соединяется другими улицами, переулками. Происходят изменения и в застройке – из-за появления новых улиц, переулков (появление переулков – признак уплотнения застройки, ее развития вглубь, а не вширь) в уличной застройке начинают проявляться черты улично-квартальной. К 1990-м гг. планировочная структура Буланихи приобрела следующий вид: происходил как рост старых улиц, так имело место и появление новых. В правобережной части села появились следующие улицы – Молодежная, Новая, Садовая, Елютина. В левобережной части – Нагорная, Животноводов. Форма планировки в правобережной части трансформировалась в многограновую: доминирующей является радиально-частично-кольцевая, а дополняющей – линейная (появление последней формы связано с возникновением новых улиц, выстроенных во второй половине XX в.), а также кольцевая (т.е. из порядков домов создалось «кольцо»), в районе улиц Новая, Молодежная. Застройка в этой части села приобрела вид улично-квартальной, что связано с появлением радиально-частично-кольцевой формы планировки – радианы улиц, и связывающие их другие улицы и переулки и образовали кварталы неправильной геометрической формы, а также вкраплением небольших участков рядовой и уличной – на окраинах поселения. В левобережной части села форма планировки слегка изменилась – теперь кроме радиальной также появился участок кольцевой (в районе улицы Набережной). Застройка – уличная (имеются в наличии небольшие элементы улично-квартальной), рядовая.

Для 1990-х гг. в целом по Зональному району характерен спад сельского строительства, в результате ухудшения социально-экономического положения в стране. Но в то же время оно, хотя и медленно, продолжалось. В селе Шубенка примером этого является улица Зеленая – одна из самых молодых улиц в этом населенном пункте, на которой часть домов в настоящее время еще недостроена. Для этого периода характерно возрождение традиций индивидуальной застройки.

Подводя итоги анализа процесса развития населенных пунктов Зонального района, можно прийти к выводу, что несмотря на все преобразования, в них и в настоящее время сохранилось много традиционного. Все так же сельские поселения называются деревнями, селами, поселками. У большинства старых селений сохраняются традиционные названия, возникшие при их основании. Они назывались по имени основателя или владельца первого строения (Савиново, Соколово, Сафоновка и др.); по топографическому признаку (Шубенка, Уткуль, Буланиха, Новая Чемровка); по природному фактору (Комарово). Названия населенных пунктов, образовавшихся в советский период, зачастую имеют идеологическое значение (Октябрьское, Красная Роща, Парижская Коммуна, Путь Ленинизма, Новый Быт); по другим факторам советского периода (Мирный, Восход, Урожайный, Семеновод, Свекловичный). Также сохраняются традиции в местоположении современных поселений. Старинные населенные пункты расположены на тех же местах, где они и были основаны. Более молодые образовывались на свободных участках по берегам рек, а больше на водоразделах, привязанных к шоссейным трактам. В результате всего этого на территории района сложилась сложная, достаточно густая на местности сеть сельских населенных пунктов.

Для развития форм планировки характерен рост доли линейной по сравнению с другими – дуговой, радиальной, радиально-кольцевой. А для развития застройки – переход от разбросанной, хаотичной к упорядоченной рядовой, уличной и улично-квартальной.

Литература

1. Архивы России: путеводители. М., 2001.
2. Григорьев К.В. Сельские поселения Нижнего Причарышья // Этнография Алтая и сопредельных территорий; Отв. ред. Демин М.А., Щеглова Т.К. Барнаул: Изд-во БГПУ, 1998.
3. Кустов В.М. Военная топография. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2000.
4. Чижикова Л.Н. Изменения сельских поселений в 1920–1980-е годы // Русские: народная культура (история и современность). Т. 2: Материальная культура. М., 1997.

Н.С. Грибанова

КУСТАРНЫЕ ПРОМЫСЛЫ И ТРУДОВЫЕ ТРАДИЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ЗОНАЛЬНОГО РАЙОНА В КОНЦЕ XIX–ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Крестьянское хозяйство в конце XIX – начале XX в. носило многопрофильный характер. Основными занятиями крестьян Бийского уезда Томской губернии в рассматриваемый период были земледелие и животноводство.

Значительную роль в жизни крестьян играли добывающие и обрабатывающие промыслы. Под кустарными промыслами принято понимать ремесленную деятельность крестьянина в одном из трех ее видов (домашняя, на заказ, на рынок) или в их сочетании при условии включенности его труда в хозяйственную структуру семейного хозяйства [1, с. 328]. В рассматриваемый период в селах современного Зонального района существовали все три вида ремесленной деятельности. Крестьянин обеспечивал себя и свою семью продуктом промысла и получал дополнительные средства путем производства изделий на заказ или продажу. Близость города позволяла легко сбывать производимую продукцию. Екатерининская ярмарка, проходившая в Бийске с 24 ноября по 6 декабря, и воскресные базары являлись местом, где крестьяне продавали излишки сельскохозяйственной продукции и изделия промыслов. В своем селе мастера работали на заказ и часто с материалом заказчика. Вид расчета во многом зависел от материального достатка и хозяйственной деятельности мастера и заказчика. Промысловики, не занимающиеся хлебопашеством, нередко брали плату мукой, мясом и другими продуктами. За помол муки рассчитывались преимущественно зерном. Но часто «хозяину нужны были деньги» [9]. В целом расчет продуктами питания за изделия промыслов не получил в районе широкого распространения. Заводские рабочие предпочитали платить деньгами. Да и многие крестьяне старались выручить необходимую сумму, продав в городе, имеющийся в излишке продукт.

По мнению исследователей, многие промыслы в Сибири основали переселенцы [3, с. 84]. Имеющиеся источники не позволяют выявить долю участия в промысловой деятельности старожилов и переселенцев Бийского Приобья в конце XIX века. По данным на 1917 г., переселенцы составляли 64%, старожилы – 34% всех крестьян-промышленников¹. Большинство переселенцев были выходцами из Рязанской (25%), Воронежской (10%), Тамбовской (8%) губерний, а также из других районов Томской губернии (8%). Доля их участия по сравнению со старожилами значительно выше в деревообрабатывающих промыслах (70%), в пимокатном (90%), сапожном (90%), кожевенном (100%) деле и пчеловодстве (60%). Старожилы имели преимущество в шорном деле, являлись владельцами большинства мельниц.

Промысловой деятельностью занимались большей частью мужчины. По материалам переписи, женщины составляют лишь 4% от занятых в промыслах. При этом только в одном случае отмечено шерстобитное производство, в остальных – портняжное. Однако повсеместно важнейшим женским занятием являлось прядение и ткачество.

¹ Комитет по делам архивов администрации Зонального района. ФР. 44. Оп. 1. Д. 12. Л. 57, 58, 59, 60, 64.

В изучаемом районе оно, по-видимому, не носило товарного характера. Известны лишь отдельные свидетельства о продаже льна куделей на бийской ярмарке [24]. В целом же крестьяне сеяли лен в количестве, необходимом для нужд своей семьи: от 0,5 до 1 десятины земли. Дети занимались сбором грибов, ягод, трав, принимали посильное участие в прядении и битье шерсти. Вера Арсентьевна Хализова вспоминает: «Я еще маленькая была – не училаась. Я вот так сяду перед машиной (шерстобитной) и вот так по клочку (шерсть) на полотно кладу. Оно идет в машину, а там на вальки наматывается, а потом выходит – падает. Крутили двое вручную, а я подкладывала» [25].

В конце XIX–начале XX в. промыслы встречались в основном как подсобное занятие, хотя иногда обработка сырья выступала и в качестве основного. Крестьяне в таких случаях отказывались от хлебопашства, но сохраняли небольшое подсобное хозяйство. «Мы крестьянством не занимались, отец катал валенки. Конечно, свое хозяйство держали: две коровы, лошадь, свиньи, куры. Огород садили – соток десять. Всю мелочь и картошку» [25]. Отец Коноваловой Раисы Федоровны имел мельницу в Соколово. «Земли сколько-то было немного. Для себя лошади и коровы были. А так скотоводством и земледелием не занимался» [11].

В 1920-е гг. наряду с образованием колхозов в некоторых селах складываются промартели. В селе Буланиха была создана артель инвалидов «Красная звезда». Артели принадлежала торговая лавка с оборотом 25 рублей прибыли в день, маслобойный завод, просорушка, мыловаренный завод. Везде работали инвалиды. Мыловаренный завод производил 30 пудов мыла в неделю, маслобойный завод – 4 пуда масла в сутки [8, Обследование произведено 1 февраля 1925 г.].

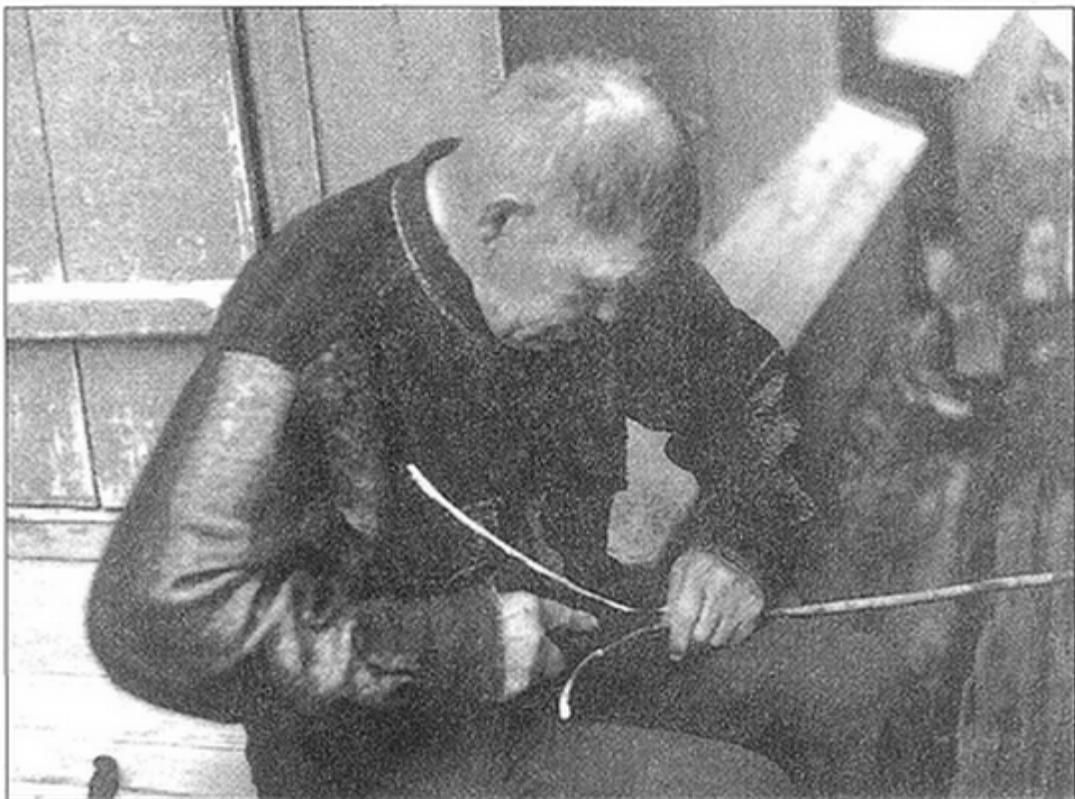
В селах Соколово и Комарово существовала промартель им. Революции 1905 года (Леваневского). В артель входила значительная часть жителей села Комарово, которые занимались изготовлением колес, телег, саней, бочек. Артели принадлежала шерстобитня и несколько смолокуренных котлов в лесу. В Соколово артели принадлежала шерстобитня и пимокатная мастерская. Артель работала как на заказ, так и на рынок. Низкая оплата труда вынуждала пимокатов подрабатывать по ночам – катать валенки по заказу знакомых или родственников.

В 1930-е гг. многие промысловики были раскулачены. В первую очередь это коснулось зажиточных крестьян, владельцев маслобойных и смолокуренных заводов, мельниц, мастерских, шерстобитных машин и т.д. Те, кого обошли стороной репрессии, продолжали заниматься своим промыслом. Для одних он становился единственным источником существования, другие занимались им в свободное от работы в колхозе время, как правило, ночью.

По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., в селах современного Зонального района (Соколово, Савиново, Комарово, Буланиха, Плещково, Луговское, Шубенка) имели место двадцать девять видов промысловых занятий (табл. 1). Наиболее распространенными были занятия по обработке сырья растительного происхождения (дерева и волокнистых культур), по переработке продуктов сельского хозяйства (зерновых культур и молока), пчеловодство, кузничное и сапожное дело. Кроме того, в каждом селе в зависимости от природных и экономических условий была своя специфика в распространении несельскохозяйственных занятий крестьян. В Буланихе 33% всех промысловиков занимались пчеловодством. Близость озера Уткуль способствовала широкому распространению в селе Плещково рыболовства.

Архивные материалы и устные источники свидетельствуют о повсеместном распространении деревообрабатывающих занятий. Среди крестьян, занимающихся обработкой дерева, в переписи отмечены плотники (56 человек), столяры (8), пильщики (4), колесники (2), бондари (2), гребенщик и десятагон. Большинство из них были переселенцами из южных губерний России (Рязанская, Орловская, Тульская, Тамбовская, Воронежская), а также из Вятской, Пермской, Тобольской и Томской губерний. Лишь 27% крестьян, занимающихся деревообработкой, являлись старожилами. Наличие небольшого по размерам хозяйства или вовсе его отсутствие у значительной части мастеров позволяет говорить о доходности деревообрабатывающих промыслов, а их распространенность о высоком спросе на соответствующие услуги и продукцию.

Дерево в крестьянском хозяйстве являлось основным материалом, из которого строили жилище и хозяйственные помещения, изготавливали средства передвижения, сельскохозяйственный инвентарь, орудия труда, утварь, мебель. Навыки работы с деревом прививались с детства и были необходимы для экономического благосостояния семьи. Повсеместно в домашнем хозяйстве крестьяне гнули рабочие дуги, делали оглобли, грабли, кадушки, вырезали прялки, веретенца [19], плели корзины [10, фото 1]. Однако некоторые виды обработки дерева требовали особой сноровки, знания секретов ремесла, наличия специальных орудий труда. Таковыми являлись токарные и столярные работы, саниный и колесный промыслы, «сидка лея» и смолокурение.

Фото 1. Подготовка (расщепление) илового прута для крепления корзин, с. Шубенка, 2002 г.

Перепись 1917 г., свидетельствует о разделении мастеров по деревообработке на плотников, токарей, столяров. По определению В. Даля, плотник – «рабочий для лесных поделок и строений», столяр – «ремесленник по чистой отделке деревянных вещей, по внутренней отделке комнат и деревянной утвари», токарь – «работающий на токарном станке» [6]. Народная память не сохранила особенностей этого деления, и старожилы называют всех мастеров плотниками.

Для деревообработки, чаще всего, не было специально оборудованных помещений. Работа выполнялась в различных хозяйственных постройках или во дворе усадьбы. Мастерские, в исследуемых селах на 1917 г., имели лишь 7% промысловиков. Столярные мастерские в Буланихе принадлежали Т.Н. Сырецкому, П.С. Савилову, в Луговском – И.П. Казанцеву. Токарные мастерские в Буланихе имели Ф.А. Клиников, М.С. Солонин (табл. 5). Токарные работы выполнялись на станках, которые имели, как правило, крестьяне, работающие на заказ или продажу. Воспоминания жителей сел позволяют предположить, что станки были не только у владельцев мастерских. Часто станки «устраивались во дворе, под навесом», что давало возможность использовать

большие площади, свободнее маневрировать при обтачке деталей [20, с. 45]. Сегодня еще можно встретить в селах предметы, изготовленные мастерами на токарных станках в первой половине XX века. В Соколово – это столы с точеными ножками, окрашенные в бордовую или ореховую краску, изготовленные мастером Пальщуковым, проживавшим в «Сибири» (район села Соколово) [18]. Прялки и веретенца также заказывали местным мастерам. Жители Комарово вспоминают приезжих пряшечников, которые ходили из дома в дом, предлагая точенные прялки и веретенца. В Шубенке гребни изготавливали Толмачев Сергей Михайлович, 1863 г.р. [26]. В Сошниково (ныне не существует) занимались изготовлением деревянной утвари: ложек, чашек, поварешек [7]. Бондарным делом в Плещково занимался Скоков Василий Маркович, 1872 г.р., в Комарово Новоселов Ефтифей Логинович, 1850 г.р. [27].

Наличие сырья (березы) давало возможность развитию санного и колесного промыслов. Изготовлением колес занимались в 1917 г. в Буланихе – Николаев Семен Васильевич, 1861 г.р., в с. Комарово – Безпалов Егор Григорьевич, 1861 г.р. [28], в 30–50-е гг. – рабочие промартели им. Леваневского. Продукцию артели увозили в Бийск. В своем и соседних селах не распространяли.

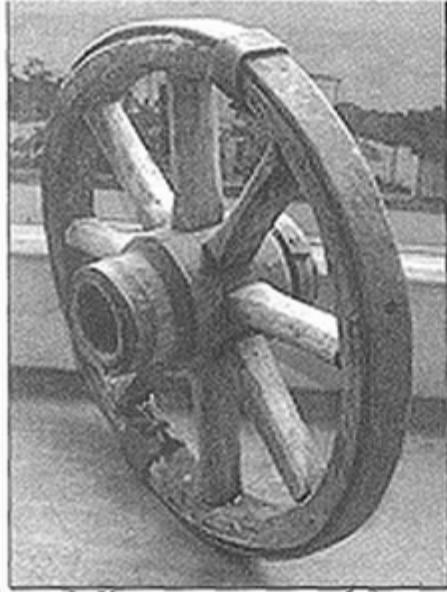

Фото 2. Колесо с цельным ободом,
с. Новая Чемровка.

Материалом для изготовления всех частей колеса (спиц, ступиц, ободьев) и санных полозьев служила береза – прочное и податливое к обработке дерево. Спицы и ступицы (трубицы) точились из сухого материала на токарном станке с ручным приводом (рис. 2). Привод состоял из большого и малого колес, соединенных ремнем. Большое колесо крутили два человека (чаще женщины), вращалось малое колесо и приводило в движение станок. За станком работал токарь. Заготовленные для ободьев и полозьев брусья предварительно распаривали в парнике или навозе. Парник представлял собой деревянный ящик с крышкой под которым помещали ванну с водой. В парник закладывали заготовки и разводили под ванной огонь. Под воздействием пара заготовки «расходились» и при загибании легче принимали нужную форму, не ломались и не давали трещин [4].

В «горящей» куче навоза заготовки выдер-

живали одну-две недели [23]. Распаренную заготовку закрепляли с помощью скобы в бало. Бало (станок) для ободьев представляло собой круглую в сечении чурку, на которой по краю окружности вырезан желоб. Ширина желоба соответствовала ширине брусьев. В центре бало с помощью штыря закрепляли «вагу» (брус или жердь), с помощью которой закрепленную заготовку загибали по окружности балы (рис. 1). Затем закрепляли второй конец заготовки той же скобой что и первый и оставляли до высыхания [4]. В другом случае оба конца связывали вместе, снимали с бало и сушили один – два года [23]. После полной просушки обод подвергался дальнейшей обработке. В выточенные ступицы забивали спицы, затем вставляли их в обод. Часто обод оковывали железом (фото 2). Бало вокруг которого гнули санные полозья имело желоб повторяющий форму полоза. Распаренную заготовку закрепляли на одном конце скобой и огибая станок по желобу также закрепляли на другом конце. Затем к выступающему краю привязывали веревку и притягивали к металлическому штырю, вбитому в бало (рис. 3). В таком положении полоз оставляли для просушки.

Деревообработка давала основу для «выкурки смолы» и «сидки дегтя». В Комарово, Соколово, Савиново смолокуренный и дегтярный промыслы занимали

важное место в хозяйстве крестьян. Старожилы отмечают, что больше всего смолокурением занимались в Комарово, поскольку лес вокруг села был наиболее крупный – «смолевый». По данным А.П. Суртаева, в Комарово смолокуренным промыслом занимались 15 семей, которым принадлежали 13 печей и корчаг. В Соколово перегоняли смолу 13 печей, принадлежащих местным крестьянам [22]. В переписи 1917 г. отмечен только один дегтягон – Сафонов Федор Степанович, 1884 г.р. Ему принадлежал дегтягонный завод в Комарово [29, табл. 5]. Сооружение печей с железными или чугунными котлами требовало больших расходов и было доступно не многим. Поэтому нередко крестьяне арендовали котел на время для выгонки нужного количества дегтя или смолы. Смола и деготь производились как для собственных нужд, так и на продажу или обмен. А.С. Рыбникова вспоминает, что ее отец в неурожайный год поменял бочонок дегтя на несколько мешков зерна [19]. Отец Макрушина М.В. возил смолу и деготь на продажу в Бийск [13].

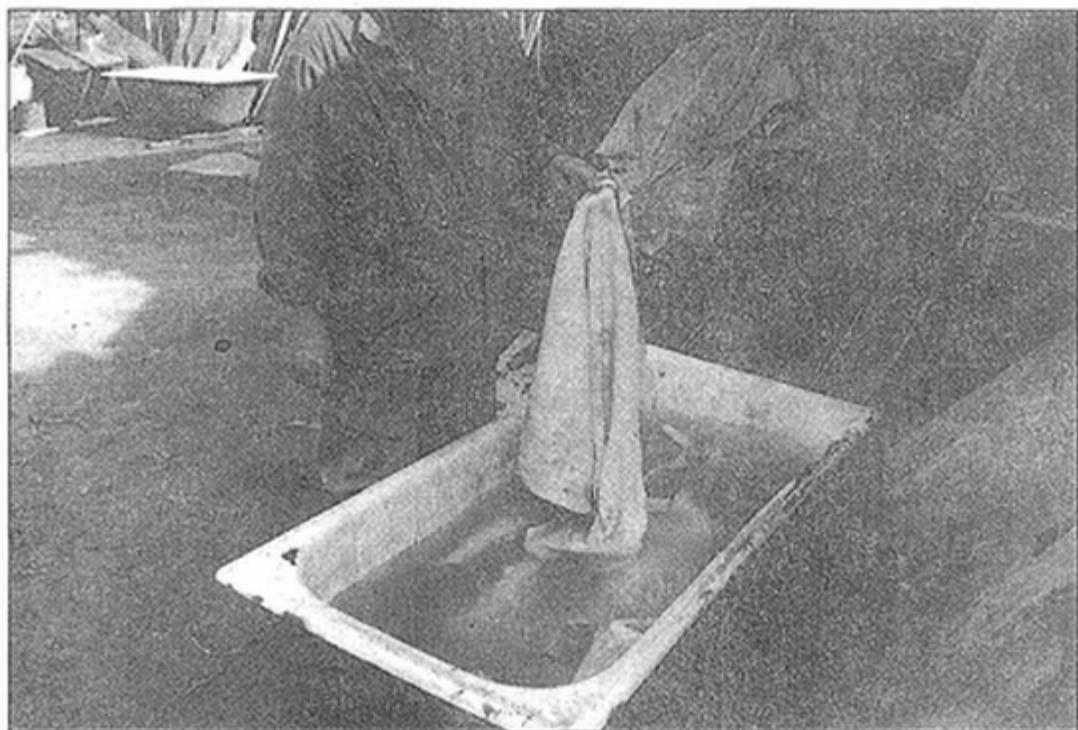

Фото 3. Окрашивание кожи, с. Новая Чемровка.
Загородников Федор Иванович, 1921 г.р., 2002 г.

Смолов обрабатывали тес для кровли, из нее варили вар, которым обливали телеги, колеса, сельскохозяйственный инвентарь. «Отец грабли делал. Варом их обварит – хорошие такие, красивые» [21]. Чистым дегтем, полученным из березовой коры, мазали кожаную обувь, отчего она становилась более мягкой. Для смазывания телег требовалось при выгонке дегтя к березовой коре добавлять осиновые ветки. Материалом для получения дегтя служила березовая кора, которую обдирали с валежника. Растущие деревья, по словам А.С. Рыбниковой, никогда не обдирали. Для выгонки смолы использовали сосновые пни, как части дерева содержащие больше всего смолы. Пни обкапывали со всех сторон, обрубали корни, после чего пень начинали выворачивать – «зализывать». Затем их пилили и возили к месту промысла. А.С. Рыбникова вспоминает, что когда ей было 11 лет, отец брал ее в лес, где они гнали смолу и деготь. Она помогала отцу обкапывать и пилить пни [19].

В 30-е–50-е годы XX в. смолокуренным производством в Комарово занималась промартель им. Революции 1905 г. (Леваневского). Артель имела несколько котлов в

бору, где происходила выкурка смолы. Среди рабочих было много молодежи. Мужчины корчевали пни, а девушки «таборили» их, т.е. складывали в поленницу и отмеряли кубометры [5]. Корчевание осуществлялось при помощи взрывчатки. Склад взрывчатки находился в лесу в десяти километрах от села. Деревянное здание было обнесено колючей проволокой и охранялось сторожем. Каждый пень подрывался отдельно. Для этого «буром делали отверстие под пнем, опускали туда мешочек с порохом и бикфордов шнур, оставляли запас шнура 10–20 метров, поджигали и уходили» [4]. Пни возили на быках, поскольку в лесу они сильнее и выносливее лошадей. Смолокурение производилось круглый год в печах с паровой гонкой. В чугунный или железный котел закладывали мелко колотые сосновые пни, закрывали крышкой. В кочегарке, находившейся под котлом, разводили огонь и топили дровами. Пни под воздействием высокой температуры начинали тлеть, смола выплавлялась и вытекала из котла через специально сделанное отверстие. Для выгонки смолы из одной закладки требовалось сутки. После чего котел «пересаживали» – вынимали угли и закладывали смолевые пни [5]. Смолу заливали в бочки и увозили на машинах в город. Полученный древесный уголь использовался в кузницах близлежащих сел.

В эти же годы был распространен сбор «живицы» (сосновой смолы). Заготовку смолы производил Боровлянский химлесхоз. Центральная контора лесхоза находилась в Боровлянке (ныне Бийский район), а сбором смолы занимались жители всех близлежащих к нему сел. В Комарово от лесхоза работали преимущественно женщины. Для сбора живицы на стволе сосны делали «карьи» – надрезы в форме «елочки», при этом боковые бороздки должны сходиться вместе в центральный ручеек, под которым ставилась металлическая воронка. Воронку закрепляли на дереве двумя способами: втыкали в кору дерева два небольших деревянных кольышка и на них вешали воронку или пробивали кору дерева под углом и подтыкали под нее воронку. Каждая воронка была рассчитана приблизительно на 500 грамм. Женщины собирали смолу из воронок в ведра, относили ее в сборники – землянки, специально выкопанные для этой цели в лесу. После сбора достаточного количества смолы ее грузили на машины и увозили в Боровлянку.

Для многих жителей Соколово важным промыслом являлась рубка и перевозка дров для завода Платонова (Соколовский спиртзавод). В конце XIX в. рубка дров производилась весной и осенью за плату от 35 до 50 копеек с погонной сажени (для сравнения: пуд пшеницы стоил 30 копеек), перевозка зимой осуществлялась по цене от 80 копеек до одного рубля за погонную сажень. В качестве дров использовался валежник [22]. В 30-е годы XX в. дрова пилили круглый год. Для заготовки дров подряжалась крестьяне, не вступившие по разным причинам в колхоз. Жили подрядчики в землянках недалеко от места промысла. Лесники отводили деляну для вырубки. Они же замеряли и принимали уже порубленные дрова. Для перевозки дров нанимались «возчики».

Важную роль в крестьянском хозяйстве играли неземледельческие занятия, связанные с переработкой сельскохозяйственной продукции. Первостепенное значение из них имело мукомольное дело. Для переработки зерна в муку и крупу в деревнях строили мельницы. Крупорушки существовали в основном при мельницах в 3–4 поставах (табл. 2) или самостоятельно (табл. 3). Имеющиеся материалы о мукомольном производстве в селах современного Зонального района свидетельствуют о существовании в период 1899–1950-е гг. только водяных мельниц (табл. 2). Среди них большинство находились в частном владении. По данным на 1900 г., в Шубенской волости 21 мельница находилась в однодворном, 2 – в многодворном владении [30]. Казенная мельница принадлежала Иткульскому винокуренному заводу Платонова в Соколово.

Крестьяне строили мельницы по берегам рек недалеко от своего села. По свидетельству старожилов, в возведении плотины нередко принимали участие все односельчане. В Савиново так строил мельницу С.А. Катасонов: «он пригласил всех помочь прудить, когда задумал мельницу делать. Все согласились. Каждому нужно было молоть – этим рассчитывался» [12]. При строительстве мельницы на заимке вблизи того же села Бураковы «людей нанимали мельницу прудить, мельницу ладить» [21]. Мель-

никами являлись чаще всего сами хозяева с одним или несколькими помощниками. Владельцы нескольких мельниц нередко строили их в различных селах и имели наемных работников. Так, крестьянину села Луговское А.И. Казанцеву принадлежали две мельницы при Шубенке и одна при Луговском [31]. Мещанин Бийска П.И. Лебедев имел две мельницы: в Чемровке и в Шубенске [32].

Производительность крестьянских мельниц была незначительной, поэтому, несмотря на их большое число, они не могли удовлетворять своевременно потребности населения. «Где мы жили – рядом была мельница. Бывало постом, в марте месяце, даже к нам в ограду настановится очередь» [18]. «Жили по неделе – очередь держали» [16]. Владельцы мельниц были раскулачены одними из первых. Их мельницы пришли в негодность или были разломаны. В годы войны действующих мельниц не было. В конце 1940-х–1950-е годы во многих селах вновь построили мельницы. Нередко с просьбой о помощи в строительстве плотины и мельницы обращались к бывшим владельцам мельниц. В с. Савиново, после нескольких неудачных попыток налаживания плотины под руководством инженеров, пригласили С.А. Катасонова. Однако вновь построенные мельницы просуществовали в большинстве случаев только до середины 1960-х годов.

Одним из видов переработки сельскохозяйственной продукции было маслоделие. Повсеместно для собственного употребления сбивали ручными сбояками сливочное масло из сметаны, а затем его перетапливали. В начале XX в. производство масла получает все возрастающее значение в экономической жизни населения. В селах появляются маслобойни, ориентированные на рынок. Архивные материалы свидетельствуют о существовании в 1894–1917 гг. маслобойных заводов в селах Новая Чемровка, Буланиха, Плешково (табл. 4). По материалам А.П. Суртаева, в Соколово были две маслобойки, принадлежавшие местным крестьянам Столбову и Макрушину. В Комарово имелась одна маслобойка местного крестьянина, построенная в 1898 году. [22].

Большинство заводов являлись мелкими заведениями с одним-двумя рабочими и оборотом 5–15 рублей в год. Наиболее крупным маслодельным заводом на 1901 год являлся завод Ф.Ф. Дороходова, перерабатывающий за год 4000 пудов молока. Завод скупал молоко у населения по цене 30 копеек за пуд. Ежегодно выделяли 200 пудов масла. Его сбыт осуществлялся в Бийское отделение барнаульской конторы датской фирмы Эсмань по цене 10 руб. за пуд. Бийск являлся одним из крупных пунктов по отправке сливочного масла за границу.

Существовали в районе и маслобойки по производству растительного, преимущественно конопляного масла. Маслобойня в Савиново принадлежавшая Пощовкину и Нагих, в небольших количествах вырабатывала конопляное масло для местных крестьян из приносимого ими семени, с платой от 20 до 40 копеек за 50 фунтов [22].

Многие крестьяне занимались переработкой животноводческого сырья для своей семьи, а также на заказ и продажу. В переписи 1917 г. отмечены кожевники (2), шорники (6), сапожники (18), пимокаты (10), чеботарь (2), шерстобой (1) (табл. 1). В каждом хозяйстве выделяли шкуры домашних и диких животных. Кожи выделяли двух видов: «сыромятть для хомутов и настоящую» для обуви [9]. Кожевенные заводы не получили в районе широкого распространения. В 1899 г. в с. Плешковское существовал кожевенный завод, принадлежавший С.П. Костенкову. В Буланихе в 1917 г. работал кожевенный завод Н.Г. Шубина, в 1925 г. – два частных кожзавода [8]. В Комарово обработкой кожи на заказ занимался Безпалов Семен Андреевич [33].

Процесс обработки кожи заключался в следующем. Кожу помещали в водный раствор извести на несколько дней. «Каждый день бегаешь туда смотришь – как шерсть начала слазить – все, вытаскиваешь» [12]. После чего обдирали шерсть и кожу тщательно промывали. Затем ее помещали в квасцы, приготовленные из отрубей: «положишь и смотришь за ней – она (кожа) распухает – толще делается. Ее прощупывашь, чтобы была вся мягкая» [12]. Заранее заготовленную сухую кору дуба запаривали в русской печи в чугуне с горячей водой. И как «вода красная-красная делается» выливали ее в емкость с небольшим количеством чистой воды. В этом – дубильном растворе выдерживали кожу в течение трех дней, помешивая два-три раза в день, что-

бы кожа «продубилась» равномерно. На заключительном этапе кожу развешивали и слегка подсушивали. Затем мяли на специальной мялке «натягиваешь на две доски и коленкой мнешь. Разомнешь ее и опять подсушишь. Она подсохнет и ее еще раз коленкой – она мягкая делается» [12].

Многие крестьяне сами шили «выворотную» обувь для своей семьи: женские обутики, мужские сапоги. Пользовались также услугами деревенских сапожников, которые работали с материалом заказчика (табл. 1). Фабричную обувь стали покупать только в 1948–1949 гг. [12]. В каждом селе были портные, которые шили на заказ тулуны и дохи (табл. 1). Это ремесло считалось трудоемким и доступным не каждому. Чаще всего им владели пожилые мужчины. Более распространенным было шорное дело (фото 4, 5). В с. Соколово шорную и сапожную мастерскую содержал мещанин г. Бийска С.А. Ледов (табл. 5). Изготовлением конской упряжи (1917 г.) в Плешково занимался Василий Романович Третьяков, в Шубенке – Прокопий Петрович Струков, в Луговском – Андрей Дмитриевич Быков, в Буланихе – Федор Савельевич Пономарев, Никифор Зотьевич Тырышкин, Сергей Трофимович Филонов [34].

Фото 4. Шорник Загородников Федор Иванович, 1921 г.р. 2002 г.

Из овечьей шерсти крестьянки вязали чулки, носки, варежки, ткали сукно для верхней одежды. Широкое распространение в конце XIX–первой половине XX века в районе получило изготовление валеной обуви. Так, по данным на 1887 год, в Бийском уезде били шерсть и катали валенки 701 семья. [17, с. 181]. В начале XX века изготовлением валенок занимались в большинстве случаев в свободное от занятых земледелием и скотоводством время. При этом катали валенки не только для своей семьи, но и на заказ (табл. 1). Нередко пимокаты большую часть своего времени отводили промыслу, имея небольшое хозяйство. В Соколово – А.А. Кирилов (засевал 2 десятины земли, 3 гол. скота), в Плешково – И.Т. Китов (0,1 дес. под лыном, 0,1 под картофелем, 3 гол. скота), С.Т. Шабунин. Вместе с этим были и пимокаты, владевшие мастерскими и ориентированные на рынок (табл. 5). В Буланихе мастерские имели Н.И. Животягин, П.Г. Ширяев [35], в Соколово – А.Ф. Хализов. По воспоминаниям В.А. Хализовой, ее отец и братья катали валенки на заказ из шерсти заказчика. Изго-

товленные на продажу валенки ее мама возила на базар в Бийск. Там же закупала на вырученные деньги шерсть для новой партии [25].

Фото 5. Хомут выездной. Мастер Загородников Федор Иванович, 1921 г.р., 2002 г.

Девять из одиннадцати, отмеченных в переписи, пимокатов являются переселенцами. Шестеро из них выходцы из Рязанской губернии, двое – из Костромской, один – из Вятской и один из Тамбовской губернии. А.Ф. Хализов – знаменитый на весь район пимокат, родился в Костромской губернии. Пимокатное дело освоил будучи подростком. «Там, где они жили – все были пимокаты. Они к зиме уезжали в разные губернии катать валенки, а весной приезжали» [25]. На новом месте жительства состоятельные переселенцы строили мастерские, другие катали валенки в собственной бане или в бане заказчика. По словам В.А. Хализовой, пимокатня ее отца представляла собой срубную постройку, имевшую два отделения. В одном помещении закладывали валенки и стояла шерстобитная машина. Во втором находилась большая русская печь и полок, на котором стирали валенки [25]. Мастерская промартели им. Леваневского была оборудована в амбаре, где стояла русская глинобитная печь, голландка и верстак [2]. Спрос на валеную обувь в условиях сибирской зимы был очень высок, поэтому многие старожилы перенимали навыки ремесла.

Широкому распространению пимокатного дела способствовало наличие необходимого сырья: овечьей шерсти. Шерсть использовали осенней стрижки. Благодаря значительному содержанию серы она имеет свойство быстро и плотно скатываться. «Весенняя не катается, потому что серы в ней нету» [12]. Длинную шерсть иногда резали «помельче», чтобы легче скатывалась. Шерсть предварительно перебирали вручную – выбирали сор и репьи. Пушили шерсть на шерстобитных машинах, которые имели в своем хозяйстве состоятельные мастера-пимокаты. В Комарово, Соколово были открыты шерстобитные заведения, принадлежавшие промартели. Иногда шерсть возили на шерстобитку в Бийск.

Необходимое количество шерсти зависело от размера пимов. Хороший мастер мог без весов определить достаточно ли шерсти. На женские валенки (24–26 размера) требовалось 3,5–4 фунта, на мужские (27–30 размера) – 5,5–6 фунтов. На женские чесанки

(тонкие, легкие валенки) брали 3–3,5 фунта. Стоимость валенок зависела от размера: «чем большие валенки – тем труднее катать» [12]. Цену назначали «за фунт шерсти». И.Е. Кузовлев вспоминает, что в 1950-е годы он брал по 2 руб. 50 коп. за фунт. Другие пимокаты – по 3 руб. (до 1961 г. булка белого хлеба стоила 20 коп., серого – 15 коп.) [12].

Шерсть делили на две равные части и приступали к закладке. Для этого требовалась палатка (ткань), которая должна быть больше будущего валенка. Обычно пимокат использовал одну палатку независимо от размера валенок. Закладка являлась самым ответственным моментом, от которого зависело качество изделия. Необходимо было точно определить размер будущего валенка и разложить шерсть равномерно «как потник, только маленько так носочек выделяешь, так голяшку». Тут многое зависит от шерсти: шерсть есть длинная – ее приходится побольше закладывать – она дальние катается» [12]. После этого палатку сворачивали и приступали к «сращиванию» шерсти по форме валенка. Делали это легкими вращательными движениями ладоней. Закладка занимала приблизительно 2,5 часа.

Затем заготовку помещали в водный раствор серной кислоты ($\frac{1}{2}$ – $\frac{1}{3}$ стакана кислоты на 1% ведра воды) и выдерживали не менее трех часов. Кислота способствовала более легкой «связке» шерсти, катать становилось легче и валенки получались плотнее, тверже. Без использования кислоты обычно катали чесанки. «Катать их потруднее – они меньше садятся. Но зато уж теплые» [12]. Кислоту приносил заказчик: «скажешь нужна кислота – несет» [12]. В Савиново кислоту брали на маслозаводе. «Там анализы какие-то брали с молока кислотой. Переработанной полстакана льешь, а чистую – работники давали – третью часть» [12].

Следующий этап пимокаты называют стиркой. Предварительно нагревают воду до кипящего состояния. Периодически помещая в кипяток, заготовку обминали руками до размера близкого к окончательному. Затем внутрь валенка вкладывали четырехгранный металлический прут и продолжали катать деревянным вальком. «И потом ее на подмин делаешь: где пятку поправляешь, где голяшку, где головку подкатываешь, запястья, пятки – вот это все катишь» [2]. При этом использовали рубель. «Чувствуешь как скользишь – тогда на колодку насаживаешь» [2]. Колодки делали сами пимокаты [фото 6]. Использовали преимущественно березу: «сосновые быстро лопаются. Раз намочи – посади в печь – там жарко – она лопнет» [12]. Для каждого размера предназначались свои колодки. Колодка состояла из нескольких деталей: носок, пятка, правило, передник, задник, один или несколько клиньев. Насаженные на колодку валенки ставили в натопленную русскую печь на 12–24 часа для просыхания. После чего валенки чистили немзой и опаливали на огне.

Сезон для изготовления валеной обуви начинался после осенней стрижки овец (середина – конец сентября) и длился «до весны, пока шерсть вся не кончится» [2]. В частной мастерской производственный процесс от начала до конца выполнял один мастер. В отдельных случаях, если работали вместе несколько человек, закладывал валенки наиболее опытный пимокат. В промартели существовало разделение труда. Приемщица принимала шерсть, взвешивала и вкладывала в мешки бирки с надписью размера валенок и фамилии заказчика. Все валенки в артели закладывал один мастер, другие пимокаты занимались стиркой валенок, сами топили печь. Один человек носил воду. По окончании сезона члены артели заготавливали дрова, косили сено для лошадей, пряли «веснину» (шерсть весенней стрижки), вязали носки.

Большое значение для крестьянского хозяйства имело кузнечное дело. Деревенские кузнецы занимались в первую очередь изготовлением сельскохозяйственного инвентаря

Фото 6. Колодки для
изготовления валенок.
Музей с. Плещево

для крестьянского хозяйства, а впоследствии и для колхозов. Кузнецы готовили серпы, косы, сошники, топоры, с приходом техники следили за ее исправностью. Изготовление и починка железных орудий труда, предметов утвари, скобяного товара также было делом кузнечиков. По переписи 1917 г., в исследуемых селах жили 24 кузнеца, 16 из них имели собственные кузницы (табл. 6). Кузничным мастерством владели в равной степени старожилы и переселенцы.

Самым массовым из добывающих промыслов крестьян было рыболовство (табл. 1). По воспоминаниям старожилов, рыбы в реках было много. Водился налим, чебак, пескарь, сорожка, окунь. Повсеместно крестьяне ловили рыбу для собственного употребления в пищу. Однако размеры рыбного промысла в Плещково, позволяют предположить, что он носил товарный характер. Близость озера Уткуль богатого различными сортами рыбы позволяла крестьянам добывать рыбу не только для своей семьи, но и на продажу. В XVIII в. озеро Уткуль находилось в совместном владении пяти бийских деревень и, по словам комаровцев, «во всех пяти деревнях между собой общее было у них согласие, чтоб на одном озере промышлять рыбу всякими мелкими ловушками... а неводами отнюдь не промышлять, чтоб оная рыба от малых ловушек в том озере на приплод оставалась». В 1772 г. жители Комарово подали в бийскую земскую избу коллективную жалобу на своих соседей из Шубенки, которые в озере Уткуль «промышляли большим неводом» и добывали до 60 возов «всякой белой рыбы». Крестьяне просили наказать нарушителей уговора и узаконить его условия. Нами не выявлены документы, свидетельствующие о наличии подобного договора в начале XX в. Кроме того, по переписи 1917 г., рыбным промыслом в Плещково занимались 25 жителей, в Буланихе — один. В материалах других сел района рыболовы не значатся [15, с. 9].

Охота для крестьян являлась подсобным занятием и не оказывала существенного влияния на материальное положение семьи. В зимнее время промышляли преимущественно лисиц, волков, белок, зайцев, реже медведя. В послевоенные годы «появился лось» [14]. Мясо лисиц и волков не употребляли в пищу, брали только шкуры животных. Из птиц охотились большей частью на дикую утку. Орудиями охоты служили капканы, ловушки, силки. Наличие ружья намного облегчало труд промысловика. Для зимней охоты использовали самодельные лыжи.

Благоприятные климатические условия Бийского Приобья способствовали широкому распространению пчеловодства. По воспоминаниям старожилов, пчеловодство являлось «привычным» занятием алтайских крестьян. По материалам переписи 1917 г., в Плещково пчеловодством занимались пять хозяйств, в Луговском — два, в Савиново — одно. Наибольшее развитие пчеловодство получило в Буланихе, где пасеки имели 34 крестьянских хозяйства, что составляет 34% от всех промысловиков (табл. 1). Большая часть пасечников являлись переселенцами из Рязанской, Воронежской губерний, а также из других районов Томской губернии. Пасеки располагались преимущественно на участках в одну десятину, арендованных у общины на денежных условиях. В целом же размеры арендуемой земли колебались от 0,3 до 2 десятин. Реже пасеки держали на усадьбе. По материалам переписи, все пчеловоды исследуемых сел занимались хлебопашеством и скотоводством. Разведение пчел не являлось для них основным источником дохода, но приносило существенную прибыль. Мед и воск продавали на ярмарке Бийска. Даже хозяйства, производившие мед для собственного потребления, воск почти весь продавали.

Занимались крестьяне сбором ягод, грибов и лекарственных трав. Собирали черный и белый груздь, подтопольники, свинушки, рыжики. Из ягод больше всего собирали клубнику. Грибы и ягоды заготавливали в больших количествах на зиму для себя и продавали на базаре в Бийске. Сбором ягод часто занимались дети. З.С. Старикова вспоминала: «В детстве собирали ягоды, а мама возила в Бийск на базар. Продавала и так на одежду себе зарабатывали» [21].

Литература и источники

1. Бетехина Т.Г. К вопросу об определении понятия «кустарные промыслы» // Этносы и этнические процессы. М., 1993.
2. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2002 г.: Зональный район. Соколово. Бобкова А.А., 1927 г.р. кассета № 46.
3. Бочанова Г.А. Влияние переселений на традиции в обрабатывающей промышленности Сибири конца XIX – начала XX в. // Трудовые традиции сибирского крестьянства конца XVIII–начала XX в. Новосибирск, 1982.
4. Материалы ИЭЭ 2002 г.: Зональный район. Комарово. Вилисов В.В., 1939 г.р., кассета № 46.
5. Там же. Комарово. Воробьева М.П., 1931 г.р., кассета № 46.
6. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах, 1994.
7. Материалы ИЭЭ 2002 г.: Зональный район. Новомихайловка. Демина М.Ф., 1929 г.р., кассета № 105.
8. «Доклад о деятельности районного исполнительного комитета З-му районному съезду Советов 23 марта 1925 г.» // За урожай, 3 июня 1993.
9. Материалы ИЭЭ 2002 г.: Зональный район. Новая Чемровка. Еремеев П.И., 1919 г.р., кассета № 2.
10. Там же. Соколово. Казенных Л.П., 1917 г.р., кассета № 41.
11. Там же. Коновалова Р. Ф., 1923 г.р., кассета № 57.
12. Там же. Савиново. Кузовлев И.Е., 1931 г.р., кассета № 47, 61.
13. Там же. Соколово. Макрушин М.В., 1930 г.р., кассета № 43.
14. Там же. Луговское. Марков В.Г., 1936 г.р., кассета № 22а.
15. Миненко Н.А. Община и трудовые традиции приписных крестьян Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX века // Трудовые традиции сибирского крестьянства конца XVIII – начала XX века. Новосибирск, 1982 с. 3–23.
16. Материалы ИЭЭ 2002 г.: Зональный район. Шубенка. Михалев А.П., 1923 г.р., кассета № 97.
17. Осадчий А.Н. Распространение пимокатного производства на Алтае во второй половине XIX века // Историческое краеведение: теория и практика. Барнаул, 1996. с. 180–182.
18. Материалы ИЭЭ 2002 г.: Зональный район. Соколово. Рыбникова А.С., 1909 г.р., кассета № 45.
19. Там же. Рыбникова А.С., 1909 г.р., кассета № 50.
20. Соловьев В.И., Горьковская З.П. Народное творчество в крестьянских промыслах пореформенной Сибири // Трудовые традиции сибирского крестьянства конца XVIII – начала XX века. Новосибирск, 1982 с. 143–152.
21. Материалы ИЭЭ 2002 г.: Зональный район. Савиново. Старикова З.С., 1917 г.р., кассета № 51.
22. Суртасев А. О том как было в Соколово // За урожай.
23. Материалы ИЭЭ 2002 г.: Зональный район. Соколово. Татарников П.И., 1918 г.р., кассета № 58.
24. Там же. Терентьева Е.П., 1915 г.р., кассета № 48.
25. Там же. Хализова В.А., 1922 г.р., кассета № 58.
26. ЦХАФ АК Ф. 233. Оп. 1а. Д. 854.
27. Там же. Д. 115, 441.
28. Там же. Д. 107, 440.
29. Там же. Д. 441.
30. Там же. Ф. 192. Оп. 1. Д. 37
31. Там же. Д. 37. Л. 33, 56. Д. 75. Л. 235
32. Там же. Д. 10. Л. 8, 22.
33. Там же. Д. 31, 109, 440.
34. Там же. Ф. 233. Оп. 1а. Д. 108, 109, 854, 846.
35. Там же. Д. 437, 114, 116, 105, 109.

Таблица 1

Виды промысловых занятий в селах современного Зонального района
(по данным сельскохозяйственной переписи 1917 г.)

Вид промысла	Буланха	Плещиково	Луговское	Шубенка	Соколово	Комарово	Савиново	Всего
Пасечник	34	5	2	-	-	-	1	42
Рыболов	1	25	-	-	-	-	-	26
Кожевенник	1	-	-	-	-	1	-	2
Сапожник	7	6	1	1	1	-	1	18
Чеботарь	2	-	-	-	-	-	-	2
Шорник	3	1	1	1	-	-	-	6
Шерстобитка	-	1	-	-	-	-	-	1
Пимокат	4	3	1	-	1	-	1	10
Портной	6	6	-	-	-	-	-	12
Плотник	19	13	5	6	1	5	6	56
Нильщик	2	1	1	-	-	-	-	4
Колесник	1	-	-	-	-	1	-	2
Столяр	3	3	-	-	1	1	-	8
Боидарь	-	1	-	-	-	1	-	2
Гребенищик	-	-	-	1	-	-	-	1
Дегтягон	-	-	-	-	-	1	-	1
Штукатур	1	1	-	-	-	-	-	2
Маляр	1	-	-	-	-	-	-	1
Печник	-	1	-	-	-	-	-	1
Слесарь	1	1	-	-	-	-	-	2
Кузнец	7	2	6	2	2	2	3	24
Маслобойня	1	1	-	-	-	-	-	2
Мельник	4	-	3	2	-	-	-	9
Крупорушка	2	-	-	-	-	-	-	2
Коноп. дом.	-	-	1	-	-	-	-	1
Веревк. мот.	1	-	-	-	-	-	-	1
Отхожий промысел	-	-	-	1	-	-	-	1
Ямщик	1	-	-	-	2	1	-	4

Таблица 2

Промышленные заведения 1894–1917 гг. в селах современного
Зонального района. Мукомольные мельницы

Ф.И.О. владельца	Сословие	Наименование и характеристика заведения	Месторасположение	Год, на который имеются сведения
1	2	3	4	5
Дьяконов Илья Прохорович	мещанин г. Бийска	мукомольная мельница и рушалка просияная, 4 постава (постав – пара жерновов)	с. Шубенское	1894– 1895 гг.
Волынкин Васи- лий Андреевич	крестьянин	мукомольная мельница и при ней сукноваль- ния, 3 постава	вдали от с. Шубенского	1894– 1895 гг.

1	2	3	4	5
Кузенский Григорий Иванович		мукомольная мельница, 4 постава, при ней на одной плотине рушилка просаяная (2 колеса, 1 постав), сукновальня (1 колесо), толчечя для выделки кудели (1 колесо)	дер. Шубенская	1894–1895 гг.
Кузенский Иван Григорьевич		мукомольная мельница, 3 постава, крупорушка о 6 ступах	в 7 верстах от с. Шубенского вверх по течению реки Шубенки	1900 г.
		мукомольная мельница, 3 постава, крупорушка о 5 ступах	вверх по течению реки Чемровки в $\frac{1}{2}$ верстах от с. Шубенского	1900 г.
Безпалов Ефим Никитич	крестьянин	мукомольная мельница, 1 постав	в 5 верстах от с. Шубенского вверх по течению реки Шубенки	1900 г.
Юрьев Афанасий Васильевич	мещанин г. Барнаула	мукомольная мельница, 1 постав	в 8 верстах от с. Шубенского по течению реки Шубенки	1900 г.
Куксин Максим Аверьянович	крестьянин	мукомольная мельница, 4 постава	дер. Шубенская	1894–1895 гг.
		мукомольная мельница, 3 постава, крупорушка о 5 ступах	на краю с. Шубенского вверх по течению реки Шубенки	1900 г.
Казанцев Алексей Иванович	крестьянин с. Луговского	мукомольная мельница, 3 постава	при с. Шубенском, в 10 верстах вверх по течению реки Шубенки	1900 г.
		мукомольная мельница, 1 постав	при с. Шубенском, в 9 верстах вверх по течению реки Шубенки	1900 г.
		мукомольная мельница, 1 постав	на реке Шубенке на краю с. Луговского	1900 г.
Лебедев Петр Иванович	мещанин г. Бийска	мукомольная мельница и при ней рушилка просаяная, 4 постава	вдали от с. Шубенского	1894–1895 гг.
		мукомольная мельница, 2 постава	с. Чемровка	1894–1895 гг.
Катасонов Алексей Семенович	отставной солдат	мукомольная мельница, 2 постава	с. Савиновское	1894–1895 гг.
Косьмынин Кузьма Селиверстович		мукомольная мельница, 6 поставов, круподерка, рушилка просаяная	с. Савиновское	1894–1895 гг.
		мукомольная мельница, 3 постава, крупорушка о 8 ступах	в 2 верстах от с. Савиновского вверх по течению реки Чемровки	1900 г.

1	2	3	4	5
Масленников Данила Яковлевич	крестьянин	мукомольная мельни- ца, 2 постава	на реке Иткуль в с. Соколовском	1894– 1895 гг., 1900 г.
Вилисов Семен Егорович	крестьянин	мукомольная мельни- ца, 3 постава	на реке Иткуль в дер. Комаровой	1894– 1895 гг.
		мукомольная мельни- ца, 2 постава	на реке Иткуль в дер. Комаровой	1900 г.
Вилисов Петр Павлович	крестьянин	мукомольная мельни- ца, 2 постава	от дер. Комаровой в 2 верстах вверх по течению реки Ит- куль	1900 г.
Толмачев Евдо- ким Иванович	крестьянин с. Ново- чемровско- го	мукомольная мельни- ца, 2 постава	от дер. Комаровой в 8 верстах вверх по течению реки Ит- куль	1900 г.
Колпаков Иван Леонтьевич	крестьянин с. Ново- чемровско- го	мукомольная мельни- ца, 2 постава	от дер. Комаровой в 10 верстах по тече- нию реки Иткуль	1900 г.
Савинов Григо- рий Федорович	крестьянин с. Ново- чемровско- го	мукомольная мельни- ца, 2 постава, сукно- вальня	от дер. Комаровой в 12 верстах вверх по течению реки Ит- куль	1900 г.
Карманов Петр Павлович	крестьянин	мукомольная мельни- ца, 2 постава	с. Новочемровское	1894– 1895 гг.
Чепров Проко- пий Никонович	крестьянин с. Старо- чемровско- го	мукомольная мельни- ца, 1 постав	на краю с. Новочемровского вверх по течению реки Чемровки	1900 г.
Пальчиков Ва- силий Моисеев- ич	крестьянин	мукомольная мельни- ца, 5 поставов	с. Новочемровское	1894 г.
		мукомольная мельни- ца, 3 постава, крупо- рушка о 6 ступах, сук- новальня	в 2 верстах от с. Новочемровского вниз по течению ре- ки Чемровки	1900 г.
Сафонов Мак- сим Яковлевич	мещанин г. Бийска	мукомольная мельни- ца, 4 постава	с. Новочемровское	1894 г.
Первов Севасть- ян Иванович	крестьянин			
Сафонов Мак- сим Яковлевич	мещанин г. Бийска	мукомольная мельни- ца, 4 постава	в 7 верстах от с. Новочемровского вниз по течению реки Чемровки	1900 г.
Ра(о)зинкин Кузьма Тарасович	крестьянин	мукомольная мельни- ца, 2 постава	с. Новочемровское	1894– 1895 гг.
Розинкин Влас Кузьмич	крестьянин	мукомольная мельни- ца, 2 постава	в 9 верстах от с. Новочемровки вниз по течению ре- ки Чемровки	1900 г.
Казанцев Алек- сей Михайлович и К°	крестьянин	мукомольная мельни- ца, 2 постава	в 3 верстах от с. Луговского вверх по течению реки Шубенки	1900 г.

1	2	3	4	5
Тряпичкин Павел Антонович	крестьянин	мукомольная мельница, 2 постава	с. Луговское	1894–1895 гг.
Казанцев Егор Иванович и К*	крестьянин	мукомольная мельница, 2 постава	в ½ верстах от с. Луговского по течению реки Шубенки	1900 г.
Казанцев Николай Дмитриевич	крестьянин	мукомольная мельница, 2 постава	в 5 верстах от с. Луговского по течению реки Шубенки	1900 г.
Казанцев Егор Петрович	крестьянин	мукомольная мельница	с. Луговское	1917 г.
Шабалин	крестьянин	мукомольная мельница, 2 постава	в 7 верстах от с. Луговского	1900 г.
Шабалин Филимон Михайлович	крестьянин	мукомольная мельница	с. Луговское	1917 г.
Марченко Василий Денисович		мукомольная мельница	с. Буланихинское	1899 г.
Савилов Семен Иванович		мукомольная мельница	с. Буланихинское	1899 г.
Гущин Тимофей Яковлевич		мукомольная мельница	с. Буланихинское	1899 г.
Борисов Родион Иванович		мукомольная мельница	с. Буланихинское	1899 г.
Иванов Антон Максимович		мукомольная мельница	с. Буланихинское	1899 г.
Поляков Антон Павлович		мукомольная мельница	с. Буланихинское	1899 г.
Сибирцев Аверьян Петрович		мукомольная мельница	с. Буланихинское	1899 г.
Поспелов Егор Павлович		мукомольная мельница	с. Буланихинское	1899 г.
Ананьев Михаил Никитич	крестьянин	мукомольная мельница	с. Буланиха	1917 г.
Перехожев Еким Дмитриевич	крестьянин	мукомольная мельница	с. Буланиха	1917 г.

Составлено: ЦХАФ АК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 10, 12, 31, 37, 75. Ф. 233. Оп. 1а. Д. 107, 108, 847, 848.

Крупорушки

Таблица 3

Ф.И.О. владельца	Сословие	Наименование и характеристика заведения	Месторасположение	Год, на который имеются сведения
1	2	3	4	5
Гущин Тимофей Яковлевич	крестьянин	крупорушка	с. Буланихинское	1899 г., 1917 г.
Марченко Александр Васильевич	крестьянин	крупорушка	с. Буланихинское	1917 г.

1	2	3	4	5
Янов Матвей Данилович		круподерка	с. Плешковское	1899 г.
Бутров Степан Петрович		круподерка	с. Плешковское	1899 г.
Дудин Петр Федорович	крестьянин	рушалка гречушная, 1 пресс, 3 лошади	с. Новочемровское	1894– 1895 гг.
Савриков Тимо- фей Григорьевич	крестьянин	рушалка гречушная, 1 постав, 3 лошади	с. Новочемровское	1894– 1895 гг.
Савриков Петр Григорьевич	крестьянин	рушалка гречушная, 1 постав, 3 лошади	с. Новочемровское	1894– 1895 гг.

Составлено: ЦХАФ АК Ф. 192. Оп. 1. Д. 10, 31. Ф. 233. Оп. 1а. Д. 105, 107.

Таблица 4
Маслобойные заводы

Ф.И.О. владельца	Сословие	Наименование и характеристика заведения	Местонахождения	Год, на который имеются сведения
				1
Воронин Егор Васильевич	крестьянин	маслобойный завод, 1 пресс, 1 лошадь, завод бездействует	с. Новочемровское	1894– 1895 гг.
Галкин Алексей Васильевич	крестьянин	маслобойный завод, 1 пресс, 1 лошадь	с. Новочемровское	1894– 1895 гг.
Мигульских Тимофей Наза- рович	крестьянин	маслобойный завод, 1 пресс, 1 лошадь, оборо- тот 15 руб.	с. Новочемровское	1894– 1895 гг.
Паршин Захар Васильевич	крестьянин	маслобойный завод, 1 пресс, 1 лошадь, оборо- тот 15 руб.	с. Новочемровское	1894– 1895 гг.
Савилов Афана- сий Федорович	крестьянин	маслобойный завод, 2 пресса, 2 лошади, оборо- тот 15 руб.	с. Новочемровское	1894– 1895 гг.
Савриков Петр Григорьевич, Савриков Хари- тон Григорьевич	крестьянин	маслобойный завод, 1 пресс, 1 лошадь, оборо- тот 5 руб.	с. Новочемровское	1894– 1895 гг.
Борисов Родион Иванович		маслобойня	с. Буланихинское	1899 г.
Волков Степан Яковлевич		маслобойня	с. Буланихинское	1899 г.
Голядкин Антон Матвеевич		маслобойня	с. Буланихинское	1899 г.
Поджилов Васи- лий Павлович		маслобойня	с. Буланихинское	1899 г.
Поджилов Павел Семенович		маслобойня	с. Буланихинское	1899 г.
Поджилов Алек- сей Павлович	крестьянин	маслобойня	с. Буланихинское	1917 г.
Серунов Матвей Иванович		маслобойня	с. Буланихинское	1899 г.
Чесноков Иван Карпович		маслобойня	с. Буланихинское	1899 г.

1	2	3	4	5
Иванов Осип Васильевич		маслобойня	с. Плешковское	1899 г.
Мещеряков Михаил Степанович		маслобойня	с. Плешковское	1899 г.
Фролов Василий Антонович		маслобойня	с. Плешковское	1899 г.
Фролов Иван Антонович	крестьянин	маслобойня	с. Плешковское	1917 г.
Доброходов Федор Федорович	купец г. Бийска	маслодельный завод, за год переработано 4000 пудов молока, выделано масла 200 пудов. Скупка молока по цене 30 коп. за пуд. Сбыт масла в фирму «Эсмань» г. Бийск по цене 10 руб. за пуд.	Шубенская волость	1901 г.

Составлено: ЦХАФ АК Ф. 192. Оп. 1. Д. 10, 31, 71. Ф. 233. Оп. 1а. Д. 108, 116.

Таблица 5
Заводы и мастерские

Ф.И.О. владельца	Сословие	Наименование и характеристика заведения	Месторасположение	Год, на который имеются сведения
				1
Костенков Семен Павлович		кожевенный завод	с. Плешковское	1899 г.
Шубин Николай Григорьевич		кожевенный завод	с. Буланиха	1917 г.
Пальчиков Василий Моисеевич Лебедев Петр Иванович	крестьянин мещанин г. Бийска	сукновальня и толчея для выделки кудели, 2 колеса, 2 постава	с. Новочемровское	1894– 1895 гг.
Лядов Семен Андреянович	мещанин г. Бийска	мастерская шорная и сапожная	с. Соколовское	1894– 1895 гг.
Животягин Николай Иванович	крестьянин	пимокатная мастерская	с. Буланиха	1917 г.
Ширяев Николай Иванович	крестьянин	пимокатная мастерская	с. Буланиха	1917 г.
Лашагин Степан Иванович		паточный завод	с. Савиново	1917 г.
Сафонов Федор Степанович	крестьянин	дегтягонный завод	с. Комарова	1917 г.
Савилов Платон Степанович	крестьянин	столярная мастерская	с. Буланиха	1917 г.
Сырецких Тихон Никитич	крестьянин	столярная мастерская	с. Буланиха	1917 г.
Казанцев Иван Прокопьевич	крестьянин	столярная мастерская	с. Луговское	1917 г.
Солонин Мартемьян Семенович	крестьянин	токарная мастерская	с. Буланиха	1917 г.

1	2	3	4	5
Клинников Федот Аносович	крестьянин	токарная мастерская	с. Буланиха	1917 г.

Составлено: ЦХАФ АК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 10, 31. Ф. 233. Оп. 1а. Д. 105, 107, 108, 109, 433, 440, 846.

Таблица 6
Кузницы

Ф.И.О. владельца	Сословие	Месторасположение	Год, на который имеются сведения
Агеев Алексей Тимофеевич		с. Буланихинское	1899 г., 1917 г.
Ананьев Михаил Архипович		с. Буланихинское	1899 г.
Ананьев Михаил Никитич	крестьянин	с. Буланиха	1917 г.
Колобаев Василий Максимович	крестьянин	с. Буланиха	1917 г.
Решетов Дорофей Леонтьевич	крестьянин	с. Буланиха	1917 г.
Худяков Дмитрий Паладьевич	крестьянин	с. Буланиха	1917 г.
Гречелецкий Михаил Иванович	мещанин	с. Плещковское	1917 г.
Шадрин Ванифантий Яковлевич	крестьянин	с. Плещковское	1917 г.
Акимов Николай Христофорович	крестьянин	с. Шубенка	1917 г.
Слабодчиков Василий Евгеньевич	крестьянин	с. Шубенка	1917 г.
Воркин Яков Александрович	крестьянин	с. Луговское	1917 г.
Казанцев Григорий	крестьянин	с. Луговское	1917 г.
Казанин Иван Филиппович	крестьянин	с. Луговское	1917 г.
Кабанов Федор Иванович	крестьянин	с. Луговское	1917 г.
Марков Василий Федорович	крестьянин	с. Луговское	1917 г.
Шебалин Аверьян Михайлович	крестьянин	с. Луговское	1917 г.
Кузьмин Кирилл Степанович	крестьянин	с. Соколово	1917 г.

Составлено: Ф. 192. Оп. 1. Д. 31. Ф. 233. Оп. 1а. 104, 107–109, 114, 116, 846–848, 851, 854.

Т.К. Щеглова, А.А. Голяшова, Е.В. Пивоварова, Л.Н. Высоцкая

СЕМЬЯ И СЕМЕЙНАЯ ОБРЯДНОСТЬ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА ТЕРРИТОРИИ БИЙСКОГО ПРИОБЬЯ В 1910–1930-е ГОДЫ

Семья

Семья в традиционном патриархальном обществе выполняла большее назначение, чем в современном. Это был трудовой производственный коллектив, который обеспечивал жизнедеятельность всего крестьянского общества и существование всех поколенных групп. Поэтому основой создания семьи являлись физические качества избранника и избранницы и оценка трудовой биографии семьи. Отсюда ведущая роль старших при выборе родственников и в организации внутрисемейного климата.

Состав и формы семьи в начале XX в. на территории Бийского Приобья определяли производственные необходимости. В условиях господства ручного труда, отсутствия механизации труда преобладали неразделенные и малые семьи при сохранении значения больших патриархальных семей. Малая семья состояла из супружеской пары с детьми или без детей, или одного из родителей со своими детьми, не состоящими в браке. Большая патриархальная семья включала не менее двух малых (поколенных) семей. Так как счет поколений велся по мужской линии, то в каждую из названных

малых семей должны были входить отцы и сыновья [6, с. 226–235; 7, с. 16–18]. Условием бесперебойного функционирования семейного трудового коллектива являлось прежде всего оптимальное половозрастное соотношение (мужчин и женщин, поколения дедов, родителей и внуков). Достаточное количество мужчин являлось гарантией производственных успехов традиционных занятий крестьян – земледелия, скотоводства и промыслов; женщин – содержание домашнего хозяйства, обеспечения условий жизни главной рабочей силы и воспроизводство новой. Наличие старших членов семьи позволяло равномерно распределить труд, т.к. они брали на себя воспитание и заботу о потомстве, освобождая трудоспособных членов коллектива; для детей важным являлось постепенное включение их в трудовую жизнь семьи, что обеспечивало процесс трудового воспитания и подготовку к самостоятельной жизни.

Примером такой семьи являлась семья А.З. Михалевой, состоящая из 15 человек. В 1922 г. отец Анны Захаровны умер от холеры, и осталось 7 детей. Позднее мать вновь вышла замуж за вдовца, у которого было 4 детей. В этом браке родилось еще двое детей. Мать всего родила восемнадцать, но выжило только семеро (четыре сына и три дочери). Последнего ребенка мать родила в пятьдесят два года. Большой детский коллектив быстро включался в хозяйственную жизнь семьи. И.М. Седых рассказывала про свою семью: «В нашей семье четыре брата все вместе жили (Ново-Михайловка), и вот у нас две сношеницы померли, и брат матери помер и сестра померла во время холеры; младшей сестре было 1,5 года, а мне было 3 года, мама умерла в Чемровке от холеры, а я эту маленькую таскала, водилась».

В больших патриархальных семьях рост трудового коллектива происходил за счет брачных связей: после свадьбы жених приводил молодую жену в дом родителей. Но в 1920-е гг., благодаря борьбе государства с монополией многодворной общины (Новая экономическая политика – НЭП), крестьяне получили возможность переселяться в места обработки пашни, распашки целины. Эти меры новой власти создавали условия для разделения семей. Встав на ноги в родительском доме, сыновья, за исключением младшего, отделялись чаще после рождения ребенка или после трех-пяти лет жизни в семье родителей. При широко развитом движении крестьян из старых деревень (одно крупное село в годы НЭП создавало от 2 до 8 выселков), молодые семьи по взаимному согласию уезжали на заимки, к ним присоединялись такие же молодые семьи односельчан и образовывался новый населенный пункт – выселок. Старые оставались в обжитых домах. По словам Е.И. Вдовиной, какой сын решил отделиться, запрягал коней в зиму и возил лес из бора (за Соколово). Там он подбирал какой надо лес на дом и наваживал его. Лес пролежит зиму, а весной начинают рубить сруб. Найдут место, где поровней и ставят там сруб. Фундамент не делали, а клади на чурки. Плотников подряжали, кто за работу даст пимы, кто шубу, а кто и мукой или мясом. При отделении отец давал сыну корову, коня». С родителями обычно оставался самый младший сын, поэтому семьи оставались неразделенными вплоть до смерти исходной супружеской пары. Существовали свои традиции именования старших членов семьи. Родителей называли «маменька» (мама), «тятенька» (папа), родителей мужа также, брата – «братка», старшую сестру – «няня», так как она была обязана смотреть за маленькими детьми (С.М. Михалева). В Луговском свекровок называли «мамашами», а сестер – «няньками», отца – «тяткой».

Вся жизнь, права и обязанности членов семьи были регламентированы, и за их выполнением следил глава семьи. Е.И. Вдовина рассказывала, что всеми работами командовал дед, а бабка раздавала работу бабам, также она решала, что в этот день снохи будут варить. По дому командовала старшая в доме женщина, в поле – мужчина. И.М. Седых говорила про свекра, что «он узнавал, когда сеять, его привозили и он говорил можно сеять или нет. Он прикладывал ухо к земле». Он же, по ее словам, командовал не только в семье, но и в гулянке, потому что в семьях культивировался мужской авторитет и равно этому ответственность. С.М. Михалева рассказывала, что работу между снохами распределял дед, он был в семье самым старшим и самым главным. Интересным является рассказ И.М. Седых: «У сестры свадьба была, и они не позвали братьев своих. Брат один тут, а других братьев нет. А отец спрашивает у сына-жениха:

«А где Илья и Николай?» «А мы их не позвали, много шибко народу» Тогда и я ухожу» Вылез и ушел, и все вылезли и ушли. Потом съездил на коне и привез обоих братьев» [3].

В традиционных крестьянских семьях существовало половозрастное разделение труда. По словам А.Я. Егоркиной, снохи пекли хлеб по очереди: неделю одна, неделю другая, одна печет, другая «чистотелит». Старшая сноха в семье всегда была главной над младшими и могла ими командовать. Например, по словам Е.М. Шатохиной, нельзя было прядь лен по воскресеньям, так как это был праздник, его пряли, когда было время, в основном по вечерам. Снох было много, и они часто ссорились из-за детей, но дед был строгий и они быстро мирились. В целом взрослые женщины выполняли свою работу по неделям, в их обязанности входило уборка в доме и стирка, выпечка хлеба, приготовление еды, воспитание детей. В зимнее время пряли, ткали, вышивали, вязали, в летнее время работали в поле. В последнем случае домашняя работа переходила на стариков. Наиболее полную характеристику распределению обязанностей между снохами в большой патриархальной семье дала И.М. Седых: «Хлеб пекли через день, а то и каждый день; снохи были, одна «стряпка» — отвечает за хлеб, другая «подстрипка» помогает ей, две они дежурят неделю, следующую неделю — вторые, которые не пекли зиму — пряли, весной — ткали, а летом косили и «крючьями» (литовка-горбатка) убирали».

Снохи работали не только по дому, но и на пашне. В поле они косили серпом пшеницу, вязали снопы. Совсем маленьких (грудных) детей брали в поле. На пашне ставили балаган (избушку из соломы или из дерева) и вешали там «зыбку» (колыбель). Детей постарше воспитывала старая бабушка или старшая сестра. Но все же основные воспитательные функции выполняли старшие женщины (бабушки, матери, снохи). Отстранение мужчин от повседневной опеки и воспитания было связано с большой нагрузкой по хозяйству (пахота, сев, уборка, сенокос и т.д.) и двору (уход за скотом, заготовка дров, строительство и т.п.). Однако именно мужчины определяли направления воспитания. К ним апеллировали в случае каких-то возникших важных проблем женщины-воспитательницы. А.П. Михалев рассказывал, что в их семье старшей была мать, так как отца часто не было дома. Но наказывал всегда отец, несильно, но приучал к порядку. Кроме того, по мере взросления сыновей, включал их в производственные процессы. Отец учил мальчиков ходить за скотиной, косить сено, сгребать в конна и т.д.

Трудовой ритм семьи, распределение трудовых повинностей и вместе с тем кол-лективистский характер семейного труда определяли и традиции питания, которое рассматривалось не как гурманство (православная традиция осуждала чревоугодие и порицала наслаждение пищей), а как поддержание трудоспособности. В больших патриархальных семьях, по словам И.М. Седых, «сперва кормили мужиков, потом детей, потом уже бабы». В неразделенных семьях за стол садились все вместе, человек по десять. Посередине стояла одна чашка и все из нее хлебали. Первым начинал есть дед, «остальные не ели пока, он не нахлебается», в других семьях он только подавал сигнал, а начинали есть все вместе. Как только дед стукнет ложкой по чашке, так можно мясо брать» (А.З. Михалева). В Луговском также ели всегда все вместе из одной чашки,

Ткацкий станок. Музей с. Луговское

которую называли «казан» [4], а главной пищей являлись хлеб и картофель. А.Я. Зырянова рассказывала, что посуды почти не было, «ели прямо со стола, мать высыпет на стол картошку, вот и вся посуда или тыкву испарит и оттуда ели. Стол стоял возле окна, сидели на лавках: одна сквозная, широкая и приставные скамейки. Дедушка садился в передний угол». Старые люди помнят, что «за столом нельзя говорить, класть руки на стол, а то дед ложкой саданет» [3]. По словам С.М. Михалевой, «красный угол» находился в правом углу перед столом. Полати были над дверью, мама с папой спали в горнице на кровати, дед с бабкой на кухне на кровати. Ели же только в избе, за столом, по единой команде. Стол от трапезы до трапезы стоял чистый и «таскать куски хлеба морды не было». Дети терпеливо ждали команды «Обед готов, за стол!», которую подавали готовившие его мать или сноха.

Существовали определенные правила трапезы, которые отражали народную гигиену и сакральные представления. Хлеб для русских крестьян с времени восточнославянской культуры являлся священным продуктом. Так, в Луговском говорили, что самым большим грехом было уронить и растоптать хлеб. Наказания были самые суровые. Для женихавшихся – запрещение посещать вечерки, а для детей – физические наказания. Запрещалось грязным садиться за стол, за это можно было получить ложкой по лбу.

Печь в избе Волкова А.А.,
с. Шубенка, 2002 г.

по свежему пару распаривали натруженные мышцы, проводя своеобразный тепловой массаж веником.

В крестьянском рабочем календаре были определяющие материальную жизнь семьи совместные трудовые десанты, когда «день год кормит». Это посевная, уборка и сенокос. Работали всей семьей. Производственной необходимостью являлось то, что беременная женщина работала до самых родов. Детей крестили через одну неделю после рождения. Имена давали по церковному календарю, поэтому в семьях были дети с одинаковыми именами, например, два Ивана – младший и старший, две Акулины и т.д. Желанность мужчин в коллективе закрепляли общинные традиции наделения крестьян землей не по едокам, а по мужским душам. Поэтому рождение сына в традиционном

За чистотой в избе и горнице следили снохи. Обычно они убирали еженощельно по субботам, а генеральную уборку со скоблением досок и бревен стен и потолка – перед всеми великими православными праздниками. Пол чистили песком: мочили песок, ссыпали и шоркали голиком. Рабочей зоной являлась изба с печью, в ней пряли шерсть, стирали, ткали, варили и т.д., а в горнице не ходили, там всегда должно быть чисто. Белье в Шубенке стирали дровянной золой в избе: замачивали ее горячей водой и стирали в корыте. Гладили скаклой и рубелем, позже железными утюгами (один стоял на печи, другим гладили). Одежду хранили в ящиках. Каждую субботу именно женщины (снохи) готовили баню, после чего стирали все белье. Бани в Бийском Приобье в этот периодтопили в основном по-черному, у каждой семьи была своя. Так же как и в остальных совместных действиях семейного производственно-го коллектива первыми шли мыться мужики, как главная рабочая сила, затем женщины, а уж последними шли старики и дети. В этом был и определенный здравый смысл. К последнему заходу баня остыла и детей можно было мыть, а при первом заходе мужчины натруженные мышцы, проводя своеобразный

крестьянском обществе означало выделения семье дополнительного надела. Рождение же дочерей означало появление «лишнего рта» в семье. Кроме того, она изначально воспринималась как временный член семьи, которого растили, кормили, обучали женскому мастерству и как только она достигала физического расцвета, отдавали в чужую семью. Отсюда заранее закладывалось неравенство в народном представлении. А.Я. Егоркина рассказывала, что ее называли Акулиной, потому что у матери родились подряд семь девочек, а в народе говорили, что как назовешь девочку Акулиной, следующим должен родиться мальчик. И действительно следующим ребенком был мальчик. Однако, рождение одних мальчиков также нарушило трудовой баланс в семье, в таком случае рождение дочери также являлось радостным событием, или приходилось обмениваться на время малолетними (чаще в подростковом возрасте) детьми, которые жили в чужих семьях на равных правах.

Свадебная обрядность

Семья являлась не только трудовой ячейкой крестьянского общества, но и социальной общностью, хранящей и воспроизводящей духовные ценности традиционной русской культуры. В алтайской деревне функционировал изустный межпоколенный способ передачи духовной культуры через обрядовые действия, которыми сопровождались все жизненно важные события – рождение и крещение ребенка, свадьба, похороны. Началом жизненного цикла являлось появление на свет малыша, но залогом его счастливой жизни являлось правильное и разумное формирование молодой семьи. Решение этой задачи в основном было в руках родителей, включая подбор партнеров образующейся семьи и проведение свадьбы. Издавна свадьба считается одним из важнейших событий в жизни, поэтому память старожилов Зонального района хранит эти воспоминания, как одни из самых дорогих. Свадьба жестко регламентировалась знающими людьми деревни, которые являлись ее «режиссерами и дирижерами» (сваха, священник, дружка). В их роли обычно выступали одни и те же лица, хорошо знающие «народный сценарий». Выполнение обрядов и ритуалов было обязательным, т.к., в представлениях крестьян, от этого зависела не только дальнейшая семейная жизнь молодоженов, но и будущее их детей.

Территория Алтайского края заселялась, как известно, около двух веков. В ее освоении участвовало множество миграционных потоков. Каждая региональная группа колонистов привозила с материнской родины своеобразие обрядов, но сохраняла сходство с общерусскими, по своим корням восточнославянскими, свадебными традициями. В то же время в результате смешения, взаимодействия под Бийском сложились свои локальные варианты свадебно-обрядовых традиций. В этнографической практике обычно принято делить все разновидности обрядовых действий и фольклорных жанров на три группы – старожильческий вариант свадьбы, переселенческий, смешанный, внутри этих групп существовало множество самостоятельных вариантов. Например, в старожильческой, в соответствии с этикологическими и этноконфессиональными (этнорелигиозными) особенностями различают свадьбы казаков, староверов-австрийцев, староверов-беспоповцев и т.д. В данной статье ставятся задачи выделить общие свадебные традиции всех населенных пунктов Бийского Приобья и на основе сопоставления определить особенности локальной версии.

В соответствии с общерусским фольклорно-этнографическим свадебным «сценарием», исполнение которого являлось залогом успешности молодой семьи (все обряды по своему назначению имели ритуальный характер), в этнографии принято выделять три этапа свадьбы: довенчальный или досвадебный (иногда в нем выделяют два самостоятельных этапа – досвадебный и предсвадебный), венчальный или собственно свадьба и послесвадебный этап. Внутри каждого этапа выделяются последовательно сменяющиеся периоды церемоний. В частности, Л.А. Явнова на довенчальном этапе выделяет период предбрачногоговора сторон, который включал следующие ступени: сватовство, смотрины невесты, осмотр дома имущества жениха, обручение или помолвка; период подготовки к свадьбе со ступенями шитья приданого, подготовка даров для родственников жениха, приезд жениха к невесте с подарками; период кануна

или преддверие свадьбы включая прощание невесты с девичеством в кругу подруг, бани невесты и последний предбрачный вечер у жениха [7, с. 24–25]. Свадебный этап включал приезд жениха со свадебным поездом за невестой, сведение молодых вместе, венчание (окручивание), свадебный пир в доме жениха, первую брачную ночь. На третьем послесвадебном этапе происходило мытье молодых в бане, взаимные визиты родственников, можно отдельно выделить подъем молодых и проверку молодой по хозяйству. Так же необходимо отметить, что каждая свадьба сочетала в себе действия, требуемые православной церковью, и, собственно, народные традиции, содержание и форма последних зависело от этнографической принадлежности ее носителей. В.А. Липинская отмечает, что свадьба имела две части – «существенно народную свадьбу, своими корнями уходившую в далекое прошлое, и церковный обряд венчания, усиленно насаждавшийся властями со временем принятия христианства» [6, с. 198].

Все обследованные села Зонального района относятся к поселению смешанного типа (по этнографическому составу принято делить села на старожильческие, поздно-поселенческие и смешанные). Зафиксированные локальные варианты свадьбы относятся к 1920–1930-м годам. Этнографы отмечают, что к этому времени свадебная обрядность упростилась, были утеряны некоторые традиционные черты. Вместе с тем собранный материал позволяет на основе воспоминаний старейших жителей Зонального района реконструировать локальную традицию.

На территории Зонального района зафиксировано два вида свадьбы: 1. Свадьба с согласия родителей и обоюдного согласия брачующих. Ее подробному описанию посвящена данная статья. 2. Свадьба «убегом». Позиции второго вида усилились в 1920–1930-е гг. Старожилы говорили в Луговском «широко были распространены свадьбы убегом», т.к. шли обычно не по любви и согласию замуж, «поживут, потом ходили на «простины» (просили прощение у родителей и обычно получали его и жизнь шла своим чередом), а то и вовсе не ходили». (Т.Н. Вавилова). Этнографы рассматривают ее как своеобразный протест против монополии родителей на решение брачных вопросов. В Зональном районе свадьба «убегом» не отличается от других территорий: сковор молодых, побег, обязательные простины и следующее за ним прощение (сразу или после долгого и демонстративного раскаивания). Третьего вида, «сводных браков», в Зональном районе не зафиксировано. Одной из причин являлось отсутствие этноконфессиональных групп староверов-беспоповцев, не признающих власть православной церкви.

Довенчальный период

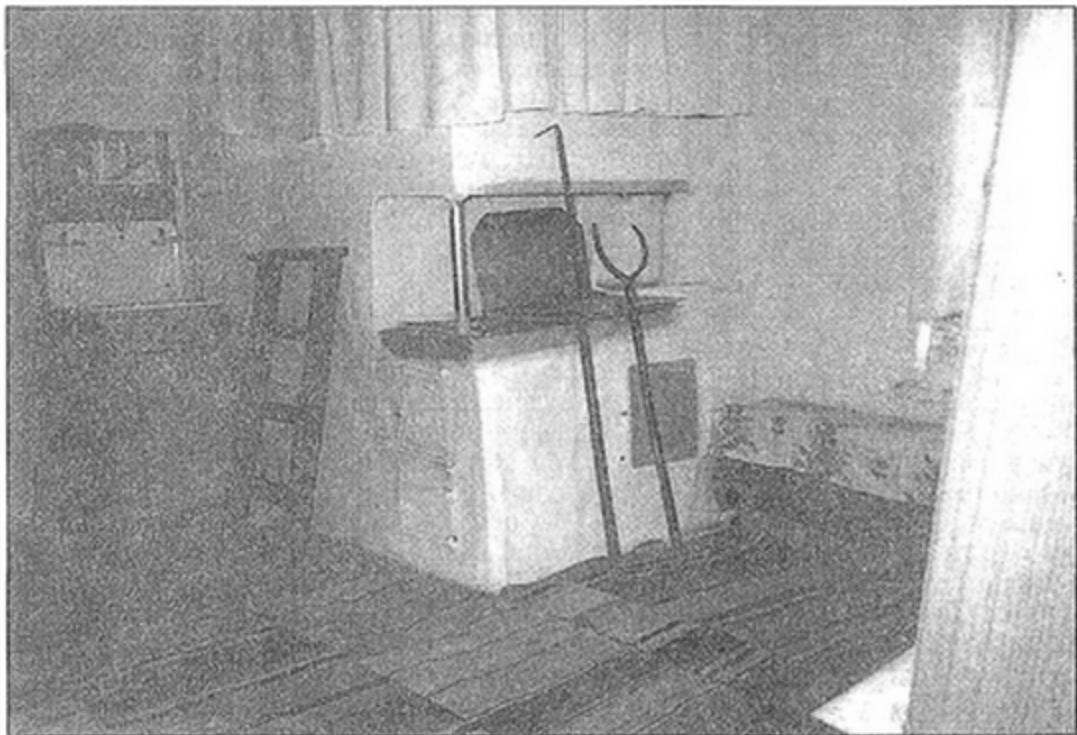
Подготовка к свадьбе начиналась с подбора невесты и жениха. В Зональном районе в этом участвовали обе стороны – старшие и молодые. В Соколово, Комарово и Савиново был зафиксирован ряд определенных критериев, по которым выбиралась супруга: главным являлось трудолюбие и мастерство девушки. Настоящая хозяйка должна уметь не только накормить и одеть семью, но и присмотреть за хозяйством, уследить за порядком. В Ново-Михайловке «когда выбирали жениха или невесту больше смотрели на богатенькую, работящую ли, если работящая, то богатая. Если не находил жених себе невесту, ехал в другую деревню» [3]. Выбирая мужа, прежде всего смотрели, чтоб не пил, был работящим. В большинстве описанных случаев жених сам выбирал себе жену, и свадьба игралась по обоюдному согласию, в ранний период и у старообрядческих групп сохранялась монополия родителей на подбор невесты. В смешанных селах Зонального района невест брали не только из своей, но и разных деревень. Примеров, когда жених и невеста никогда не видели друг друга до свадьбы в Зональном районе не встретилось. Только в Луговском «чаще выдавали замуж и женили по воле родителей. Даже нанимали колдуна, чтобы жених или невеста согласились. Он придет, погладит по головке: «Ну что ты девонька, ну давай иди, иди... И шли» [4]. В этом отразился древний обычай читать свадебных колдунов, без которых не обходился не один этап свадьбы. Многие этнографы считают, что роль колдуна трансформировалась в обязанности дружки на свадьбе, который стал не только главным организатором, но и должен предусмотреть разные формы оберега для молодых.

В Ново-Михайловке главными критериями отбора жениха являлись такие качества, как трудолюбие, работоспособность, ум и богатство, те качества которые нужны были для создания трудового благополучия семьи, для невесты – ум, красота и работоспособность. Роль родителей была велика, И.М. Седых помнит случаи, когда могли сватать даже если невеста с женихом не виделись до этого. Так ее дядя (тятин брат) рассказывал, как его сватали: «Лежу я на полатях, будят меня: «Петрушка, вставай!» – «Зачем?» – «Слазь». Я слез, гляжу, а уж рубаха, черная новая лежит, брюки новые. Думаю, куда они меня хотят снарядить? «Одевайся, поехали свататься» – «А далеко?» – «В Крючково». – «Ну я же ее не знаю!» – «Ну, узнаешь». А потом я ходил, ходил, думал: «Нет, я ее видел в церкви, только лица ее не видел». Родители выбрали по богатству, по родне, по работе». Но у большинства крестьян Бийского Приобья обычно парни и девушки высматривали друг друга на вечерках, на них же формировались пары. Более того в Н.-Михайловке зафиксирована любопытная традиция, защищающая права девушки. Если девушка не хотела, чтобы приходили сваты, и ее поддержали родители, то выкатывали на крыльце тыкву.

После негласногоговора приглядевшихся друг другу парня и девушки начинался длительный период прохождения всех ступеней сватанья. Начало «сватанья» носило повсеместно на Алтае традиционный общерусский характер, а в Зональном районе со смешанными элементами старожильческой и переселенческой свадьбы. Сватанье в большинстве сел Бийского Приобья проходило по старожильческому варианту. Состав сватов в разных селах был различным. В Соколово зафиксирован вариант, когда невесту сватать приходил жених с родителями, «боярин». По сведениям этнографов, в сватаньях переселенцев жених не участвовал и оставался дома. Они приносили с собой вино. Невеста находилась в доме с родителями. Жених с родителями подходил к дому невесты. Его встречают родители невесты и спрашивают: «Зачем пожаловали?» Родители жениха и боярин начинают обыгрывать: «Мы ехали мимо и услыхали, что у вас «телочка», а у нас «бычок». Дай, думаем, заедем!». Родители невесты отвечали, что у них есть «телочка» и впускали гостей в дом. Зайдя в дом, гости открывали вино, хозяева предлагали угощение. В большинстве сел сваты садились под матку, что считалось благоприятным условием говора. Этот обычай был зафиксирован еще в середине XIX в. С.И. Гуляевым [8, с. 262–263]. Как говорила И.М. Седых, «приходят свататься – садятся под «матку». «Мы не стоять, ни сидеть пришли, а красную девицу поглядеть». Чтобы умная была, красивая, работящая, свекровке, свекру мила была. День свадьбы назначали во время застолья. В Ново-Михайловке обычно «женихова родня и деды назначали свадьбу». Е.Д. Сарычева из Плещково вспомнила важную деталь традиционных свадеб – жесткие временные рамки, когда свадьбы разрешались: «Свадьбу назначали на определенный день. Это был обычно какой-нибудь религиозный праздник. На пост свадьбы не играли. Это считалось грехом. Свадьбы делали на мясоед, после уборки урожая». Мясоедом называли то время, когда разрешалось есть мясную пищу (посты, занимали больше половины дней в году). Наибольшее количество свадеб выпадало на зимнее время, по окончании Филипповского поста (с 7 января по н.с. или 25 декабря по с.с.– с Рождества и до Масленицы, после которой начинался Великий пост). Обычно срок свадьбы сразу обговаривался и устанавливался родней жениха.

В Плещково сватали невесту обычно около 5 человек: мать, отец, крестные, дяди жениха. Они стояли под порогом и произносили такие слова: «У вас красная девица, а у нас сокол. Он хочет жениться. Давайте мириться». Или: «У вас товар – у нас купец...» [2]. Невеста была в другой комнате. Важную роль играли ее родственники. Отец узнавал о дедушке невесты. В Ново-Михайловке, по словам И.М. Седых, ходили сватали «хрестная и хрестный», мать с отцом. Как отмечали старожилы, на сватовство брали «язычных», т.е. разговорчивых. Возьмут бутылку, закуску с собой «на запой», после того как сосватают. Запой был у невесты. После успешного сватовства совершают еще один обряд – идут «смотреть заслонку» (печи) к жениху. Печь выполняла во всех рубежных обрядовых событиях – родины, свадьба, похороны большую роль. В доме жениха запой продолжался. Если же свадьба назначалась по воле родителей, то сватовство происходило иным способом. По словам Л.П. Казенных, в нем участвовали

родители жениха, «боярин», но уже без самого жениха. Невесты также не было дома. Родители невесты приглашали гостей в дом и за столом обсуждали, когда и как будет проходить свадьба [1].

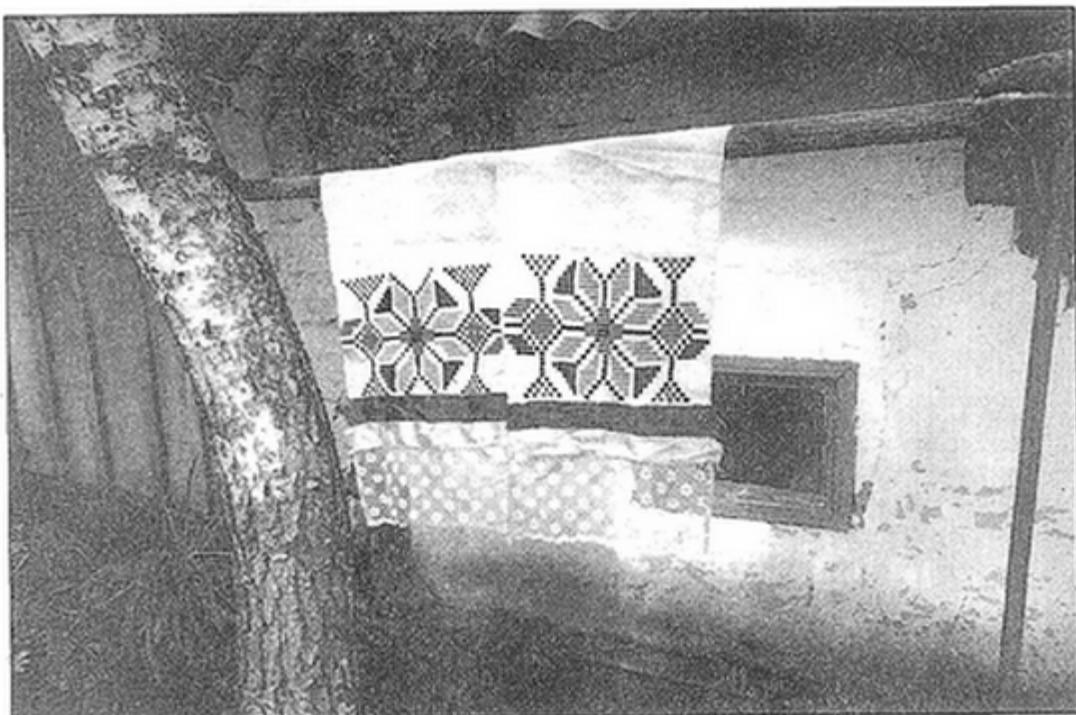

Кухня Фроловой Валентины Григорьевны, с. Шубенка, 2002 г.

В период сватанья повсеместно в селах Зонального района совершался обряд «рукобития» (северорусская традиция и термин), которым демонстрировалось согласие в семьях. Рукобитие являлось формой юридического обычного права, т.е. фактически представлял собой заключение договора о браке молодых, нарушать который никто никогда не осмеливался. Проходил он у старожилов обычно после сватовства на другой день или через несколько дней, с приглашением родителей и гостей и уже с присутствием жениха и невесты. М.Г. Полустроева рассказала о том, что за две недели до свадьбы устраивали рукобитие. Наряжали одного парня женихом, а одного невестой-барышней в шляпке с белым околотком. Но в Зональном районе его нельзя назвать чисто старожильским обрядом со смыканием и размыканием рук, а проходил по смешенному типу, с развитием переселенческой традиции в виде «запоя», или «пропоя». Очевидцы его называют иногда рукобитие, но его атрибутов не называют. Более распространенной формой являлось использование «круга», когда молодых выводили на круг избы по очереди и спрашивали – идут ли они по любви. После согласия садились за стол и начинали «занивать». В последнем случае «занивание» характерно большие для южнорусской свадьбы и фиксировалось в районе проживания поляков-староверов Третьяковского района. Можно говорить, что в 1930-е гг. произошло сменение «запоя», «занивания» и «рукобития» и проведение их в короткое время, а то и в один день в доме невесты.

В Ново-Михайловке был зафиксирован древний обычай, когда сваха водила вокруг стола жениха и невесту, которые держались за противоположные углы платка: «Сватышка берет платок: жених за один конец, а за другой невеста, вот она их вокруг стола водит. Пели песни, сперва прочитает ей молитву, а потом песенку споет, чтобы дружно жили, любили друг друга» [3]. Этнографы считают, что обвод вокруг какого-

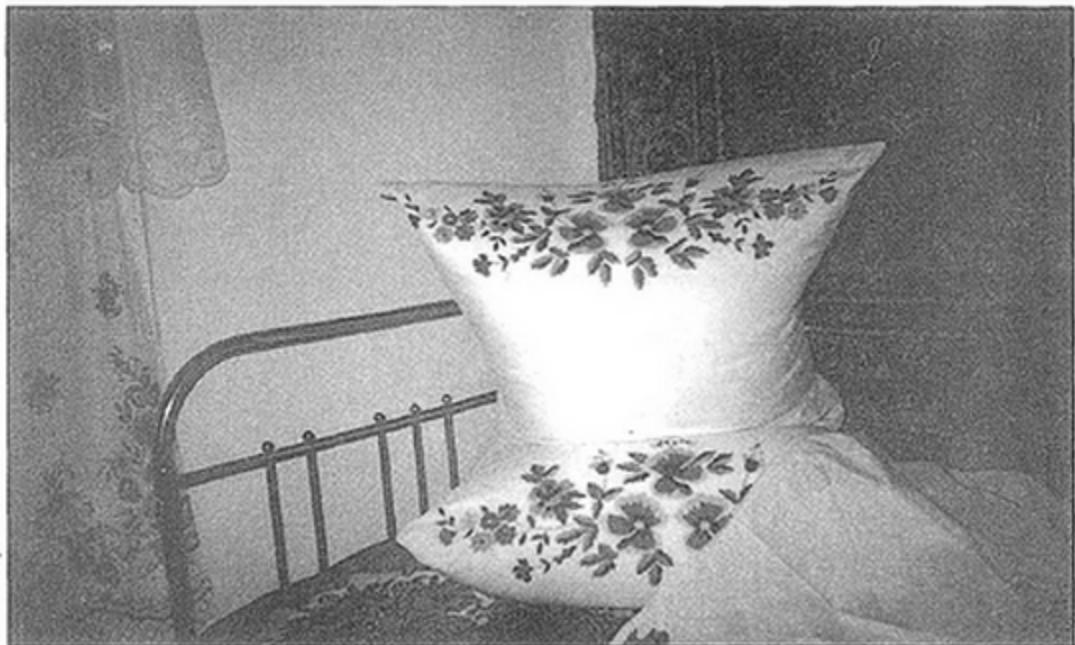
либо предмета имеет в культе и народном суеверии разнообразные функции: он может быть актом связывания, очищения, приобщения. Достаточно вспомнить круговые крестные ходы во время засухи или проливных дождей, обвод вокруг аналоя и т.д. В данном случае обвод вокруг стола можно рассматривать как акт, скрепляющий договор и привязывающий невесту к жениху. На стол ставили щи, огурцы, помидоры, сало. Родственники жениха приносили с собой самогонку. Понятие «круг» сохранилось и в лексике информантов. Так, в Плешково в случае утвердительного ответа невесты, сватов проводили к лавке, усаживали, а молодых выводили на «круг» – свободное пространство посреди избы и спрашивали у них поочередно: «Ты берешь ее любя?» (у жениха); «А ты идешь любя?» (у невесты). При согласии молодых, их ставили на колени на шубу, «чтобы богато жили» и благословляли. Затем невесту уводили в другую комнату и делали запой. Для этого родственники жениха приносили с собой самогонку, а родственники невесты варили суп, щи, ставили на стол соленые огурцы, помидоры.

Рунический, с. Новая Чемровка, 2002 г.

После рукобития-запоя подружки невесты ходили к невесте готовить подарки жениху и будущим свекру и свекрови. Эта часть единого сценария называется повсеместно на Алтае – «девишик». В традиционном варианте девичального периода старожильческой свадьбы в последовательном порядке шли сватовство, рукобитие, девишик и смотрины, а по описанию Гуляева, в середине XIX в. девишик проводился в последний вечер и завершал девичальный период. Назначение этого этапа этнографы видят в подготовке материального обеспечения семьи. А.С. Рыбникова рассказала, как они с подружками ходили на «девишик»: «После того как невесту засватают мы с подружками целую неделю ходили к ней, вышивали, пряли. К невесте приходили не только молодые девушки, но и уже взрослые, опытные женщины. Они помогали шить» [1]. Очень интересно о подготовке приданого рассказала Е.Д. Сарычева. «Перед свадьбой обычно готовились. Подружки помогали шить стеганое одеяло. Расстилали на столе один слой материала, затем вату, прошивали различными узорами, затем пришивали второй слой материала. Одеяло делали сатиновое, а подклад ситцевый. Кроме того, что стежили одеяло, также ткали материал на полотенца, пришивали кру-

жева. Вышивали» [2]. В Ново-Михайловке «приданое также готовила мать (подушки, ткала дерюжки из толстой шерстяной нити), собирались подруги и шили и вышивали полотеница, наволочки. Девушки шили также цветастые занавески, которыми огораживали (занавешивали) кровать молодых, их за это одаривали, угощали. Все наготовленное складывали в «ящик» (так называли старожилы сундук)» [3].

Вышитые наволочки Раисы Семеновны Маслютиной, с. Буланыха, 2002 г.

Руковощник жительницы с. Новая Чемровка, 2002 г.

Осмотр приданого и его перевоз являлся самостоятельным обрядовым эпизодом. В Зональном районе тем, кто переносил ящик в дом жениха наливали больше всех. Если женщины носили, то им в подарок полагались платочки. В приданое невесты Ново-Михайловки «не было простыней, пододеяльников. Постель, подушки, наволочки, все складывали в ящик, кто нес ящик – напивался – этот угол заденет – ему подадут, другой заденет – ему подадут, а кто стелит (женщины), им давали по платку. Женихова родня занавески вешали над койкой, в одной избе ведь спали, молодые на кровати, а кровати деревянные были. Отец с матерью на печи, вот и занавески были такие с цветами, красивые» [3]. Таким образом, совместными коллективными усилиями готовились тканые бытовые вещи и одежда, необходимая для молодой семьи. Невеста дарила жениху и свекру со свекровью по рубашке. Готовила обязательно семья полотенец (с. Соколово). В целом продолжительность девичника, (от 1 до 2-х недель) зависела от готовности приданого,

которое создавалось на девишиках силами подружек и родственниц, а не с детства (с 6–7 лет), как это зафиксировано в ряде других районов Алтайского края.

Большое значение придавалось свадебному наряду. В Зональном районе, расположенному в пригородной зоне Бийска, свадебное платье впитывало в себя городскую моду и шилось портняхами, их называли «модиски» – модистки, т.е. портные. Оно было розового или голубого цвета. В Соколово, Комарово и Савиново свадебный наряд под влиянием города включал и своеобразный головной убор – на голову невесты надевалась фата с восковым венком. В селе Плещково, по словам Е.Д. Сарычевой, на невесте также был свадебный костюм по городской моде – «шарочка» (кофта-блузка с юбкой шитые из одного материала). В других сельских районах Алтайского края, удаленных от города, свадебные наряды (сарафан, рубахи невесты и жениха) готовили сами – шили из самотканины и вышивали. В Ново-Михайловке «одежду для невесты мать делала, а штаны из льна делала невеста. Полосатые были, назывались «стяжина», в три нитки (как кальсоны).

Во всех элементах свадебного обряда населения Зонального района прослеживается обрядовые «наслоения» разных этнографических групп. Среди элементов старожильческой свадьбы встретился известный обряд выплаты женихом денег или различных припасов для предстоящего пиршества. В Ново-Михайловке, где особенно было много переселенцев, зафиксирован не характерный для них обычай платы родителям невесты «подъемных», но назывались они специфично. По словам И.М. Седых, во время сватовства жениху выговаривали «кладку»: «назначут свадьбу, «кладку» выговаривают жениху, чтобы он денег дал сколько там: на платье, на туфли, подарки дарили деду, бабке, свекру. И свекровке, золовке, невеста все покупает. Жениховы деньги, а невеста только покупает. Деду – рубаху, бабке – рубаху». В других селах жених также давал «заклад», на него покупала невеста подарки родителям и старикам невесты, а также могла себе приобрести подарок, в частности покупали платье невесте на «кладку»: длинное белое платье, фату. В войну выходили уже без платьев, и «кладку» не делали» [3]. Хотя, может быть, зафиксированный элемент больше соответствует переселенческому ритуалу, называемому «несенье», заключавшемуся в присыпке невесте денег на свадебный наряд, который шился днем, в т.ч. для жениха. И, наоборот, отсутствовали многие характерные для переселенческой свадьбы элементы, в частности в Зональном районе не зафиксирован обряд осмотра послеговора хозяйства жениха (он назывался «колошки считать»), который привезли в Сибирь переселенцы.

В Плещково, по словам Сарычевой, вся часть предсвадебной подготовки приданного с приглашением молодых называлась «вечерки». В них просматривается традиция «смотрина» невесты, хотя информанты Зонального района не называют традиционного термина «смотрины», собственно так же как, и переселенческий аналог «сводины», или «сводушки». Но так или иначе функции вечерок соответствовали смотринам и сводинам – представление жениха и невесты будущим родственникам и одновременно знакомство родственников обеих сторон. По словам старожилов Соколово, Плещково, Шубенка, перед свадьбой невеста устраивала вечерки, где собирались парни с гармонью и девушки. Жених должен был приносить с собой на вечерки гостины. Если жених был богатым, то приносил с собой орехи, конфеты, леденцы, если бедный – просто жареные семечки. Стол, для того, чтобы освободить пространство, убирали в «куть». Пели частушки под гармошку, протяжные песни (их пели подружки). Обычно основной темой песен девишика являлось прощание с девичьей свободой. В Плещково (Сарычева Е.Д.) удалось записать одну песню девишика:

«Не собравшись мамонька замуж отдала.
Посылали молоду рано по воду,
Посылали да молоду, рано по воду.
Ой, да прикупили ноженьки к белому да снежку,
Прикупили да ноженьки ко белому да снежку,
Ой, да прищипали рученьки ко коромыслицу,
Прищипали да рученьки к коромыслицу,
Ой, да рассергусь на маменьку, в гости да не пойду.

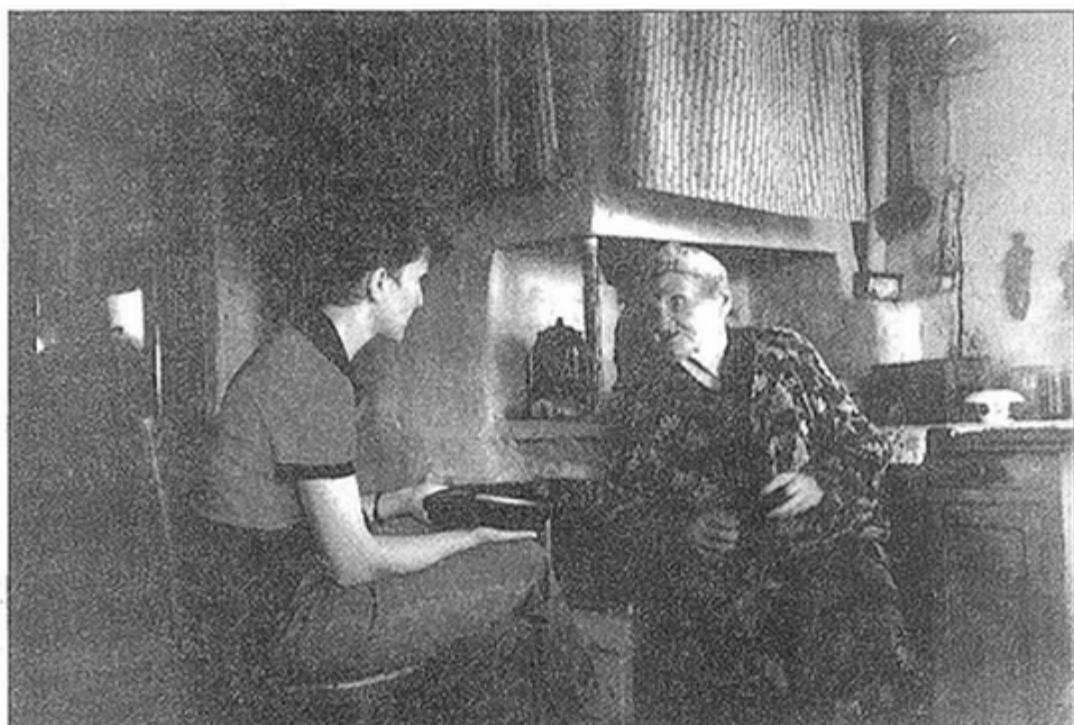
*Рассержусь-то на маменьку, в гости да не пойду.
 Ой, да через восемь годиков пташкой прилечу.
 Через восемь годиков пташкой прилечу.
 Ой, да сяду я на веточку, да на ветличную.
 Сяду я на веточку, на ветличную,
 Ой, да запою я песенку горемычную.
 Запою-то я песенку горемычную,
 Ой, да услыхала маменька начала ли да будить,
 Услыхала-то маменька, начала ли да будить.
 Ой, вставайте, сношеньки, невестки ли да мои.
 Вставайте-то, сношеньки, невестки ли да мои.
 Ой, да ктой-то у нас в садике жалобно ли да поет,
 Ктой-то у нас в садике жалобно ли да поет.
 Ой, да не моя ли доченька горьки слезы льет.
 Не моя ли доченька горьки слезы льет.
 Ой, да во чужих во людоушках горя да беда.
 Во чужих-то во людоушках горя да беда.
 Ой, да свекор да свекровушка лютый да лята.
 Свекор да свекровушка лютый ли да лята.
 Ой, да деверь да золовушка темные ли да леса» [2].*

На вечерках также играли в различные игры, самые популярные из них – это «Соседушки» и «Номера». Парни рассаживались на лавках. Девушки садились на колени к парням и каждой паре давали номер (до 100), который все знали. А у одного парня не было девушки на коленях. Он называл номер, и девушка из пары под этим номером должна была поцеловать того, у кого сидела на коленях и перейти к парню, который был без девушки. Затем это повторялось. Во время игры «Соседушка», к парням, сидевшим на лавках подходили парень с девушкой и спрашивали: «Мила ли тебе твоя соседка?» Парень отвечал: «Мила!» Ему на это отвечали: «Ну повидайся» (поцелуйся). Он говорил: «А я не умею!». Тогда подошедший парень целовал девушку, сидевшую на коленях, пока ее партнер не говорил, что научился целоваться [2]. Игры легализовали и разрешили публично запретные в патриархальной крестьянской среде действия носящие эротический характер.

Также на вечерках плясали «Товарочку» и жених, и невеста, а также приглашенные парни и девки. Необходимо отметить, что в памяти информаторов Бийского Приобья произошло смешение понятия «девичник» и «вечерки», они их не дифференцируют. Это показывает и описание всех форм игр, в которые обычно играли во время «вечерок», которые устраивала молодежь в осенне-зимние вечера, свободные от сельскохозяйственных работ. Так, одной из задач вечерок в Зональном районе называют подготовление приданого (задача девичника). В Плещково невеста именно на вечерках готовила «узелок» для будущего мужа, в который входили сatinовая рубаха, кальсоны, носки. Девушки-подружки невесты шили подарки будущим родственникам: изготавливали полотенца, вышивали их, пришивали к материалу кружева, стегали одеяла. Самым дорогим считалось одеяло из сатина с ситцевым подкладом. Часто работа сопровождалась пением старинных песен. Когда подходило время к свадьбе, практически все уже было готово.

Следующий этап – «бания». Как и в целом на Алтае существовало два варианта бани и у переселенцев и у старожилов, когда невесту мыли в бане вечером накануне свадьбы и в день свадьбы утром. Культ бани существовал в русской культуре с древности. Он являлся отголоском очистительных обрядов. В селах Зонального района элемент свадебного обряда «баны» хорошо сохранился в памяти. Поэтому повсеместно существовал и древний обряд украшения веника. Перед венцом невесту мыли в бане. За день до венчания подружки невесты ехали в дом к жениху за мылом. С собой брали веник. Как рассказывали старожилы, на банный березовый веник надевали платок и украшали этот платок разноцветными лентами. Держали его на виду в руках. У жениха гостей встречали родители жениха, приглашали в дом, сажали за стол. Этнограф

Г.В. Любимова подчеркивает, что ритуальные действия с украшенным веником, заменяло свадебное деревце, практиковалось лишь в тех локальных традициях, где свадебный обряд включал в себя посещение бани. Там, где баня не входила в состав свадебного ритуала, обычай катать по деревне веник не фиксируется [9, с. 440]. В доме жениха их встречали. За столом сопровождалось песнями, танцами, частушками. Одну из них вспомнила А.С Рыбникова.

Агафья Степановна Рыбникова, 1909 г.р., с. Н.-Михайловка

*Дорогой жених наш Ваня,
Как для нас ты дорогой.
Нам невесту мыть в бане,
Дай нам мыло духовой [1].*

Жених выносил мыло. Какая подружка брала мыло, та должна была мыть невесту в бане. Возвратясь с мылом в дом невесты, ей начинали расплетать косу. Обряд «коса» являлся важнейшим элементом девичьего обряда. В Соколово он проходил на этапе «бани», в других села в последний день перед венцом. Невеста сидела на коленях, держала перед собой в руках платок и причитала:

*Хоть родная моя матушка
Подойди ты ко мне близко-близехонько,
И подымы ты свои рученьки
Над головушкой
И расплети ты мне косу-
Косынку рубчату
И девичью красоту [1, Рыбникова А.С.].*

Если невеста сама не могла причитать, ей помогала одна из подружек. Косу невесте расплетали все вместе. В бане невеста сама не мылась, ее мыли подружки. После бани пили чай. Хозяйка угостила девушек разной стряпней. Это была награда подружкам за помощь. После чая все расходились по домам. В Ново-Михайловке баню делали в последний день девинища. По обычай в невесту кидали мыло, и так ее запаривали, что она сдва могла выйти. «Перед венцом, вечером топили баню, в бане ее девки моют,

мылом кидают в нее» [3]. В Плешково, невесту водили в баню перед свадьбой. Утром она вставала, умывалась, подружки, которые ночевали у нее, еще спали. Затем невеста всех будила и приглашала, они вставали, плакали вместе с невестой. Она причитала матери и отцу. Баню топили подружки. Когда невеста заходила туда, часто закрывали дверь, и она плакала, чтобы ей открыли. Затем ее мыли и уговаривали идти замуж. После бани невесту одевали в свадебный костюм [2]. Как у старожилов, так и переселенцев все совершаемые действия сопровождались причитами. Прежде всего в причитаниях должны были участвовать подружки. Все причитания были на тему: ой как же ты будешь замужем, что уйдешь из родного дома, что последний раз очуешься в доме отца и т.д.

«Выкуп» (у старожилов выкуп невесты назывался «бранье»)

В день свадьбы подружки наряжали невесту под венец. В Соколово, жених с «дружкой», с «поязжанами» и «полудружими» ехали в дом невесты. Дружкой в селах Зонального района был крестный, «поязжанами» – неженатые парни. В Луговском «поезжане приезжали на разряженных лошадях, сами шумные, нарядные, поезжанами были родственники» [4]. В Плешково невеста в ожидании жениха должна была продемонстрировать скорбь по оставляемому родительскому дому. Перед приездом жениха невесту садили за стол и напутствовали такими словами: «Не будешь плакать за столом – будешь плакать за столбом (муж будет быть). Невеста плакала всегда сильно перед тем как уйти из родительского дома. В день свадьбы невесту садили за стол». В Н.-Михайловке также невеста много плакала. Считалось, что чем больше невеста плачет до свадьбы, тем меньше будет плакать после нее [2].

Невеста сидела за столом, рядом подружки. Дорогу жениху преграждал младший брат невесты. Он сидел, грозился кисточкой оголя, требовал выкуп. Жених и «боярин» предлагали ему и сладостей, и конфет. Но он просил денег. Иначе он не продаст косу невесты. Как только жених и «боярин» с братом договаривались о цене, а жених выкупал косу невесты, из-за стола вставали подружки и начинали петь песни, частушки о гостях, обыгрывая каждого:

*Как у дружки деньги есть,
Мы не знаем как подлезть.
Мы подкатимся ребром,
Отдадите серебром [1, А.С. Рыбникова].*

Жених и дружка клали на тарелочку деньги. Тогда подружки начинали обыгрывать поезжан:

*А сеничек листоватый,
А сеничек листоватый,
А кто же у нас неженатый?
А вот (имя) у нас холост [1, А.С. Рыбникова].*

Так обыгрывали каждого поезжанина. При этом необходимо подчеркнуть, что девушки-подружки активно участвовали только в довенчальный период, в послевенчальный они отстранялись традицией (в том числе они не имели права участвовать в застолье в доме жениха) и поэтому старались обыграть всех гостей на данном этапе, чтобы заполучить часть выкупа, как своеобразной платы за активное участие в подготовке невесты к свадьбе. Таким образом очередь доходили и до свахи.

*Как у нас в огороде
Нече не родится,
Зародилась одна листва
Да и то вся примята.
Как у нашей свахи голубое платье,
Люли-люли, голубое платье [1, А.С. Рыбникова].*

В это время открывали стол. До этого момента он был закрыт скатертью. Сваха же угощала всех «курником», который она приготовила своими руками. Курник готовили с мясом и салом. В Ново-Михайловке к венцу невесту девки наряжали («она плачет и мать плачет, девки орут»), песни пели:

*Вы зачем же пиво варите,
Вы не сына себе жените?
Не сноху ли в дом да приводите?*

Перед выкупом невесты приезжали покупать шитую рубаху жениху, самая дорогая была из сатина, разноцветная, кальсоны, носки, рубаха – все собирали в узелок. Этот узелок продавали девки. А в день свадьбы просили выкуп за невесту – пирог. В сковороде пекли слобину лепешку с ягодами или другой начинкой. Его пекли специально к свадьбе. К нему обычно приносили бутылку самогонки. Продавал брат невесты ее косу. Если просили дорого, то сраживались и уменьшали цену.

«Первый день свадьбы: венчание (переселенцы), или бранье (старожилы). Начинался этот этап с «родительского благословления». Невесту родители перед венцом благословляли. Если родителей не было, то благословляли крестные. По словам А.С. Рыбниковой, «крестили молодых иконой, наклонялись низко до полу и начинали наговаривать, кто что может, желали добра, благополучия». Подружки уходили из дома невесты. Они не ехали в церковь и не гуляли на свадьбе. Уходя, они пели невесте песню:

*Манечка обманщица была,
Обманула всех подружек,
Говорила замуж не пойду
И даже не подумаю.
А вот зачем же ты за таким погналася
За детиною, горькой пьяницей.
Он в кабак придет – куражится
С кабака идет мотается,
Заставлять он будет разувать
И раздевать,
И часто пуговки расстегивает,
И шелковый пояс развязывает.
Принесло, принесло три корабличка,
Уж как первый-то корабличек
Под перину-то туховую,
А второй-то корабличек
Под сундочки дубовые.
А уж третий-то корабличек
Под (имя, отчество невесты) [1, А.С. Рыбникова].*

Когда невеста уезжала под венец, мама пела ей прощальную песню:

*Ходит солнце за горами,
Сидит невеста за столом.
Мать невесту утешает
Не плачь, не плачь, дите мое.
Мне и так, родная, трудно,
Моему сердцу тяжело,
Выбывает у нас из дома
Наше родное дите.
Кака судьба тебя там стережет,
Какое будет тебе житье,
А я останусь здесь в печали,
Смотреть буду в окно. [1, А.С. Рыбникова]*

В Ново-Михайловке также молодые девки-подружки после венчания за стол не садились, а ходили по деревне с вениками и пели. Как рассказывала И.М. Седых, «подружек угостили, девки с веником ходили, когда в церковь съездят и приедут, веник березовый тряпочками навяжут, всякие тряпочки и ходют песни поют по деревне. Молодые проедут вперед, а они сзади. Девки не гуляли на свадьбе, попоют, походят, не сидели за столом со стариками» [3]. А молодые после венчания ехали к жениху домой. В Соколово в церковь жених с невестой ехали врозь. Под венец невеста ехала с рас-

плетенной косой. В церкви невеста стояла слева, жених справа, мамы молодых стояли сзади. Молодки под ноги стелили полотенце. После венчания ехали в дом жениха.

Другой вариант отъезда невесты и подробное описание венчания молодых в церкви был зафиксирован в Плешково [2]. Молодых перед венчанием благословляли родители невесты. Жених и невеста наклонялись к иконе, их крестили и целовали. Сначала отец, потом мать. Молодые стояли на коленях на шубе, чтобы жили богато. Использование овчины и шубы повсеместно использовалось в свадебных обрядах на Алтае. В целом, шерсть в традиционной обрядовой культуре символизировала благополучие и плодородие. В Ново-Михайловке родители также благословляли невесту: «расстелят им под ноги женский полушибок, мать и отец (отец когда стоит, когда нет). Мать икону берет и благословляет, молодые на шубе: «Благословляю вас, доченька, благословляю, вас, господи. Дай тебе доченька счастья, хорошо живете, дружно, любите друг друга». Молодые «перекрещиваются, покланяются, поцелуют икону», родители целовали молодых в голову [3].

После благословения, молодые и свадебный поезд ехали на лошадях, украшенных лентами в церковь. На свадебную повозку клади шерстяное, самотканое кошевку-одеяло либо с цветами. В Плешково грива у лошадей была покрашена в алый и зеленый цвета. Дугу украшали разноцветными лентами и колокольчиками. В других районах края обязательным являлись самотканые свадебные вожжи. Перед венчанием священник спрашивал, идут ли молодые по любви. Если согласие было, то венчали, если нет, свадьба могла расстроиться. «Священник надевал на молодых венцы с крестиками. Стояла икона; вокруг ее водили молодых. Дома их встречали с иконой. Затем созывали гостей по всей деревне. На дружку надевали полотенце по диагонали, вышитое цветами, петухами» [2].

Повсеместно на Алтае, в том числе и в Зональном районе, были сильны суеверия о силе колдунов, которые могли помешать счастью молодых. По представлениям крестьян, они были в каждом селе и люди их знали. Существовало поверье, что его надо обязательно приглашать на свадьбу, иначе он явится непрошеный во время проезда свадебного поезда или будет встречать около ворот дома и в отместку, за то, что его не пригласили, наведет порчу. М.Г. Полустроева также говорит, что «на свадьбу нужно было пригласить колдуна (Терочку), иначе он мог испортить молодого или дружку: болели и жили плохо. Или во время того, как поехали в церковь, могли кони остановиться и дальше не ехать. Если же пригласят, то дела шли хорошо (семья была дружной, зажиточной)» [2]. В Луговском рассказывали, что с колдунами часто возникали разные истории. Так, если колдуна не приглашали на свадьбу, то «он мог наколдовывать так, что и поезд останавливался и на поезжан нападал понос», тогда бегут за ним, приглашают. Или «колдун уляжется на печку и пакостит на свадьбе. Тогда его нужно уговаривать, сажать в передний угол». С.С. Казанцева рассказывала, что «папа у нас был строгий. Он на колдуна как закричит: «Ты зачем сюда идешь, кто тебя звал, а все напугались, дескать, что-нибудь наделает. А тята сказал: «Ничего он не сделает!». Вот с ним надо строго, тогда и он ничего не сделает, тогда и они бессильны. А если пригласишь, тогда-то он может и напакостить».

Иногда девушек отдавали замуж не по согласию, а по принуждению. Е.Д. Сарычева из Плешково рассказала случай, когда девушку хотели выдать замуж за нелюбимого. Но тайно готовился к свадьбе и тот парень, с которым она дружила. В церкви невеста сказала, что выходит замуж не по любви. Священник отказался венчать, тогда вышел другой жених, с которым договорились заранее. И их повенчали, отдали кольца. Вместе с тем старожилы говорили, что если девушка отказывалась венчаться, то выдавали насилием, без венцов.

Старожильческий обряд «окручивания» на территории Зонального района не зафиксирован в чистом виде, т.е. переход девушки в новый статус – женщины, ей заплетали две косы и надевали женский головной убор (шамшура, кичка). Однако данный этап в свадьбах сохранился, но проходил он по облегченному варианту. В Соколово невесте снимали венок за праздничным столом. Зафиксировано два обряда снятия венка. Один из них рассказала А.С. Рыбникова. По ее словам, невесту закрывали кашемировой

шалью. Мама и сваха заплетали невесте две косы. Косы закручивали вокруг головы, завязывали платок. Если же волосы были короткими, делали косники. После этого девушка должна всегда ходить в платке, расплетать косы только в бане, затем заплетать и так от бани до бани. При втором обряде снятия венка (Л.П. Казеных) невесту закрывали платком, сваха делала на голове невесты прическу из кос и закалывала цветок. Цветок был бумажным. Цвет цветка должен был быть цвета платья.

«Блины», или «Блинование»

Этот традиционный обряд, один из немногих, наряду с выкупом невесты сохранила современная свадьба. На крестьянской свадьбе в 1920–1930-е гг. продавали блины уже в первый день свадьбы. В более ранний период – на второй день. Это происходило в момент одаривания. Каждому кто дарил, давали блин. Молодые же, каждому кто дарил, кланялись. В Плещково на 1-й день собирались у жениха на блины. Во время блинования невеста одаривала всех родственников подарками; мужчин – рубахами; женщин (свекровь, золовок) – платками, или давали на платье, а также свекра со свекровью могли одаривать деньгами, либо скотом. Обычно с блинами ходила сваха, а складывали подарки в наволочку, завязанную на пояс [2].

В первый день на стол ставили пирожки с маком, молотой калиной, черемухой, печенье, щи с мясом. Ставили не в отдельные чашки, а в несколько общих по разным концам стола. Пили самогон, делали пиво из сахара, дрожжей и хмеля. В Ново-Михайловке, по словам И.М. Седых, «пили на свадьбе самогонку из пшеницы, хлеба... Тятя ладил из ржаной муки: в печь ее, она запарится, потом застудится, кипяченой воды, да заквашивают ее дрожжами, она укуснет, гнать ездил в бор, там у него котел был. Он у нас кузнец был, возил древесный уголь оттуда и самогонку гнал» [3]. На свадьбе обычно пели песни под гармонь. В Ново-Михайловке порядок застолья был жестко определен. «Сперва сядут, по стопке выпьют, потом съедят хлеб, суп, мясо, огурцы, капусту. Потом чашки убирают, ложки оставляют и настаивают на стол «обряду» – сдобы, стружки. Поставят и скатертиями невеста закроет. Пока блины не кончатся, никто не закусит. Блины были в первый день свадьбы» [3]. В этот день ставили до 4–6 столов.

«Постель»

В то время пока шла свадьба, молодым готовили постель. Вот как описывала постель молодых К.А. Казанина: «постель стелили в горнице. Сверху над кроватью висел вышитый подзор, с простыни свисала вышитая украшенная околодка. Спали на перинах» [4]. В Соколово стелила постель мама невесты, спать молодых укладывал дружка, он же их и будил. В Плещково постель молодым готовила сваха, им отводилась отдельная комната, а наутро она же проверяла непорочность невесты. В Ново-Михайловке существовала традиция «разогреть постель». Грели постель молодым крестные, которые сватали и которые опекали молодых на всех этапах свадьбы. Как говорили старожилы, они готовили молодым постели и сначала «сами побалуются» – «хрестная с хрестным грели постель, ляжут, помнут, погреют», потом молодых кладут. А утром эта же хрестная спрашивала о честности невесты. Если нечестная, то посуду били потихоньку».

Святым считалась непорочность девушки, и существовали различные способы, доказывающие непорочность девушки. Наиболее распространенным способом, который доказывал непорочность девушки, являлась демонстрация простыни гостям: наутро, после первой брачной ночи, выносили простыню, на которой спали молодые, и ее показывали гостям. В Н.-Михайловке помнят, что «жених проверял честность невесты. «Хрестные» спрашивали об этом жениха. Если невеста была честной, то все радовались, если нет, то потихоньку молчали». Но результаты определяли по обычаям бить посуду: «Если честная невеста – то хорошую нежалко бить, если нет – то худую». Нередко жених и сам мог это скрыть. В крестьянском обществе, несмотря на жесткое осуждение добрых связей, происходили полюбовные нарушения этого запрета. В таком случае использовали по взаимному согласию молодых разные ухищрения, в этом говоре могли участвовать и родители. Зафиксирован способ бить посуду и в

Соколово (Л.П. Казенных): девушке на свадьбе подносили бокал вина. Если девушка была чистой, она выпивала вино, разбивала бокал и садилась рядом с мужем, а если же нет, то она не должна была разбивать бокал. В.Г. Волобуева рассказала такой случай, когда девушка была уже нечистой, а муж это знал, и ночью они прокололи себе пятку и вымазали простины кровью, чтобы утром предоставить ее гостям [1]. Но вместе с тем, зафиксировано и потепление в оценках доброчного греха молодых, если раньше провинившимся девушкам мазали дегтем ворота (эта традиция в некоторых этнокультурных группах фиксировалась этнографами до 1970-х гг.), то у переселенцев, уже в 1930-е г., «никто за это невесту не обижал, если жениху мила, то нам тем более» [3].

Второй день свадьбы чаще гуляли в доме невесты. Девушка меняла свой наряд, надевала другое нарядное платье. В этот день или последний обычно «мели сор», в Ново-Михайловке на первое похмелье. На пол рассыпали солому и гости разбрасывали деньги. Жених с невестой веником подметали пол, собирали деньги. В Соколово, наоборот, «мелкая ссора» обычно происходила в конце свадьбы. «Сор мести» – означало гостей выметать. Когда молодые подметают пол, выметут весь сор, тогда гости все расходились. В Плешково также сор мели на 2-й день. «Свашка» приносила солому, ее ложили в избе и в нее кидали деньги, а также били посуду. Если невеста до свадьбы была девушкой, то брали крепкую, если нет – то хрупкую. Свадьба в этом селе продолжалась около недели, по очереди у жениха и у невесты, иногда у родственников. В Ново-Михайловке также гуляли до недели «на второй день у жениха похмелялись, к вечеру шли к невесте. Сперва женихову всю семью обойдут, да неделю целую гуляли, потом к невесте, а на последний день «калинку» распевают: бьют посуду, если честная дочка, то матери кидают, катают ее и посуду бьют крепкую» [3]. «Калинку» распевают пока дома всех участников свадьбы не обойдут. В Луговском в последний день обязательно пили «расхожую».

Таким образом, несмотря на сократившееся в 1930-е г. количество обрядовых действий (размыты такие ступени, как смотрини невесты, осмотр дома и имущества жениха, предбрачный вечер у жениха, послесвадебное мытье молодых в бане и др.), локальный вариант свадьбы в Бийском Приобье показал сохранение последовательности свадебной церемонии и разнообразие действий свадебного ритуала. Вместе с тем анализ содержания и форм свадебных традиций, зафиксированных на территории Зонального района позволяют говорить о существовании смешанного варианта свадьбы. Массовое переселение и вытеснение из этого региона старожилов привело к изменениям в свадебном обряде. Но свадебные обряды переселенцев не заменили полностью старожильческие, а впитывали в себя отдельные элементы и даже ступени. Кроме того в рассматриваемое время произошло смягчение многих запретов и жестких установок. В частности, это проявилось в участившихся попытках скрыть нарушения целомудрия невесты, более терпимое отношение к внебрачной жизни. В селах же Зонального района, которые можно с большей долей уверенности отнести к смешанным, население быстро отказалось от чистых вариантов «свадьбы по-сибирски» или «свадьбы по-российски», хотя можно предположить, что первоначально разница сохранилась и каждая группа переселенцев старалась на новом месте устраивать свадьбы так, как это было принято в родных местах. Но в конечном итоге эти обряды переплелись между собой. Иначе и не могло быть. Адаптация новоселов всегда сопровождалась с одной стороны приверженностью к принесенным традициям, многие из которых (особенно материальные или традиции коллективного общежительства) позволяли просто-напросто выжить в новых условиях, а, с другой стороны, потерей некоторых обрядов, которые, по-видимому не являлись жизненно необходимыми. Ускорило выхолащивание обрядов наследие советских ценностей.

Родильно-крестильная обрядность

В русской традиционной культуре родильно-крестильная обрядность являлась первым звеном в ряду семейных обрядов. Как известно, родильно-крестильная обрядность наряду с общерусскими чертами имеет и специфические элементы традиционных обрядов у различных этнографических групп. По материалам экспедиции, в селах Со-

ково, Комарово и Савиново основной материал получен от В.Г. Волобуевой (коренная жительница Комарово), Т.И. Викуловой (переселенцы из России), Т.П. Слаженикиной (привезена ребенком из Тамбовской губернии), Л.П. Казенных (прадеды приехали из России).

В первой четверти XX в. в семьях имели большое количество детей. Поэтому для женщин рождение очередного ребенка было обычным делом, но важнейшим событием. Поэтому существовал целый ряд действия сакрально-магического и физического характера по охране жизни и здоровья женщины и будущего ребенка. Среди них традиция скрывать от окружающих беременность женщины. Объясняли это поверью, что еще не родившегося ребенка можно было слазить, или навести на него порчу, или утешить роды.

По рассказам старожилов, женщина рожала где придется, кто в бане, кто в доме, а кто и в поле. В каждой деревне обычно жила «повитуха», ее еще называли «повивальной бабкой» или просто «бабушка». «Повитухой в Соколово» была обычно пожилая женщина, «которая и ребенка могла принять и животы «править» — говорит жительница Комарово. «Повивальную бабку» звали тогда, когда у женщины начинались схватки. Как правило, «бабушка» никогда не отказывалась прийти к роженице.

В начале XX в. из-за слабого развития медицины в деревнях женщины очень часто умирали при родах. Поэтому перед родами женщина просила прощения у бога и у родственников, прощалась со всеми. Общепринятого средства для облегчения родов не было, но Г.П. Викулова рассказала, что «в деревне были так называемые «бабушки-шепотушки». Они на венчании нашептывают на невесту, и, когда та рожать будет, боли не почувствует, а боль вся на мужа уйдет, да такая, что тот ходить не сможет, а только прыгать». А «шепотки» эти никто и не знал, только «бабки-шепотушки». Также существовали приметы, по которым можно было определить какого пола будет будущий ребенок. Если живот у беременной женщины был острым, то будет мальчик, если же круглый — девочка.

При рождении ребенка обязательным было выполнение целого ряда обрядов, от которых зависело здоровье ребенка и матери. «Повитуха» принимала новорожденного в заранее приготовленную пеленку, либо полотенце. Сразу его не мыли, а просто обтирали. Вечером топили баню и «повитуха» вела роженицу с ребенком в баню. Там она мыла ребенка, «вправляла» живот женщины. Воду, в которой мыли ребенка, выливали в то место, где никто не ходил. Обычно этим местом был угол дома. Повитуха должна была сводить роженицу 6 раз в баню. Только после этого можно было «размывать руки». Е.А. Слаженикина рассказывала, что женщина после родов 40 дней не должна ходить в церковь, так как она считалась «мокрой, нечистой».

Новорожденного до крещения не показывали гостям. Считалось, что некрещенный ребенок уязвленный к сглазу и порче. Крещение ребенка было обязательным. «Бабушки» даже лечить не брались некрещенного, — говорила Л.П. Казенных. Если же церковь была близко, и ребенок был здоровым, его крестили на третий-пятый день. Если же новорожденный выглядел слабым или больным, сразу же после родов «повитуха» совершила обряд «погружения». Считалось большим грехом, если ребенок умрет некрещеным. Однако «погружения» не заменяло крещения и при всяком удобном случае ребенка везли в церковь. На крещение приглашали повивальную бабку. Перед крещением батюшка спрашивал — «погруженный ли ребенок». Если да, то батюшка проводил обряд крещения, но не окунал младенца в купель. Ребенку обычно давали имя Святого, в день которого он родился. Обязательно выбирали крестных родителей. К подбору крестных относились очень ответственно, так как они считались вторыми родителями и несли ответственность за жизнь крестника. Они же должны были заменить родителей в случае их ранней смерти.

После того, как ребенка окунут в купель, первым его брал крестный — если был мальчик, крестная — если девочка. После крещения в доме родителей ребенка устраивали маленький обед, на который приглашали и «повитуху». Ей роженица дарила подарки: продукты, деньги. Когда ребенок становился взрослым, он называл «повитуху» бабушкой.

А «повитуха» в свою очередь часто ходила в гости к ребенку, который появился на свет с ее помощью.

Таким образом, в 1920–1930-е гг. в Бийском Приобье произошла утрата ряда сакрально-мистических действий в структуре родильно-крестильной обрядности (способы облегчения родов, обряд размывания рук). Однако в условиях становления системы здравоохранения в эти годы сохранялся институт повивальных бабок. От их деятельности зависело не только здоровье женщин, но и будущих поколений крестьянских семей.

Лишь в колхозный период, когда положение крестьянской семьи ухудшилось в связи с ликвидацией единоличного хозяйства и зависимости обеспечения питания семьи от колхозного производства (натуральная расплата по трудодням, выдавалось недостаточное для семьи количество продуктов и т.д.) отношение к многодетности стало меняться. В селах стали делать аборты, для которых обращались снова к доморощенным «специалистам». Но в отличие от повитух их называют «бабки». Бабки делали аборты уже до Великой отечественной войны. К ним прибегали в основном в больших семьях, т.к., по словам старожилов, «при большой семье жилось хуже, а маленьку было легче прокормить». Изменилась ценность семьи. Если при единичной жизни большой трудовой коллектив (при наличии достаточного количества юношей) являлся благоприятным условием семейного производства, то при колхозной жизни – неблагоприятным фактором. Аборты «бабками» часто приводили к смерти и были запрещены так же, как и обращение к повитухам. В советском государстве равно боролись и с теми, кто принимал роды, и с теми, кто делал аборты. Пожилые женщины помнят, что в 1930-е г. «аборты делали тайком, а женщин, которые их делали преследовали». Так, в Н.-Михайловке помнят одну «бабку» (Чулюкова Екатерина), которая по настоянию женщин делала аборты, три из них закончились смертью женщин, за что она была посажена в тюрьму. Лишь в 1950–1960-е гг. со становлением системы государственной медицины и изменением политики исчезли сельские «акушеры».

Похоронный обряд

Последним рубежом земной жизни являлась смерть человека, после которой начиналась иная жизнь. Она зависела от правильного соборования и проводов. Похоронный обряд, также, как и предыдущая семейная обрядность, органически состоял из церковных обрядов и традиционных представлений народного мировоззрения. В сельской среде лучшие сохранились те обрядовые действия, которые должны были совершать члены семьи. Христианские обряды являлись прерогативой священников, которым крестьяне доверялись и объяснять их содержание и последовательность не могут.

Еще при жизни женщина заранее готовила себе и мужу похоронную одежду: рубашку, кофту, фартук, кальсоны, наряды (женщина не носила нижнего белья), тапочки и чулки и т.д. «Чулки обязательно должны быть с завязочками, а то покойник будет ходить, а они у него сползут» [1]. Одежду шили вручную, ткань выбирали темного цвета. Встречаются случаи, когда женщину хоронили в свадебном платье. На голову женщины повязывали два платка. Один повязывали так, чтобы он закрывал лоб, его завязывали сзади. Другой же – поверх первого. Его завязывали спереди одним узлом, либо запахивали. Перед тем, как положить усопшего в гроб, его обмывали соседи, друзья. Родственникам не разрешалось. При обмывании человека свечей не зажигали. Гроб тканью не обивали, а только промазывали марганцовкой. На дно гроба клади древесные стружки, подушку делали из трехгодовалого березового веника. Считалось грехом набивать подушку пером.

Гроб с телом усопшего ставили посередине комнаты, изголовьем к иконе. На время похорон в доме должны быть закрытыми все зеркала: «чтоб покойник на живых не смотрел» [1]. Родственники покойного, в знак траура, надевали одежду черного или темного цвета. На голове женщин должен был быть надет платок, который не снимали до 9 дней. Хоронили умершего на третий день, примерно в 14:00: когда день переходил за половину, покойного выносили из дома «ногами вперед». Существовали обязательные обряды, предупреждающие тоску по умершему. Так, когда гроб выносили, родственники должны были посидеть на стульях, на которых стоял гроб. Если же это не помогало,

то обращались к знахаркам. Существовало много апокрифических текстов-заговоров от тоски. На кладбище гроб несли на руках, на полотенцах, а иногда на носилках. Вдоль гроба клали несколько жердей. А поперек протягивали полотенца или веревки. На руках гроб несли как молодые, так и люди в возрасте. Это зависело от возраста умершего. В Соколово был случай, когда умерла молодая девушка и гроб несли ее подруги.

После выноса гроба женщины мыли пол в доме. Родственники не должны мыть пол. «В доме мыли те, кто неморковитые, т.е. не боится» [1]. Кладбище в деревне было огороженным, могилы же обычно не огораживали. Могила была глубиной около 1,5 метров. Хоронить старались поближе к родственникам. На кладбище священник читал молитву, после гроб закрывали и опускали. Если же хоронили самоубийцу, то молитвы не читали. После того, как гроб опускали в могилу, близкие и родственники бросали по три горсти земли. Старожилы также объясняют это способом борьбы с тоской по умершему. Крест на могилу ставили сразу постоянный в ноги. Старожилы это объясняют по-разному: одни говорят, что когда покойник будет вставать, он сможет взяться за крест, другие же объясняют так, что когда воскреснут мертвые, покойный встанет, возьмет крест на плечо и пойдет. Полотенце на котором несли гроб, разрезали и раздавали тем, кто копал могилу и нес гроб. На поминах готовили кисель, кашу, блины, лапшу. Главным поминальным блюдом была кутья. Для приготовления кутьи отваривали рис, в него добавляли изюм и мед. Одежду умершего обычно раздавали, сжигали, часто ее носили сами члены семьи. Только после 40 дней смерти, одежду умершего можно раздавать.

На протяжении многих лет похоронный обряд, по сравнению с родильно-крестильным и свадебным, претерпел меньше изменений, оказался консервативным. Изменения в его народной части объясняются новым уровнем развития, например, обивка гроба материалом, гроб везут на кладбище на машине, ушла в прошлое березовая подушка. Гораздо более ощутимые потери произошли в его церковно-православной части, которая имела гораздо более важное значение. Отказ от православных традиций соборования, переход к гражданской панихиде во многом обострили восприятие происходящего родственниками усопшего. В последнее время происходит возвращение к христианской традиции.

Литература и источники

1. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2002 г.: Зональный район. Соколово, Комарово, Савиново: Рыбникова А.С., 1909 г.р., кассета № 49–50; Казенных Л.П., 1917 г.р., кассета № 41; Волобуева В.Г., 1920 г.р., кассета № 53; Викулова Т.П., 1917 г.р., кассета № 56; Слаженикова Е.А., 1915 г.р., кассета № 52.
2. Там же. Плешково: Сарычева Е.Д., 1921 г.р., кассета № 120; Полустроева М.Г., 1914 г.р., кассета № 116.
3. Там же. Ново-Михайловка. Седых И.М., 1918 г.р., кассета № 107–108.
4. Там же. Луговское: Казанина К.А., 1917 г.р., кассета № 28; Казанцева С.С., 1907 г.р., кассета № 30; Октябрьское: Вавилова Т.А., 1929 г.р., кассета № 34; Масютина Е.П., 1925 г.р., кассета № 35; Путь Ленинизма: Королева М.М., 1934 г.р., кассета № 38.
5. Там же. Шубенка: Михалева А.З., 1920 г.р., кассета № 92; Вдовина Е.И., 1920 г.р., кассета № 93; Михалева С.М., 1921 г.р., кассета № 89; Егоркина А.Я., 1910 г.р., кассета № 95; Шатохина Е.М., 1917 г.р., кассета № 81–82; Михалев А.П., 1923 г.р., кассета № 97–98; Зырянова А.Я., 1929 г.р., кассета № 92.
6. Липинская В.А. Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае. XVIII–начало XX века. М.: Наука, 1996.
7. Явиева Л.А. Семейно-бытовые традиции русских старожилов и переселенцев Алтая второй половины XIX – первой четверти XX в. Автореферат дис. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Новосибирск, 2002.
8. Былины и песни Алтая: из собрания С.И. Гуляева / Сост. Ю.А. Троицкий. Барнаул: Алт. кн. из-во, 1988.

Т.К. Щеглова, Е.С. Коваленко

КАЛЕНДАРНАЯ ОБРЯДНОСТЬ КРЕСТЬЯН ЗОНАЛЬНОГО РАЙОНА В XX СТОЛЕТИИ

В России праздники любили всегда. Не потому, что в эти дни «суетные дела спят», а потому, что духовное чтили выше телесного, умев трудиться, умели и веселиться. Календарные обряды русских, возникшие в глубокой древности, являются многослойными. Основой служил прежде всего земледельческий хозяйственный опыт древних славян. Отсюда сезонный циклический характер распределения праздников. На них наслаждались сакральные обряды славян-язычников, например кульп солнца (зимний Коляда во время Святок и летний Коляда во время праздника Купалы). Завершила формирование народно-обрядового календаря православная традиция. Церковные праздники посвящены событиям из жизни Иисуса Христа и Пресвятой Богородицы, в честь мира Ангельского и в честь Святых. Все церковные праздники делятся еще на несколько разрядов: по предмету воспоминаний (Господские, Богородичные, праздники Святых), по важности событий (большие, средние, малые), по времени торжеств (подвижные – те, которые ежегодно приходятся на одни и те же дни недели, но числа ежегодно меняются, неподвижные – те, которые приходятся на одни и те же числа месяца). Ученые видят в этих напластованиях формирование религиозно-обрядового синcretизма, что в традиционной крестьянской культуре проявилось в своеобразном двоеверии, которое просматривается в большинстве календарных обрядовых празднеств и обрядового фольклора. Но современные старожилы относятся к народно-обрядовым праздникам как цельным событиям, считают, что в основе календарных праздников лежали прежде всего православные праздники и воспринимают все народные праздники именно как церковные праздники. Все, что в народной праздничной традиции осталось от языческого раннего пласта, не осознавалось, но осуждалось как греховное и искупалось его участниками (купание в проруби на Крещение после ряженья и гадание и т.д.).

Еще в 1920–1930-е гг. календарная обрядность в алтайской деревне являлась мерой времени, которая делила год на производственные сельскохозяйственные и промысловые периоды, рабочие дни и отдых. В соответствии с ними каждое сельское общество регулировало трудовой ритм и коллективные признаки, которые связывали единоличные крестьянские дворы в единый трудовой социум. За советскую эпоху многое утрачено или утилизировано. Носителями информации о календарных праздниках являются старожилы 1910–1930-х гг. Важной задачей является фиксация традиций народных праздников порайонно, чтобы выявить все многообразие календарной обрядности этнокультурных и этноконфессиональных групп Алтайского края и использовать его в культурно-просветительной работе. На сегодняшний день при организации массовых праздников, возрождая традиции народных гуляний, организаторы используют общерусские сценарии в которых нивелируются региональные особенности. Для жителей же Зонального района необходимо бережно относиться к собственному историко-культурному наследию.

Особенностью календарно-праздничной обрядности Зонального района является зафиксированный в экспедициях размах и массовость. Этому способствовало два фактора. 1. Села Бийского Приобья являлись центрами церковных приходов. В каждом селе была своя церковь. 2. Территория района находилась в пригородной зоне Бийска. Поэтому праздники на его территории были шумными, веселыми, как говорили старожилы, «весело было», «гудели кругом», «всей деревней гуляли на празднике».

Зимний цикл народных праздников (от зимы до летнего солнцестояния). На него приходилось самое большое количество праздников, т.к. крестьяне были свободны от сельскохозяйственных работ и могли позволить себе отдыхать и веселиться. Наивысший

ник народные гуляния достигали дважды – во время Святочного цикла с 25 декабря по ст. ст (7 января по н. ст.) до 7 января по ст. ст. (19 ноября по н. ст.) и Масляничной недели.

Святки. Праздник Рождества считается вторым по значимости после Пасхи. Ему предшествовал сорокадневный Рождественский или Филиппов пост. Канун или день навечерия праздника проводился в строгом посте до первой звезды и назывался Сочельником. Рождество в Бийском Приобье, как и повсеместно на Алтае считалось праздником семейным, но отмечали его всей приходской общиной. Очень важно было собраться всей семьей за праздничным столом. Блюда рождественского стола отличались от тех, которые готовили к другим праздникам. Главным обрядовым блюдом была кутья, т.е. блюдо из цельного зерна с медом, медовым или ягодным взваром. Традиционно в рождественских блюдах использовались ягоды. Как говорит З.И. Кремнева: «Ели сущеные ягоды: землянику, сливу, боярышник» [1]. С этими ягодами делали пирожки. Ягоды и зерно связывал глубокий смысл – оба продукта являлись началом новой жизни, обладали свойством сохранять и воссоздавать жизнь и служили символом постоянного возрождения. Как писал В.Я. Пропп, «семя – растение – семя составляют извечный круговорот, который свидетельствует о нескончаемости жизни... К кутье обычно примешиваются ягоды (черемуха, изюм). Ягоды представляют собой тоже семя, облеченнное плодом» [2, с. 16]. На столе также были мясные блюда, колбасы, варили куриные супы, холодцы. Любимым лакомством для детей помимо пряников и конфет были сырнички из замороженного творога с сахаром и сметаной, которые по вкусу старожилы сравнивали с мороженым. И вообще «стол самый лучший на Рождество».

На Святки в Зональном районе приходилось три массовых обрядовых действия – Славление (пели славилки в честь рождения Иисуса Христа) Колядование (пели колядки – отолосок древних магических заклинаний плодородного урожайного года с обращением к главному богу солнца) и Посевивание («посевки» – песни-приговоры во время разбрасывания зерна в Новый год, с тем же заклинанием плодородия и урожая). Отсутствие в начале XX в. на его территории чалдонских и старообрядческих старожильческих сел, в которые фиксировалось только узаконенное церковью славление, и преобладание переселенческого населения позволяет обогатить алтайскую этнографию святочными колядованиями и греховными формами досуга (гадание, ряжение). В народной памяти отложилась определенная последовательность обрядов. В некоторых селах Алтайского края святочные гуляния начинались с Колядок (с кануна Рождества), за ним праздновалось Рождество. В Зональном районе старожилы ставили на первый план Рождество, после которого наступал разгул Колядок до Крещения.

Славление. В отличие от Колядок в славлении участвовали как переселенцы, так и старожилы. Им хорошо осознается смысл Рождества и славление Иисуса Христа: «Бог наш родился» [3]. Ходили славить именно это событие: «православие – есть право славить, славить человека за его дела, то есть славить Христа» [4]. Обыкновенно славильщиками были дети, которых собирались «бывало и с десяток». Славильщики пели легенду о рождении Христа:

«Рождество твое, Христе Боже наш,
Возсия мирови свет разума,
В нем бо звездам служащим звездою учахуся
Тебе клонятся,
Солнцу правды,
И Тебе вадати с высоты Востока.
Господи, слава Тебе» [21]

В Соколово ходили петь «святочные песни», в которых «пели о господе» и они «напоминали молитву» утром 7 января: «эти песни поют, чтоб добро у хозяев было, здоровье». В общеправославной традиции прежде чем славить, спрашивали разрешение. Славильщикам всегда давали копеечку или какую-нибудь «постряпушку», тем самым заклиная благополучие для дома. В селе Новая Чемровка была традиция – первого славильщика сажали на порог, одевая в хозяйственную шубу, для того чтоб у хозяев было богатство. Как известно мех и шерсть в празднично-обрядовой традиции символизировали богатство.

По народному календарю Рождество – начало святочного цикла. Святки же приходятся на конец одного и начало другого календарного года. Поэтому срединным праздником был Новый год. Цикл кончался Крещением. Новый год сейчас один из самых любимых в народе. Но раньше ему не уделялось столько внимания: «Первый день Нового года вместе с началом нового гражданского года Церковь наша отмечает память Св. Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской, отчего и день этот был известен в миру под именем Васильева дня». Васильев день в быту русского народа считался сроком в хозяйственном времязчислении и потому говорили: «Случилось на Васильев день», «От Васильева дня до...» [5].

Посевание. Со дня зимнего солнцестояния день увеличивался и славяне «заклиниали» новый год на хороший урожай песнями. Это же преследовал и обряд посева. В ранний период право на посевание имели только мужчины и мальчики. Посевальные приговорки обычно имели локальное бытование, но первые две строки повсеместно начинались одинаково. И как большинство святочных припевок несли в себе требование-просьбу даров и шуточные угрозы. Одну из посевок спела Абрамова Александра Егоровна (с. Зональное):

«Сею, вею, посеваю,
С новым годом поздравляю.
Не дадите тирога –
Я корову за рога,
Не дадите пышку –
Хозяина на вышку.

Колядование в отличие от Славления в селах Бийского Приобья сопровождалось ряжением. Ряженные сменяли рождественских славильщиков в переселенческих селах. В районах с преобладанием старожилов и особенно старообрядцев переодевание («машкорование») не поощрялось, в этом виделся разгул «нечистой силы». Эта оценка совпадает с отношением и официальной церкви. Колядовщики, как и славильщики ходили с песнями, собирали пироги и святочные припасы. В Соколово «как только стемнеет дети ходили к соседям петь колядки. За это им давали сладости, деньги и др. Поздно вечером ходили колядовать взрослые. Они наряжались в разных животных, да так, чтоб узнать нельзя было» [16]. Этнографы рассматривают колядование как форму коллективного заклятия повлиять на враждебные людям явления природы, а за свои магические колядки и слова участники были вправе требовать награды, хотя исконный смысл колядования давно был [6]. Колядовали только с разрешения хозяев: «Придут к дому, да спросят «Можно поколядовывать?». Как только хозяева ответят: «Можно!» Тут они начинают петь да плясать» [16]. По исконно русской традиции колядовщиков вознаграждались обычно мучными изделиями (пироги, булки), которые являлись обрядовой едой во всех православно-календарных праздниках. Обряд колядования в Бийском Приобье могли совершать все «от мала до велика». Не принято было, как в других населенных пунктах Алтая, разделения на взрослые и детские колядования. Е.И. Вдовина рассказала, что девчонки наряжались русалками, надевали маски, как вспоминают старожилы, «одевались так чтоб напугать». Обряд ряжения сопровождался приговорами: «кишку да ножки в верхнее окошко». Они пошли от традиции переодеваться в животных, имитируя вывернутыми овчиной наружу туулами. Животные маски и наряды преследовали в древности заклятие приплода и здоровья скота. В селе Луговское ряженых называли «шулекины» – широко распространенное на Алтае название. Отличием колядок Зонального района являлось широкое распространение покупных масок, которые приобретались на базарах Бийска и местных ярмарках. Таким образом, в святочные вечера православные славильщики сменялись колядками, носящими более выраженный языческий характер, связанный с зимним солнцеворотом.

Гадания. Святки в Зональном районе называли Страшными потому, что в это время делали попытки узнать свое будущее. В Зональном районе этим занимались в основном незамужние девушки. Пожилые женщины вспоминают, что «гадали на всем, что под руку попадет». На Алтае встречается несколько вариантов определения времени для гаданий, которое состоит из запретов и разрешений на гадание у переселенцев

и категоричный запрет на гадания у старообрядцев. Старожилы Зонального района говорят, что гадали только после Рождества под Новый год, так как в дни христианских праздников (неделю после Рождества) гадать грехно. В целом это соответствует делению Святок на две части – Святые вечера и Страшные вечера, их разделял Васильев день (Новый год). Таким образом, в Зональном районе в Святые вечера старались не гадать, а начиная с Нового года (Васильев день) в Страшные вечера начинались гадания. Следует отметить, что в рассматриваемый период гадания стали носить утрированный личностный характер и сводились к определению личной судьбы, почему в 1920–1930-е гг. гаданием занималось мало мужчин. В более ранний период русской (славянской) истории гадания были призваны узнать об условиях предстоящего сельскохозяйственного года, его результаты (урожай, приплод), поэтому им занимались старики.

В Бийском Приобье зафиксированы более поздние девичьи гадания, во всем многообразии, которое встречается на Алтае повсеместно. Одни гадания преследовали выяснение времени выхода замуж. Всеноародным можно считать гадание с «пимом», так в Сибири называли валенки. Его бросали через ворота на улицу и по направлению носка определяли ту сторону, откуда свататься придут. Если валенок указывал на ворота, то в девках сидеть. С.П. Медникова из Ново-Михайловки гадала с папирисой, клала ее под подушку – кто во сне попросит закурить тот и суженый. Оригинальный способ гадания рассказала А.Е. Абрамова: «Из колодца набрать в рот воды и в доме замесить тесто, сделать лепешку и в печь, а потом дать собаке, если съест, то замуж пойдешь». Другие гадания должны были помочь определить характеры будущих родственников. Для этого гадали с курицей и петухом. По курице определяли будущую свекровь, по петуху – мужа. Заранее в избе раскладывали в разных местах хлеб, кольца, пшено и воду. Если птица выберет воду, то муж или свекровь будет пьяница, если хлеб, то бедняки, если кольца, то богатые, если пшеницу, то тяжелая жизнь на чужой стороне. Многие гадания должны были предсказать достаток мужа. Гадали с овцами: в хлеву ловили овечек с закрытыми глазами, если попадалась лохматая овца, то муж будет богатый [1]. Самым страшным считалось гадание в полночь перед зеркалом, которое выводило на сатанинские силы.

О мужских гаданиях рассказывали меньше, но они тоже касались попыток заглянуть в свою судьбу. Попов Василий Иванович помнит, что в Н.-Михайловке гадали и парни. Таким гаданием было привязывание ниток к матке. Нитки поджигали – чья быстрее сгорит, тот быстрее всех вступит в семейную жизнь [8].

Окончание Святок – Крещение (19 января) отмечалось в честь крещения Господа Иисуса Христа в реке Иордан. Смысл этого праздника был в омовении святой водой через очистительные обряды. В народе считают, что в этот день «вода свята всюду». Это убеждение характерно для переселенцев, которые пришли из степных, мало обеспеченных водой губерний Центральной России и Украины. На Алтае им тоже достались земли зачастую с искусственными водоисточниками, т.к. земли вокруг естественных (реки, озера) были уже заняты. В старину праздник называли Водокреши, а иногда Иордань. На Крещение ходили в церковь, чтобы очиститься от того плохого, что делали на Святки и обязательно набирали воду, которую освящали священники. В.И. Загородников (Новая Чемровка) рассказал, что рубили прорубь, освещали, а затем обмывались в ней [9]. Люди верили в очистительную и целебную силу воды. Некоторые старожилы верят, что накануне Крещения в самую полночь надо набрать воды и она не испортится, и способна излечить от разных недугов.

Весенне-летний цикл народных праздников также был богат обрядностью. Одним из первых больших праздников этого периода является Масленица. Она отмечается в течение недели перед Великим постом за 56 дней до Пасхи (не ранее 25 января и не позже 28 февраля). Масленица была буквально расписанная по дням недели. Еще И.П. Сахаров писал: «Русский народ свою Масленицу величает: честной, широкой и веселой. Все дни недели имеют свои названия: понедельник – встреча, вторник – заигрыш, среда – лакомка, четверг – разгул или перелом, пятница – тещины вечерки, суббота – золовкины посиделки, воскресенье – проводы» [10].

Этнографы отмечают, что на Алтае Масленица отличалась значительно большей пышностью и размахом, чем в Европейской России. Ее называли «Веселая Масленка», «Всем веселье и старикам, и ребяташкам» (фото 1, 2). С каждым днем недели были связаны определенные обрядовые действия. Но, к сожалению, экспедиционные исследования показали, что в Зональном районе со временем многие обычаи утратились, старожилы помнят, что масленичный разгул начинался только с четверга. Кроме того, многие обряды, характерные для Масленицы в других регионах Алтайского края, в Бийском Приобье отсутствовали. В частности, на территории Зонального района не были зафиксированы массовые кулачные бои, которые, по-нашему мнению, получили большее распространение в населенных пунктах с выраженным контрастными этногруппами (мордва и куряне, кержаки и рязанские) или в селах, расположенных рядом. Только в Соколово вспомнили, что «дрались обычно стенка на стенку. Борьба шла между краями деревни: то «собачий» с «сибирским», то «сибирский» с «питерским». Драться начинали маленькие хлопцы, они были заводилами, за ними, кто постарше и т.д. В каждом kraю были свои силчики, которых специально приглашали на бой. В кулачном бою были свои правила: лежачего не бить и драться до первой крови» [18]. Отсутствовали также снежные городки, катание с гор в Прощенное воскресенье, которые были широко распространены в предгорной и горной части Алтая, где этому способствовал рельеф местности. На территории Зонального района в XX веке традиционное масленичное занятие – взятие снежного городка трансформировалось в обычай лазить по столбу за призом. Повсеместно в селах устанавливались высокие столбы до 10 и более метров, на самом верху которого прикреплялся подарок. По словам Е.И. Вдовиной, на столбы вешали сапоги и шапки [7].

Зато на территории Зонального района в Масленицу повсеместно было распространено катание на лошадях – самое любимое масленичное развлечение (менее представленное в горных и предгорных районах). Ему повсеместно отводилось три последних дня масленичной недели, недаром, старые жители района и помнят разгул с четверга. Как правило они проходили в виде массовых катаний юношей и девушек на украшенных санях (кошевах), либо в виде состязаний – бега «верхами» (на Алтае называли состязания «бегова»). «Лошаденок» тщательно готовили к Масленице. Кони, на которых катались были ухожены. Их украшали бубенчиками, колокольчиками, лентами. В Соколово также любимым занятием было катание на лошадях: «санки и упряжь лошадей тщательно готовили. В сани запрягали пару быстрых коней, на них надевали вожжи с кисточками, вешали колокольчики-шаркунцы. Была специальная резная дуга, которую расписывали яркими красками – красными, желтыми, зелеными». При этом, по словам А.С. Рыбниковой, детей катали в пятницу, а молодые катались в субботу и воскресенье: «Круг на лошадях давали по ул. Кирова, доезжали до заводских ворот и ехали обратно. Так же ездили в Савиново и Комарово» [17]. В селе Луговское даже раньше была Масленицкая улица, по которой ездили на лошадях. Кататься на лошадях можно было верхом и в санях. Старожилы сообщают, что катались и на привязанных шкурах. Ездить на лошадях можно было всем. Особенно это занятие любили дети. Молотова Прасковья Дармидовна из села Новой Чемровки вспоминала, что для ребятишек ставили короб на сани и запрягали «дохлую лошаденку». По сообщению М.Т. Шакалова, каждый год на Масленицу кузнецы изготавливали новые сани, а дети должны были их обкатывать. Специально для этого кто-нибудь из зажиточных сельчан давал свою лошадь [11].

В Зональном районе широко были распространены бегова. Для этого использовали специальных коней-бегунов, которые принадлежали богатым сельчанам. Сами хозяева в этих соревнованиях не участвовали, так как для этого были ездоки. Хозяева ехали следом за ездоками. В Бийском Приобье при скучности поселений широкое распространение получили бегова по дорогам между деревнями (в других районах обычно фиксируются бегова за деревней). Как рассказывали в Луговском, «Бегова» устраивались по дороге из Луговского к Шубенке: уезжали километров на пять, а возвращались «бегом». Выигрывал тот кто проворнее и быстрее. В награду давали денежный приз «рублев сто». Приз делился между хозяином бегуна и ездоком по договору. На масленичном гулянии в современной Новомихайловке уже много лет семья Мед-

никовых показывает ткацкий станок. Сама Степанида Прокопьевна говорит: «Ну так в старину было», — и умеет на нем работать.

Неуемному веселью способствовала и традиция народных аттракционов. Для этого во время Масленицы в селах устанавливались качели и карусели. В селе Новая Чемровка вкапывали толстый кол, сверху надевали колесо (тележное, к нему обычно прибивалась крестовина), к которому привязывали сани (к крестовине). В сани сажали девушек и детей и так кружились (парни раскручивали колесо).

Прощеное воскресенье (последний день) в Зональном районе в отсутствии снежных городков, их взятии и масленичных поездов ряженых запомнилось сжиганием чучел. Их делали к вечеру последнего дня из соломы. Обычно этим занималась молодежь и дети. Соломой набивали одежду. Чаще всего чучело было представлено в виде женщины. Чучело олицетворяло зиму, холод, смерть. Е.И. Вдовина рассказала, что в Шубенке бывало по 2 и по 3 чучела: «несли за деревню и там жгли» [7]. В Зональном районе существовали и традиционные «игры с огнем». По словам М.Б. Петергеревой (с. Зональное), чучело обычно стояло на одном месте, вокруг него водили хоровод и пели, а «когда чучело горело, крепкие парни даже перепрыгивали его» [12]. Как известно традиция разводить костры и прыгать через них — это обычное явление древнего солярного культа. А прыжки через огонь были связаны с очищающей функцией огня. Наконец, в Прощеное Воскресенье все возрастные категории населения просили друг у друга прощение: «дети у родителей — родители у детей, даже на могилы ходят». Поэтому частью праздничной обрядности являлось посещение родных и близких и в первую очередь родителей.

Как и для любого другого календарного события важнейшей составной частью масленичных гуляний являлась обрядовая пища. Атрибутом Масленицы являлись блины, которые должны были печься всю неделю. На блины звали гостей и блинами везде угощали. Блины являлись ритуальным блюдом: круглый блин является олицетворением солнца, тепла, приходящей весны. Русские блины бывают нескольких сортов: чисто гречневые, гречневые блины с пшеничной мукой, постные русские блины, царские блины. А Е.И. Вдовина делала 2 сорта блинов: одни на дрожжах с яйцами, мукой и молоком, другие — с яйцами, мукой, молоком и маслом [7]. Так как Масленица была признана Православной Церковью и называлась — Сырной (Сыропустной) неделей, т.е. по церковным канонам разрешалось употреблять в пищу все, кроме мяса, то делали уху, жарили рыбу, варили супы, употребляли молочные продукты.

Самым главным праздником весны являлась Пасха — самый большой православный праздник — это Воскресение Господа Иисуса Христа. Пасха подвижный праздник и его дата зависела от дня весеннего равноденствия. Поэтому она отмечается в первое воскресенье после полнолуния, наступающего вслед за равноденствием (после 4 апреля до 8 мая по новому стилю) [13]. Церковь призывает всех к радости. Пасхе предшествует Великий пост, который обязательно соблюдался. Считали «то, что в Масленку наели до Пасхи хватит». Поэтому основными блюдами поста были каши на воде, пресный хлеб, варили овощные супы — мясо не ели, не ели масло. Особенно пост становился строгим в последнюю неделю перед Пасхой. Эта неделя в народе называется «страшной» (страстная). Страстной неделе предшествовал праздник Вербное воскресенье. Е.И. Вдовина отметила, что Вербное воскресенье — большой день: рвали вербу, освящали ее, ставили к «божничке», а в мае выгоняли ю скот, носили на кладбище родителям. Никакое другое растение не использовали. Вербу хранили в течение года [7].

С понедельника страстной недели начиналась уборка домов, хлевов, сараев. Все готовились к встрече Светлого праздника: «Страшной понедельник идет — всю дорогу вербой метет». Мытье и чистку заканчивали в четверг, который называется до сих пор чистым. В Чистый четверг вставали до восхода, чтоб смыть с себя все плохое. М.А. Лахина (с. Новая Чемровка) рассказала: «Когда я была ребенком, то рано утром бегала к озеру, обкупывалась, хоть и было холодно, но зато не болела». По мнению Е.И. Вдовиной, в чистый четверг надо мыть глаза. С этого дня из опасения «засорить глаза лежащему во гробе Христу» — не принято мести пол вплоть до Светлого праздника. Православная составляющая включала в себя посещение церковных служб, прежде всего Всеношную,

пасхальные приветствия «Христос Воскресе – Воистину Воскресе!», молебны, крестные ходы. В отличие от предыдущих праздников она не сопровождалась большим разгулом страстей. Но как говорят старожилы, всех объединяло большое светлое чувство.

С пятницы «страшной» недели начинали приготовление к праздничной обрядовой трапезе. Прежде всего это проявлялось в обычаях красить яйца. Яйцо, как и зерно с далеких времен являлось символом плодородия, жизни и ее продолжения. Это же символизировал красный цвет, в который красили яйца. В качестве красителя повсеместно использовали луковое перо. Но как и в других случаях семантика обряда забыта. Как сказала Е.И. Вдовина: «Яйца красные по закону». Стряпали из творога праздничные пасхи, вся остальная выпечка называлась куличами. Наготовливали много пирожков с начинкой из сущенных ягод, как и на Рождество. Готовили мясные блюда, так как кончался пост. В субботу православные верующие ходили в храм для освящения яиц и пасок. Но ни к одному блюду до наступления воскресения не прикасались. С наступлением Воскресения начиналось разговение (окончание строгого поста). В этот день было «не принято гулять и пить».

Самыми распространенными обрядовыми действиями в Святое Христово Воскресение и последующие дни Пасхальной недели были качели и игры с яйцами, которые, по мнению этнографов, в народной культуре ассоциировались с весенным возрождением природы. В Зональном районе зафиксировано несколько вариантов «катания яиц». В.И. Попов упомянул о том как играли с яйцами на траве: «Один катит свое яйцо в кучу других и чье заденет – забирает себе» [8]. Второй аналогичный, только катали с горок по наклонной, чье яйцо дальше укатится, тот и выиграл. При третьем варианте катали по желобку – сверху вниз, чтобы яйцо не выпало. Победитель забирал себе все яйца. В селах района в обычаях было делать «качули» (качели). Этнографы считают, что традиция пришла от древних славян и связана с тем, что «взлеты» на качелях должны были ускорить рост посевов. Они изготавливались из деревянных досочек, которые закреплялись с помощью веревок. Часто «качули» прикрепляли в проеме ворот.

Через семь недель после Пасхи в России 1920-х гг. встречали Троицу (праздновали три дня). В этом празднике также прослеживаются две части – православная и древнеславянская с культом растительности и земли, а точнее молодой расцветающей природы. Е.П. Терентьева из Соколово сказала, что на Троицу земля травой покрывается. Символом этого торжества на Алтае является береза. Повсюду церкви и дома украшались в этот день ветками березы – как в деревнях, так и в городах. Очень редкая традиция встретилась в селе Луговское. Этнографы фиксировали, как одну из составляющих троичный праздник, традицию красить яйца. В Луговском сказали, что на Троицу красили яйца в зеленый цвет (скорее всего березовыми вениками, такой покрас старожилы называли также при описании покраски пасхальных яиц).

За насыщенность различными обрядами: гуляниями молодежи, которые выносились за деревню на природу и сопровождались гаданиями, Троицу часто называли Зелеными Святками. Старожилы говорят, что в первый день «ни стирали, ни убирали, вообще ничего не делали». Главным содержанием Зеленых святок являлись обрядовые действия с березой. На второй день Троицы, по словам В.И. Попова, ходили в рощу «завивать березки»: сплетенный венок закреплялся вокруг ствола дерева (завивали вокруг ствола), «по этим венкам девушки загадывали о своей судьбе, бросая их в воду» [8]. Е.И. Вдовина сказала что считали, если венок разовьется, «то замуж неходить» [7]. А в Соколово «девушки плели из цветов и травы венки и бросали в воду, при этом загадывали желание. Если венок остался на воде, то желание сбудется, а если потонул, то нет» [17].

Иванов день, или день Ивана Купалы (7 июля) венчал макушку лета, солнце делает первый поворот на зиму. В христианской религии день Купалы совпадает с днем рождения Иоанна Крестителя. На Иванов день было принято не только обливаться, но и купаться. Сами взрослые старались не обливаться и считали это забавой для детей. Но все же, как сами говорят, «если тебя облили, то ругаться нельзя». М.Б. Петергерева пояснила: «Обливали всех встречных поперечных» [12]. Обливание водой связано с очистительным культом воды. По народной оценке, именно с Иванова дня до

Ильина можно купаться. С этого же дня начинали сбор лекарственных трав. Обрядов с разведением костров и прыжков через них, которые сопутствовали в древности празднованию Купала на территории Зонального района не зафиксировано. С Ильина дня (2 августа) считалось, что природа начинала увядать, ночи становились длиннее и холоднее. Все старожилы говорят что после этого дня в воду заходить нельзя. С этого дня начинались уборочные работы.

В традиционном народном календаре в августе чествовали трех Спасов. В Зональном районе помнят хорошо только одного — медового, что свидетельствовало о развитом пчеловодстве. В медовый Спас — качали мед. Второй — яблочный Спас и третий — арбузный (в Европейской России) или ореховый (в Сибири) не были известны, что можно объяснить отсутствием природных условий для развития садоводства и для занятия ореховым промыслом (кедр). Орехи местные жители покупали на рынках Бийска, куда они поступали из горных районов Алтайского округа.

К концу августа — началу сентября начиналась напряженная уборочная страда. К Покрову (14 сентября ст. ст. — 1 октября н. ст) все сельскохозяйственные работы должны были окончиться. «Все подбирается на зиму и уже хорошо подмораживает», — сказала М.Б. Петергера. Покров, являлся чисто православным праздником и поэтому не сопровождавшийся народными гуляниями, ходили в церкви: «Молились, не гуляли» [12]. «Девушки, — говорит М.И. Кукастелла, — должны в церкви у Богородицы просить хорошего мужа; надо говорить: «Покрой голову мою, Святая Дева» [3]. У старожилов были и свои приметы: если на Покров зима, то и настоящая зима будет снежная; на Покров дождь — зима холодная.

К этому времени осень полностью вступала в своих права, еще через месяц наступала зима. В ноябре все работы прекращались до весны. У крестьян появлялось свободное время, а значит, наступало время отдыха. В ноябре (28) до января (7) вновь начинался Рождественский (Филиппов) пост, а с ним запреты на веселье, на праздную пищу. «Веселиться-то грехно, Святки придут — веселись», — сказали супруги Поповы [8]. А с наступлением Святок снова начиналось гуляние, разгул и веселье. И так было всегда, из года в год. Время совершило свои круги.

В целом, можно отметить, что календарная обрядность на территории Зонального района сохранилась яркими фрагментами. Как известно народный календарь дольше и лучше сохранялся в чисто крестьянской среде. А на Алтае этнографы отмечали лучшее ее развитие в переселенческой среде. У старожилов календарная обрядность носила более сдержанный характер, особенно у старообрядцев, которые установили жесткий запрет на всякие игрища, резкое неприятие каких-либо языческих традиций и жесткое следование только православным канонам, предполагавшими церковные обряды. Поэтому у староверов она фактически не фиксируется. Жители Зонального района сохранили элементов календарной обрядности и ритуалов обязаны переселенцам второй половины XIX — начала XX вв. В связи с этим необходимо подчеркнуть особую перспективность изучения переселенческих сел Алтая, в который наиболее реализовывалась празднично-календарная традиция, что позволяет реконструировать ее локальные варианты. В Бийском Приобье лучше сохранилась календарно-обрядовая сторона праздников зимнего и весенне-летнего цикла, которые имеют своеобразие. На это влияли особые лесостепные равнинные условия и преобладание переселенцев. Среди распространенных обрядовых элементов — рождественские славления, колядования, посевания; святочные ряженья и гадания; масленичные бегова и катания на лошадях; скижание кукла и карусели в масленичную неделю; пасхальных качели и обрядовые игры с яйцами, троичные завивания венков и гадания, обливание и купание в Ивана Купалу. Слабее представлена позднелетняя и осенняя древнеславянская обрядность при сохранении памяти о традициях православных праздников.

В заключение необходимо отметить, что с изменением уклада жизни алтайской деревни, пережившей эпоху воинственного атеизма и насильтственного разрушения традиций крестьянского общества многие календарные обряды трансформировались и стали архаическим явлением. Большая часть обрядов потеряла первоначальное аграрно-магическое назначение, многие элементы обряда вырванные из контекста самого

ритуала потеряли свое духовно-воспитательное значение. Например, этнографы отмечают, что некоторые обрядовые песни превратились в песни-попрошайки, детские забавы и игры. Мало, кто помнить богатую палитру народных празднеств, формы народных гуляний и способов прославления физической силы и крестьянской смекалки. Поэтому записи рассказов старожилов, осуществленные на рубеже ушедшего XX и нового XXI столетий представляют огромную ценность.

Престольные праздники

У крестьян до начала XX века сохранилась традиция многих коллективных праздников, которые отражаются в престольных (храмовых, съезжих) праздниках. В Зональном районе еще известных как оброчных праздников. Старики Шубенки по старинке называли престольный праздник Девятой пятницы «оброчным», т.к. в этот день они преподносили священнику на содержание причта продукты, зерно и т.п.

Съезжие праздники по русскому православному обычая были посвящены событиям из жизни Христа, Богоматери или Святым. В каждом селе был свой престольный праздник, выбранный для «съезда» один из больших православных праздников. Очень часто несколько населенных пунктов (деревень) составляли один приход и имели общую главную церковь в селе. Праздничная служба проводилась в самом селе в дни святых, кому была посвящена церковь. А остальные праздники расписывались поочередно по деревням, относящимся к данному приходу. На него собирались все прихожане. На престольный праздник в Комарово устраивали крестный ход из церкви Соколово в Комарово: «В Соколовской церкви было много икон, были маленькие, а были и большие, которые так и стояли на черешках. На Троицу из Соколово несли иконы в Комарово. Это называлось поднятие икон. После службы иконы несли обратно. Так проходил крестный ход» [17].

А если учесть, что села Бийского Приобья расположены близко относительно друг друга, то престольные праздники на территории Зонального района представляли собой многолюдное событие, которое проходило в той или иной деревне согласно очередности. Они сводились к «веселию», «гулянкам» приезжавшего из окрестных деревень люда и играли важную роль для общения родственников. В Соколово на Рождество приезжали «все родственники, друзья из близлежащих сел на службу (в церковь). После службы все расходились по родственникам и отмечали праздник» [15]. Те, кто приезжал из другой деревни старались взять как можно больше народа. Холостая молодежь имела возможность присмотреть себе пару для сватовства. Обычно праздник длился от 2–3-х дней до недели – в зависимости от календарных дат и связанных с ними текущих земледельческих работ.

Всем приехавшим оказывалось особое гостеприимство. Стол должен был быть с богатым угощением, так как кульминацией праздника считалась коллективная трапеза. Праздничный стол обязательно включал мясные блюда, солонину, булочки, пирожки, супы. Варили самогон, готовили пиво на хмель. Но пили мало, «символически» [7, 23].

Во время праздника в селах, как правило, проводились ярмарки, которые возникали вследствие большого скопления народа. На территории Зонального района хорошо сохранилась традиция престольных праздников. Все старожилы с легкостью объясняют значение престольного праздника и связанных с ним обычая. «Сегодня в Луговском престол – Михайлов день. Вот мы все собираемся и едем к сватам. Там дочь моя замужем. Мы у них дня два гуляем, поем и пляшем. Нам весело. Потом домой. А они к нам на Петров день приедут», – рассказала Е.И. Вдовина. Известный этнограф Е.Ф. Фурсова приводит сообщение жительницы Шубенки Т.И. Шадриной (1911 г.р., переселенки из Рязанской губернии), что в «В Шубенке праздник был Покров в честь Покровской церкви... К нам съезжались: приезжали разные родственники и знакомые из деревень Безруковой и Чемровки. Тетка Зиновия из Чемровки была взята, няня Анютка в Чемровку выходила замуж... Вот уже сколько там сватов-то! Вот они все и приезжали. Родственные связи крепкие были» [14].

В селе Новомихайловка престольный праздник был Михайлов день. Старожилы связывали его с основанием села. Как рассказали супруги Демины: «Был поп Михаил,

который сказал: «Пускай село будет названо Михайловкой, в честь того, что у меня сегодня день рождения. Так и назвали». Как говорят старожилы, «приезжали сваты, дочери, сыновья», дома оставались старики и маленькие «ребяташки». И действительно, в многочисленных описаниях престольных праздников хорошо чувствуются традиции отдыха и народных гуляний. Так, в Савиново на Петров день в престольный праздник ставили карусель. И после службы молодежь и дети катались на ней. Карусель состояла из металлической круглой основы, к которой были приделаны деревянные люльки. К каждой люльке были прикреплены украшения в виде металлических кованых лошадей. Над каруселью натягивали палатку.

Таблица 1
Престольные праздники Зонального района
(по устным источникам)

Соколово	Рождество	7 января
Савиново	Петров день	12 июля
Комарово	Троица	Проходила по числам
Шубенка	Петров день	12 июля
Старая Чемровка	Михайлов день	21 ноября
Новая Чемровка	Ильин день	2 августа
Новомихайловка	Михайлов день	21 ноября
Луговское	Михайлов день	21 ноября

Государственные (светские) праздники

В советское время на смену религиозным праздникам пришли светские. Но в организации массовых праздников Советская власть опиралась на народную традицию соборности (коллективности), массовом единении народа. Это единение организовывалось в рамках единого производственного коллектива (колхоз, совхоз, отделение, ферма). Особенно популярны были празднования всем «колхозом», «деревней» и очень часто с «выездом на природу» (к реке, в лес), так называемые «пикники».

На советских массовых праздниках руководство управления коллективом (колхоз, совхоз, ферма) организовывало праздничную распродажу промышленных товаров; политические организации (партия, комсомол, пионерия) готовили праздничные программы с выступлением народных коллективов и конкурсами. На них проводились застолья, шутливые состязания. «Пикники» на природе полюбились советской деревне, прочно вошли в жизнь села и стали частью образа празднично-трудовой жизни. В определенной степени они заменили функции народных гуляний – на них молодежь знакомилась, подбирала пару.

Особенностью Зонального района является то, что значительная часть его территории была зоной опытной селекционной станции, которая являлась филиалом Киевского селекционного научно-исследовательского института сахарной свеклы. Это особо внесло организованность и размах праздников, связанных с какими-либо сельскохозяйственными работами, будь то уборка или посев урожая с участием государственных учреждений. Праздники проходили в виде выездных дней или субботников. В Зональном районе реализовывалась советская традиция массовых гуляний по поводу окончания сезонных производственных циклов (праздник первой борозды, праздник урожая и т.д.). И.Е. Егоркин рассказывал, что после уборки урожая всегда ездили на поля со своей гармонью и был «главным человеком» колхозного праздника. М.Б. Петергера сказала, что всегда были «полугодия», когда отмечали передовых рабочих [12]. Календарные праздники в советское время были приурочены к революционному прошлому России или крупным государственным событиям и проводились организованно, с опорой на массовое участие (демонстрации, линейки, торжественные собрания, показательные награждения передовиков труда).

В заключение необходимо заметить, что изучению жизни крестьянского общества в советское время уделяется неоправданно маленькое внимание, разрушаются памятники советской эпохи, образцы монументальной живописи и т.д. Если не обратить на это внимание, то историкам будущего придется также по крохам собирать материал, как выглядел колхозный клуб или мемориал погибшим в годы гражданской войны, как проходили колхозные вечеринки и какие существовали традиции общения на них и т.д., как делается это сейчас в отношении традиционной крестьянской культуры.

Литература и источники

1. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2002 г.: Зональный район. Новомихайловка. Кремнева З.И., 1927 г.р., кассета № 106.
2. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. Л.: ЛГУ, 1963.
3. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2002 г.: Зональный район. Шубенка. Кукастелла М.И., 1930 г.р., кассета № 100.
4. Там же. Зональное. Косицына А.М., 1930 г.р., кассета № 80.
5. Калинский И.П. «Церковно-народный месяцеслов».
6. Поззия крестьянских праздников / Вступ. статья, подготовка текста И.И. Земцовского. Л.: Сов. писатель, 1997. С. 12.
7. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2002 г.: Зональный район. Шубенка. Вдовина Е.И., 1920 г.р., кассета № 94.
8. Там же. Ново-Михайловка. Попов В.И., 1929 г.р., кассета № 104.
9. Там же. Новая Чемровка. Загородников В.И., 1921 г.р., кассета № 6.
10. Сахаров И. П. Народные праздники и обычаи. М., 1991.
11. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2002 г.: Зональный район. Зональное. Шакалов М.Т., 1938 г.р.
12. Там же. Шубенка. Петергерева М.Б., 1924 г. р., кассета № 79.
13. Праздник Святой Пасхи. – М., 1991.
14. Фурсова Е.Ф. Традиции проведения сельских престольных праздников в Приобье (конец XIX – начало XX в.) // Вопросы краеведения Новосибирска и Новосибирской области. Сборник научных трудов / Ред. Л.М. Горюшкин, В.А. Зверев. Новосибирск: Изд-во СО РАН НИЦ ОИГТМ, 1997. С. 176.
15. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2002 г.: Зональный район. Комарово. Волобуева В.Г., 1920 г.р., кассета № 53.
16. Там же. Соколово. Слаженинина Е.А., 1915 г.р., кассета № 42.
17. Там же. Рыбникова А.С., 1909 г.р., кассета № 50.
18. Там же. Кузнецов Н.А., 1918 г.р., кассета № 54.
19. Там же. Терентьева Е.П., 1915 г.р., кассета № 49.
20. Там же. Новомихайловка. Медникова С.П., 1935 г.р., кассета № 106.
21. Там же. Зональное. Абрамова А.Е., 1931 г.р., кассета № 80.
22. Там же. Новая Чемровка. Лахина М.А., 1936 г.р., кассета № 9.
23. Там же. Новомихайловка. Демин Г.А., 1928 г.р., Демина М.Ф., 1929 г.р., кассета № 105.

А.Е. Колбашев

НАРОДНЫЕ ИГРЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЗОНАЛЬНОГО РАЙОНА

Народные праздничные гуляния, игры и забавы были неотъемлемой частью жизни как сельского, так и городского жителя. Но деревенские гуляния отличались размахом и красочностью. Люди играли не только по праздникам, но и в будние дни.

Одной из таких повседневных и довольно распространенных игр был «кулик». В разных селах эта игра называлась по-своему. Например, в Зональном она известна

как «матка». Так же встречаются названия «чиж» или «чижик». Правила «кулика» в каждом селе различные. Однако, по устным источникам, можно выявить общие характерные черты этой игры. По воспоминаниям Е.С. Мухлыниной: «Клали кулик на землю, брали лаптушку и ею били по кулику, тот подлетал и лаптушкой как вдаришь, и он далеко полетит» [1]. Сам кулик (или чиж) представлял собой заостренную с обоих концов палочку длиною примерно в четверть аршина. До начала игры участники, чтобы определить очередность «битья по кулику», рассчитывались. Перед игрою договаривались: «Если кто не сделает десять ударов палкой по кулику, то должен бежать на кули и скачку». «Бежать на кули» – означало бежать от круга, в котором первоначально находился кулик до места его падения. При этом бежавший должен был кричать: «На кули, кули». «Бежать на скачки» означало проделать тот же беговой маршрут, но на одной ноге. «Первый игрок начинает бить кулика с одного какого-либо заостренного конца и старается сделать еще несколько ударов в воздухе и потом отбивает кулика. За ним бьет второй и т.д. Кто скорее всех сделает 10 ударов, тот и оканчивает игру.

Другой, похожей на кулик игрой были «насты», в которой вместо кулика был мяч. М.Т. Шакалов вспоминал, что «народ делился на две команды: одна в поле, одна водит. Подкидывали мяч и били лаптой, если ловили, то менялись, если нет: тот, кто бил, бросал лапту и бежал на другой конец, если успел, то выиграл» [2]. Мяч был самодельным. Его «вязали из шерсти и ниток». Мяч использовался и в других народных играх, например, при игре в «котел». Михаил Трофимович рассказывал, как детьми они «любили играть в котел». Выкапывали яму, клали туда мячик. Вокруг этой ямы делали еще несколько ямок. Выбирали, кто будет водить. Остальные пытались вытащить палками мяч из ямы и закатить в одну из тех, что вокруг. Задачей водящего было помешать игрокам перекатывать мяч.

Помимо спортивных игр были и азартные, которые принадлежали к запрещенным. Однако это не влияло на их популярность. М.Т. Шакалов назвал две такие игры: «орел» или «орлянка» и «пристенок». У «орла» были довольно простые правила: «Подкидывали вверх монету и отгадывали, что выпадет: «орел» или «решка». «Пристенок» же имел чуть более сложные и интересные правила: «Кидает монету об стенку так, чтобы отскочило недалеко от первой монеты. Надо было дотянуться пальцами (мизинец ставится на одну монету, а на другую надо будет большим пальцем), дотянулся – забирает монету, не дотянулся – забирает другой» [2]. По воспоминаниям информатора, игра настолько увлекала, что многие проигрывали даже собственную одежду.

Хотя все эти игры не имели возрастного ограничения, молодежь постарше предпочитала проводить вечера в иной форме. Они устраивали вечерки. На вечерках молодые парни и девушки, как правило, играли в парные игры: «Прятали колечко, обязательно играли на гармони: все пляшут, танцуют». И.В. Волокитин рассказывал, что «договаривались со вдовами: вечером у тебя проведем, я тебе принесу литр керосину». На вечерке «народу понабывается, что сесть негде было» [3].

Иван Васильевич рассказал об игре в «номера» и «колушки». Эти игры довольно известны в народе. Номера так же могли называться «ремни»: «сидят парень и девушка, девушка на коленях у парня. Один парень без девушки. Он кричит номер, девушка соскакивает и бежит к нему. Если не успевала – били ремнем». Но как утверждал Иван Васильевич – «потихоньку». Игра в «колушки», в отличие от номеров, играли с маленькими детьми. «Детей садили как колушки, а взрослые должны были захватить «колушки». Дети сидели лицом в круг, а за ними («колушками») стоит своя хозяйка. Затем начинается продажа «колушков». Когда покупатель и хозяйка договариваются, они начинают бежать вокруг «колушков», хозяйка бежит в правую, покупатель – в левую. Кто первый прибежит к «колушке», тот остается его владельцем. Если покупатель прибежит последний, то идет покупать у другой хозяйки.

Все эти игры были для сельского населения дружным и веселым времяпрождением. Они позволяли отвлечься от работы.

Источники

1. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2002 г.: Зональный район. Комарово, Мухлынина Е.С., 1927 г.р., кассета № 53.
2. Там же. Зональное. Шакалов М.Т., 1938 г.р.
3. Там же. Буланиха. Волокитин И.В., 1928 г.р., кассета № 76.

Г.В. Кидяева

ПРАВОСЛАВИЕ В КРЕСТЬЯНСКОЙ СРЕДЕ БИЙСКОГО ПРИОБЬЯ В XX ВЕКЕ: ПО МАТЕРИАЛАМ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 2002 ГОДА

Проблема религиозности русского населения носит сложный и многогранный характер. На протяжении XX столетия, такие факторы, как христианская традиция, меняющаяся идеология, взаимоотношения церкви и государства обусловили как в целом специфику религиозного мировоззрения, мироощущения христианского населения, так и специфику восприятия православия в среде русского населения. Учитывая единство религиозного православного вероучения свои особенности восприятия православия в условиях материальных, бытовых, культурных различий сложились в каждой социальной группе. В ходе историко-этнографической экспедиции 2002 г. под руководством д. и. н., профессора Т.К. Щегловой были собраны и проанализированы устные материалы по проблеме восприятия православия в крестьянской среде Бийского Приобья.

Начало XX в. представлено религиозным мировоззрением в крестьянской среде, сохранением базовых религиозных ценностей, культовых православных традиций. Одним из показателей религиозной православной культуры населения является строительство церквей. Так, в 1893 г. на территории современного Зонального района церковные приходы были в селах Буланиха, Шубенка, Плешково, Соколово, Савиново, Новая Чемровка, Луговское. Один из информаторов рассказал: «В праздничные дни, люди в траурных одеждах, молодые и старые направлялись по тракту в сторону Бийска. Это люди идут молиться к «крестику». Раньше здесь в 7 км от с. Буланиха стояла часовня, которая была построена по случаю эпидемии. В 1892 г. в селе вспыхнула холера. Смерть косила людей как траву. За короткое время вымерло полсела. Когда эпидемия утихла при помощи врачей, крестьяне дали обет ежегодно славить Бога, что помог избавиться от черной болезни. За селом и была построена эта часовня, в которой совершились молебны до 1930 года» [1]. В н. ХХ в. в связи с увеличением численности населения в старых селах растет и количество церквей. Так, например, в с. Новая Чемровка, кроме церкви св. Ильи, к 1911 г. была построена еще одна церковь. Позже, по воспоминаниям местных жителей, на сельском кладбище была построена часовня. Особое отношение к храму, забота населения о том, чтобы в каждом населенном пункте был свой храм свидетельствует об особом отношении верующих к церкви. Храм в православной крестьянской традиции, способствующий приближению человека к богу, это не только место свершения основных православных обрядов, но и духовный центр верующего православного населения. Согласно рассказам информаторов, церковь посещали, в основном, в свободное от работы время: зимой и осенью. Вместе с тем обязательным оставалось посещение церкви в религиозные праздники и по воскресеньям. Информатор вспоминает, что почти все жители села собирались на церковную службу в праздники Пасхи, Рождества. На Пасху около Ново-Чемровской церкви устраивалась карусель для катания детей и взрослых.

Установление советской власти, выразившееся в последовательном наступлении на церковь, привело не только к утрате многих элементов православной культуры, но и к катастрофическому сокращению храмов в 1930-е гг. по всей России. На территории Зонального района Постановлением оргкомитета ВЦИК от 8 мая 1938 г. была закрыта церковь в Савиново [2]. Исполнительный комитет Алтайского краевого Совета депутатов

трудящихся 5 августа 1940 г. принял решение о закрытии церкви в Новой Чемровке: «Учитывая, что религиозная община Ново-Чемровской церкви распалась, лиц, желающих взять помещение церкви в аренду не имеется, и большинство населения 1416 чел. из 1700 чел. изъявило желание о закрытии церкви – крайисполком решил: ...церковь в с. Новая Чемровка закрыть и передать сельскому Совету для приспособления под культурно-просветительные цели» [3]. Относительно Михайлово-Архангельской церкви в Буланихе оргкомитет ВЦИК по Алтайскому краю г. Барнаула 14 марта 1939 г. вынес решение: «Церковь ...закрыть и помещение церкви передать сельскому Совету для культурно-просветительных нужд» [4].

Антирелигиозная политика властей выражалась в мощной агитационной кампании 1920-х – начала 1930-х гг. против церкви. В качестве агитаторов выступали, в основном, местные коммунисты, движимые верой в правоту собственных убеждений, а также сельские учителя, для которых агитационные кампании чаще всего были необходимо-стью по долгу службы. Антирелигиозная пропаганда накладывала определенные штампы на восприятие как религии, так и церкви. Об этом свидетельствуют материалы протоколов общих собраний. Например, 3 марта 1938 г. на общем собрании колхозников им. Куйбышева, С.Е. Зяблицкий, в русле ненавистнического отношения к религии как к проискам контрреволюционных сил заявлял: «Церковь – это такая организация, которая через посредство своих агентов-служителей культа затмляет трудовое крестьянство и вообще массы. Иногда церковь со своими всевозможными праздниками, как-то: Пасха, Рождество, Троица, ряд других праздников делают, т.е. наносят ущерб... нашему социалистическому хозяйству» [5].

О результатах пропаганды, а также мощного идеологического давления на общественное сознание свидетельствует инициатива в среде местного населения по разрушению и разграблению храмов. В частности, материалы заседаний сельскохозяйственной артели им. Буденного Буланихинского сельского Совета свидетельствуют о том, что Михайлово-Архангельская церковь в селе была закрыта по инициативе местного населения. Главным обоснованием необходимости переоборудования храмов являлись неиспользуемые пустые помещения храмов и развитие советской культуры. Приведу в качестве примера наиболее показательные отрывки из высказываний артельщиков: «Товарищи, вы знаете, что культура развивается с каждым годом, а для этого нужен хороший клуб. У нас сейчас стоит церковь – она преет – не приносит ничего хорошего, и только вред. Вот мое предложение о церкви – передать под клуб. ...Товарищи, у нас сейчас дети ходят в две и три даже смены в школу, не хватает помещений, а у нас стоит церковь. Мое предложение простое – передать церковь под клуб, а в клубе, в старом открыть школу» [6]. На основании решений собрания артельщиков церковь в 1930 г. была передана под клуб. Сохранились воспоминания в Новой Чемровке об иконостасе разрушенного сельского храма: «Иконостас тогда был такой, позолоченный или покрашенный так хорошо. Отец его привез, я давай из него скворечник делать. Скворечник сделал. А тут дед у нас недалеко жил: «Да Иван, кого ж ты делаешь? Зачем иконостас режешь?» [7]. Однако негативное отношение к церковным святыням, религиозным праздникам и др. элементам православной культуры не являлось массовым явлением в крестьянской среде.

В условиях повышенного внимания как центральных государственных, так и местных партийных властей к атеистической работе, крестьянство, в силу устойчивости религиозных православных традиций продолжало придерживаться основных культовых элементов православия и христианского вероучения. Один из информаторов рассказала, что в условиях гонений на верующих, закрытием церквей местному населению, по образной оценке респондента, «приходилось хитрить». В частности, жители Новой Чемровки, после закрытия местного храма, посещали службы в Успенской церкви Бийска: «Ходили, тайком, пока эти – коммунисты еще спят» [8]. Причем от села до Бийска только по современным меркам, в условиях разрастания городского поселения – 14 км.

Отношение к церкви со стороны государства изменилось в годы Великой Отечественной войны. Неудачи Советских войск на начальном этапе войны, чувство отчаяния, растерянности способствовали поискам духовной опоры. Именно поэтому многие об-

ратились к церкви. В этих условиях правительство приняло постановление 28 ноября 1943 г. «О порядке открытия церквей» [9]. Как и в целом в России население Зонального района неоднократно обращалось к представителям власти с просьбой об открытии церкви. В рамках действующего постановления верующее население с. Плещково обратилось в совет по делам русской православной церкви при СНК СССР. В заявлении от 2 мая 1944 г. верующие детально обосновали необходимость открытия церкви: наличие религиозной общины, недействующего храма, желание осуществлять церковные богослужения: «В нашем селе – Плещково имеется церковь, каковая закрыта в 1937 г. Все внутреннее оборудование церкви в исправности, все принадлежности, материалы в сохранности... Мы обращались в район и край о разрешении открыть нашу церковь, то нам ответили: сколько человек имеется верующих в селе? 180 человек подписали заявление и доверили Масакову и Бражникову хлопотать об открытии церкви. Мы верующие – старики и старушки, желаем веровать и молиться Богу за здоровье наших красных воинов, которые изгоняют наших врагов грабящих родную Советскую Россию, хочущих превратить нас в рабов, истоптать славянскую веру» [10]. Однако верующим было отказано в открытии церкви. Уполномоченный совета по делам русской православной церкви при крайисполкоме – Сивко обосновал отказ следующим образом: «1. Ходатайство ни Бражниковым, ни Масаковым не подписано. 2. Из документов не видно от какой группы верующих действует заявителъ. 3. В заявлении делается ссылка на наличие церковного совета в числе 30 чел., тогда как церковный совет может быть организован только после разрешения открытия церкви и регистрации общины верующих» [11].

Тенденция восстановления православных храмов продолжалась и в первые годы после войны, но менее интенсивно. Процедура открытия церквей, в условиях стабилизации внешнеполитического положения СССР, значительно усложнялась. В силу нерешенности ряда процедурных вопросов, а также технического состояния церкви в Буланихе, верующим не только было отказано в разрешении открыть церковь, но, более того, храм был определен под снос. Так, 31 марта 1950 г. местным Советом депутатов трудящихся был утвержден дефектный акт здания церкви и подано прошение в крайисполком «разрешить снести здание бывшей церкви, лесоматериал использовать на топливо для школ, а частично пригодный использовать для строительства клуба в селе» [11].

Антирелигиозная политика советской власти, способствовала концентрации религиозных воззрений крестьян на микроуровне, где центром духовной жизни верующего крестьянина становился собственный дом, с традиционными атрибутами веры – иконами. В селах современного Зонального района наиболее устойчивые элементы сохранила традиция расположения в избе «красных» углов, божниц (фото 1). Как и в целом в России, наиболее почитаемым святым на Алтае является Николай Чудотворец. Именно поэтому в крестьянских домах, наряду с образами Спасителя, Божьей Матери одно из центральных мест занимает икона Николая Мирликийского. Как правило, наличие других икон в божнице варьируется в зависимости от ряда обстоятельств: почитаемого святого в селе; семейными традициями и т.д.

Образ святого Николая Чудотворца всегда занимал особое место в крестьянских божницах. В русской православной традиции св. Николай почитался как наиболее милосердный, творящий чудеса. В православной церкви Николай Угодник – прежде всего Чудотворец, поэтому, в отличие от других святых, которые избавляют от бед и наставляют на путь истинный используя «слово», Николай творит чудеса. Сознание крестьян представляет Николая, или как они его называют «Миколу», как покровителя живых существ. Особое почитание православными св. Николая предопределило и расположение икон в «красных» углах. В отличие от иисусного чина, где центральное место принадлежит Спасителю, Богородице и Иоанну Предтечи, крестьянские божницы вместо последнего содержат икону Николая Мирликийского.

Гонения на церковь способствовали усилению роли домашних икон. Так, еще в 1920-е гг., характеризующиеся антирелигиозной агитацией, верующие в сельской местности отказывались снимать домашние иконы. Так, А.Г. Черникова вспоминает: «Агитировали против церкви, учителя же говорили, что Бога нет. «Иконы снять надо» –

ходили. Но мы не снимали иконы. А кто их снимал?» [7]. Данная тенденция, выражающаяся в стремлении сохранить религиозные святыни, наблюдалась и в дальнейшем. Главными мотивами в отказе снимать иконы была их семейная принадлежность. Например, житель Новой Чемровки отказывалась снимать иконы, заявив политработникам: «Иконы не я вешала, не я снимать буду» [12].

Ломка системы распространения религиозных знаний среди населения за годы советской власти привела к утрате смыслового значения религиозных праздников, многих православных традиций, и религиозных святынь. В частности, информаторы безошибочно определяют изображение на иконах Спасителя и Богородицы, но в отношении остальных святых часто путаются и не могут обосновать свою позицию. Так например, Согрикова, уверена, что в домашней божнице кроме икон Иисуса и Девы Марии располагается Николай Угодник. Однако анализ иконописи показал, что информатор путает Николая Мирликийского и св. Пантелеймона.

Верующее население за годы советской власти вынуждено было скрывать собственную религиозность. Именно поэтому либо исчезли, либо трансформировались многие традиции, в том числе связанные с иконами. Так, согласно рассказам информаторов, в досоветский период существовала традиция помещения икон над входными дверьми в избу, в сенях. Входящие, перед тем как войти в дом осеняли себя крестом, просили о благополучии домочадцев. В настоящее время данная традиция почти полностью утрачена, но отдельные элементы сохранили смысловое значение. Небольшие иконы, как правило, Спасителя или Николая Угодника сельские жители помещают на подоконниках, причем лицом на улицу, в автомобилях. Делается это с целью предотвращения входления в дом «нечестивых людей», предохранения домашнего очага от «дурных» людей.

Устойчивый характер сохранила традиция украшения икон. В крестьянских домах иконы на божницах находятся в киотах, причем независимо является ли икона деревянной или изготовлена типографским способом. Икона внутри киота украшалась, как правило, яркими бумажными, реже – пластмассовыми цветами (фото 2). Вошло в практику и украшение икон елочными игрушками (мишурой). Вместе с тем до сих пор бытует в крестьянской среде украшение икон полотенцами. Как правило, вышитым полотенцем покрывали не отдельно взятую икону, а всю божницу.

В силу того, что за годы советской власти все традиционные способы распространения православного вероучения были утрачены, специфические черты обрели не только многие православные традиции. Народная память до сих пор хранит основные библейские сюжеты, которые под воздействием времени, запрета на распространение религиозных знаний обретали мифологический, не свойственный православным книгам характер. Правительственная политика, устойчивость православных традиций и др. факторы обусловили специфику восприятия и отношения крестьян к святым, Богу, Иисусу Христу, Богоматери.

Десятилетия гонений на верующих, свойственный крестьянскому менталитету практицизм обусловили особое восприятие Бога. Наиболее распространенными ответами на вопрос о том, кто такой Бог, являются ответы, связанные с проблемой чувственного восприятия: «А Бог его знает. Мы его не знаем, мы его не видим» [13]. В то же время, уверенность в существовании божественной силы, в крестьянской среде объясняется материальным воплощением всевышней воли. Бог любит, гневается, наказывает и т.п. Один из информаторов уверена: «А на небе кто-то есть. Попросишь, и все получится. ...Есть Бог, но мы его не видали» [12]. Устойчивый характер носит восприятие Троицы: «Сам Господь, Иисус Христос и Святой дух – мы молимся» [12]. Однако смысловое значение единства Бога в трех ипостасях утрачено.

Отсутствие знаний основных евангельских сюжетов определяет и специфическое отношение крестьян к Христу, Богоматери, святым. В частности, один из информаторов в Новой Чемровке всего за несколько посещений церкви наиболее эмоционально восприняла распятие, что позволило ей утверждать: «А Христосу голову отрезали» [13].

Таким образом, изучение православия в крестьянской среде свидетельствует о духовной тяге населения к Богу и вместе с тем о растущей православной неграмотности

как вследствие десятилетий уничтожения традиций распространения православного вероучения, так и медленного процесса возрождения духовных святынь.

Литература и источники

1. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2002 г.: Зональный район. Буланыха. Мокшин М.М., 1934 г.р., кассета № 69.
2. ЦХАФ АК ФР. 834. Оп. 4. Д. 746. Л. 438.
3. Там же. Л. 244.
4. Там же. Д. 742. Л. 147.
5. Там же. Д. 746. Л. 260.
6. Там же. Д. 742. Л. 164.
7. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2002 г.: Зональный район. Новая Чемровка. Черникова А.Г., 1926 г.р., кассета № 17.
8. Там же. Согрикова А.Х., 1918 г.р., кассета № 1.
9. Цеханская К.В. Россия: тенденции православной религиозности в ХХ в. (статистика и реальность) // Этнографическое обозрение. 1999. № 5. С. 63.
10. ЦХАФ АК. ФР. 834. Оп. 4. Д. 751. Л. 66–66 об.
11. Там же. Л. 66 об.
12. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2002 г.: Зональный район. Новая Чемровка. Согрикова А.Х., 1918 г.р., кассета № 1.
13. Там же. Михальцова А.И., 1910 г.р., кассета № 15.

Н.С. Грибанова, Л.Н. Высоцкая, В.А. Мякишев

ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ, КОЛДОВСТВО И ЗНАХАРСТВО В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ ЗОНАЛЬНОГО РАЙОНА

Неотъемлемым элементом традиционной культуры являются народные представления о среде обитания, о духах ее населяющих, а также о людях, обладающих особыми способностями. Стремясь понять загадочные и необъяснимые явления, люди искали их первопричину. Так рождались мифологические образы и сюжеты, передаваемые от поколения к поколению и сохранившиеся до наших дней.

В ходе историко-этнографической экспедиции собран обширный материал по исследуемой проблеме в селах Соколово, Савиново, Комарово, Новая Чемровка, Шубенка. Полученные источники позволяют рассматривать мифологические представления населения на протяжении всего ХХ в. Вспоминания респондентами рассказов родителей, а также их собственные наблюдения и опыт позволяют выявить бытование и степень сохранности народных верований о существовании домовых, русалки, бесов, нечистой силы, а также колдунов и знахарей.

Одним из наиболее ярких демонологических образов является домовой. На протяжении многих веков люди жили с убеждением, что в их доме рядом с их семьей живет «чечто», что охраняет их дом, семью, хозяйство и называли его «хозяин», «домовой-соседушка», «домовой-хозяюшка». Домовой в восточно-славянской мифологии – дух дома. Его присутствие, по мнению информаторов, обязательно в каждом жилом доме. Поэтому, переезжая в новый дом, хозяева должны позвать с собой домового, сказав при этом три раза «домовой, домовой, пойдем с нами» [1]. Е.П. Алексенцева, жительница с. Савиново рассказывала, что как-то «люди переезжали в новый дом и не позвали с собой домового. С тех пор, как они не зайдут в старый дом, слышат стон» [1]. Однако хозяину могло не понравиться новое жилище и в этом случае он всячески проявлял свое неудовольствие: «однажды, когда я была совсем маленькой, мы переехали в новый дом. Как-то ночью мне стало душно. Тут я хвать рукой и схватила кого-то лохматого и мокрого. Размером он был примерно с овцу, но я его не разглядела, как следует, и он

исчез. Так вот, если домовому не понравится в новом доме, то он будет тебя каждую ночь душить» [1].

По мнению информаторов, каждый домовой обладал особенным характером. Его поведение зависело в первую очередь от отношения к жильцам дома и к домашним животным. При этом враждебное отношение проявлялось в различных негативных поступках, а доброжелательность – в действиях положительного характера или вовсе в их отсутствии. «Если с ним хозяева дружат, то он всегда предупредит об опасности, а то и предотвратит, поможет по хозяйству, борется с нечистой силой, ненароком заглянувшей в дом», – рассказывала К.И. Струкова. По мнению Е.И. Симоновой, домовой может предупредить о беде: «однажды мои соседи услышали стон в переднем углу, да соседка и спросила «к чему?». А домовой и ответил «К худу, к худу». Так у соседей действительно несчастье случилось» [9]. Однако иногда домовой мог просто «пакостить» без определенной цели. «Если домовой начинает сильно допекать и пакостить, то его можно успокоить, поговорив с ним вежливо» [3]. В случаях, когда домовой начинал душить, отмечают два способа избавления. В первом случае читали молитву, во втором – ругались на него матерными словами.

Домовой являлся людям в различном обличии. Информаторы, не встречавшиеся с ним, описывают его как маленького и мохнатого старишку с капризным характером и неспокойным поведением. Те же, кто так или иначе общался с хозяином, характеризуют его как «нечто» неопределенной формы «мягкое, волосатое» [10], «лохматое, мокрое» [1]. Нередко домовой являлся в облике человека – главы семьи или старшего родственника и выполнял его работу по хозяйству. К.И. Струкова рассказывала: «Один раз выскакиваю (на улицу), а вот как бы свекр мой стоит, на ограду навалился. Я как рванула назад. Пришла – пощупала – дед лежит. Он: «Че ты?». А я говорю: «Пойдем, я на двор хочу». Вышли – никого нету» [10]. Г.П. Вишняков вспоминал, как рассказывала мама: «Два раза видела хозяина. Такой же дед, как наш, такая же одежда, такая же шапка, вилы. Ходит по пригонам таскает солому или сено – коней кормит» [5]. В других случаях домовой напоминает о себе, издавая различные звуки (стон, грохот) или совершая какие-либо действия. Примером служит рассказ А.П. Кучерова: «Меня самого донял. Его не видишь, ходит гремит, стучит. Спать не дает, то за ноги тянет, то дует воздухом морозным» [7].

Домовой, в представлении крестьян, не только хозяин дома, но и двора и хозяйственных построек. Деятельность домового во дворе заключалась в уходе за скотом и его охране. Однако часто встречаются сюжеты о неприязни домового к тому или иному животному: «какую (лошадь) залюбя – она блестить, а какую не залюбя – каждый день мокрая – он ее гоняет» [5]. Особенно осторожно подходили к покупке нового животного. Чтобы добиться расположения хозяина к вновь приобретенному животному обращались к нему с просьбой и одаривали хлебом. «При покупке черной коровы нужно сказать: «Хозяин, хозяин! На тебе кусочек хлебушка, береги нашу черную коровушку» [3]. Зная, что домовой не любит новорожденных телят, ягнят хозяйки особенно внимательно ухаживали за ними и старались показать уважительное отношение к хозяину. А.С. Рыбникова рассказывала: «Когда у меня корова отелится, я занесу теленка и скажу: домовой-соседушка, прими. Это, чтоб теленок здоровый был» [8]. Домовой сопровождал животных и на выпасе. «Когда корову выгоняешь в поле, надо сказать: «Домовой-хозяюшка, мою корову прими в чистое поле. Накорми, напои, да домой приведи» [8].

С верой в домовых связаны также разнообразные веселые случаи. А.С. Рыбникова рассказала такую историю про своего соседа: «однажды сосед остался один дома. Его жена поставила закваску на хлеб, да кинула квашни побольше. Закваска, когда стала подходить, то начала пыхтеть. Сосед подошел к печи и сказал три раза: «Пышкишь, Пышкишь, я тебя не боюсь». Возле печи кочерга стояла, и когда сосед отходил от печи, задел ее, и она его ударила. Он испугался, как завопит и бежать из дома. В торопах он захлопнул дверь так, что та ему бороду прищемила. Тут сосед как заревет: батюшки, соседушки, меня домовой держит. Соседи прибежали и увидели, что его бороду дверь прищемила. Так над ним долго смеялись» [8].

Села Соколово, Комарово и Савиново расположены по берегам рек и вблизи леса. Возможно, поэтому в народной среде бытовало множество легенд, связанных с русалками и лешими. К сожалению до настоящего времени дошли немногие из них. Так, А.В. Белорусова рассказывала: «Однажды один мужик ехал из лесу с дровами, переезжал реку. Тут лошадь как зафыркает, забывает копытом о землю. Мужик взглянул на берег, а там русалка сидит, да рукой машет» [2]. Описание русалок традиционное: молодая девушка, стройная, красивая, с длинными волосами и хвостом вместо ног. Русалками всегда пугали детей, которые не слушались родителей. Детям не разрешали подходить к воде, говорили «русалки утащут» [2]. В отличие от домового, в которого верят до настоящего времени, русалок сегодня чаще считают существами вымысленными. Значительно меньшее место в мифологических представлениях занимает дух леса – леший. Удалось записать только один сюжет в Савиново «Идет мужик страшный. Идет и горящую головешку вверх подбрасывает» [2]. Русалки и лешие в представлениях людей – существа опасные, вредящие человеку в лесу и на реке.

Но наиболее опасен бес – злой дух, который подстерегает человека, где бы тот ни находился. Беса, по мнению К.И. Струковой, можно вызывать заклинаниями, а избавиться от него очень сложно. Вызывая беса, человек заключает договор с нечистой силой и обязательно должен выполнить все условия договора, иначе бес доведет его до смерти. Так, в селе Шубенка был случай: у одной женщины были проблемы со здоровьем, и ей подвернулась газета с различными заклинаниями, в том числе и для вызова беса, который лечил за деньги. Вызвала она беса, он ее вылечил, но она не заплатила ему. Но бес не исчез, а стал досаждать ей: «сидит он у меня на плече и говорит: «долго не сиди и не разговаривай ни с кем». «Она по больницам – лечиться начала. А он ей сказал: «Ты или утонешь или сгоришь, раз ты пожалела деньги – все». Так и случилось: «пошла – нашла бензину и подожгла себя. Ее завернули в палатки, повезли в больницу, а она говорит: «Не возите меня – смерть моя такая. Я все равно умру». Померла. И он (бес) давай его самого (мужа) мучить» [10]. Изгнать беса можно только с помощью освящения жилища: «да он привез батюшку, все из шифоньера выбросил, все везде пооткрыл, все подполы, все сараи – посвятил, тогда только он удалился. Теперь он ходит по селу» [10]. По мнению респондентов, бес не вселяется в человека, это существо невидимое окружающим, но человек, который вступает с ним в контакт видит или ощущает его присутствие, слышит его голос. Бес пробуждает в человеке пороки и часто доводит до самоубийства: «один вены себе перерезал, другая пьет» [10]. Избавиться от него можно лишь с помощью покаяния и молитв: «иди в церковь – кайся, что ты с ним знакома и с ним разговариваешь» [10].

В настоящее время продолжают бытовать представления крестьян о способностях птиц вещать – предупреждать о хороших или плохих вестях и событиях. А.С. Рыбникова рассказывала, что сорока ей однажды беду «начиковала». «Как-то в августе, когда я была на дворе, сорока села на крыльце, на самую кромочку и давай «чикотать». А я от людей слышала, что, если сорока начинает «чикотать», то надо сказать: если к вестям, то посиди, если к гостям, то улетай. Я это сказала, а сорока «чикотит» и кланяется. Так она около часу просидела. После этого мне такие вести пришли, что со мной удар был. Вот так она и «начиковала» мне эта сорока» [8].

Значительное место в общественной жизни села начала XX века принадлежало колдунам, ведьмам и знахарям. В настоящее время все еще сильна вера в существование людей, способных лечить и наводить порчу. При этом респонденты не всегда используют принятые в литературе понятия «захарь» и «колдун». Часто называют таких людей «Дед», «Бабка», «Кадинья (или Кадюнья)», иногда используют прозвища: так в Шубенке еще помнят «Петчиху» (Петкова).

Нет четкого разграничения способностей и характера магической практики: колдун – плохой, черный; знахарь – хороший, белый. Нередко один и тот же человек, по мнению респондентов, мог и лечить и порчу наводить. Житель села Новая Чемровка С.Е. Князев рассказал о такой женщине: «Была Кадинья – говорили про нее всякую – всячину, ...что на метле летала. Я соприкоснулся однажды с ней. Лет 13–14 мне было. И вот приключилась в боку – нарвы, шишка. Тогда говорили кила, кила – это кто-то

напустил, значит. Мучился, метался. И кто-то, нет, даже она сама: «Наталья, у тебя Семка-то болеет. У него кила. Ты никому не говори, я вечером приду». Она пришла, пошептала, поводила. «Ничего, — говорит, — сынок, к утру легче будет». И после ее ше-потков все вытекло и я через неделю встал и пошел» [6]. Жительница села Новая Чемровка М.Ф. Черникова утверждает, что ее мама занималась только лечением. К ней обращались больше всего с детскими болезнями. «От уроков» лечила заговорами, «что-то пошепчет, смотришь ребенок поправляется» [11]. Для избавления от грыжи использовала рыбий жир, на который «что-то наговаривала, молитвы читала». «Огу-ник» лечила следующим образом: «брала уголь древесный. Разожжет — уголь горит. Ребенку завяжут глаза, она уголь берет и к бороде и приговаривает: «огонь — огонь, возьми свой огонь». Дует горячий, а ребенку даже приятно, оно зудится когда болит. И вот раза два-три придут и бородка подживает» [11].

Колдунов называют опасными людьми, продавшими душу дьяволу, и смысл их жизни — причинение вреда другим людям: «если знают колдовство, им нет терпенья» [10]. Чаще всего это выражалось в наведении порчи на человека в виде опухоли — «килы»: «то в рот посадить шишкы, то под мышки, то в ногу» [10]. При этом напускали килу чтобы навредить конкретному человеку или просто пускали по ветру: «Они выходят — лети на Маньку, лети на Ваньку, лети на Гришку, на Никишку. То ли у них положено: как выходит — должна посадить на кого-нибудь. А уж если зло на кого имеет — это она обязательно» [10].

Другим распространенным способом вредительства является падеж скота. Например, житель села Шубенки Г.П. Вишняков рассказывал случай, произошедший с его отцом: «Свои кони были — кони дохли. Он запряг коня, поехал в Комарово к старику. Старик говорит: «Отпрягай,nochуй, утром тогда уж поедем». Наутро приехали, отпрягли, позавтракали с ним. Я говорю: «Дедушка, ну скоро он придет-то?». Он поглядел на меня: «Нет, он не придет. Я ведь знаю у вас будет борьба, ты ему будешь мстить. А это ты не знаешь и не знаешь» [5]. С тех пор падеж лошадей прекратился.

По свидетельствам респондентов, ведьмам и колдунам свойственно пугать людей в ночное время суток, превращаясь для этого в животных или различные предметы. Г.П. Викулова считает, что «превращаются они для того, чтобы от чертей спрятаться». Рассказы о случаях превращения колдунов в большинстве своем построены по одной схеме. Типичным примером является следующий сюжет. «Вот тут у нас одна жила, у реки вот тут — Петчиха. То свиньей сделается, то овечкой сделается. Тут один раз ее ребята поймали: свинья и свинья, идешь — она под ногами путается, визжит. Они ей уши отрезали. Ну, говорит, завтра посмотрим. Пришли, а она лежит, хворает. А они платок с нее стащили, а у нее уши-то отрезанные. И она перестала ходить» [10]. Е.П. Алексенцева рассказала быличку, бытую в селе Савиново. «Жила у нас в деревне бабка Марья, могла она превращаться в собаку. Как-то она превратилась в собаку, а один парень смелый был, да и выстриг у нее клок шерсти. Однажды внучка вытаскивала вшей у бабушки и увидела, что у нее выстрижен клок волос» [1].

Люди как правило обращали внимание на необычное поведение животных и старались избежать встречи с ними — спрятаться, либо поймать. Г.П. Вишняков рассказывал о случае, произошедшем с его отцом: «Свинья за нами, нас много было, человек десять, давай, говорит, поймаем ее. Где там ее поймаешь — она убежала. Раньше свиньи паслись за оградой днем, а ночью у ворот лежат. Все обошли — всех свиней подняли, черной свиньи не нашли» [5].

В других случаях животное, преследовавшее человека по дороге домой не вызывало никаких подозрений. Колдуны использовали это, чтобы прокатиться на человеке. «Шел мужик — ягушка (ягненок) под ногами: «вя-вя, вя-вя». Он говорит: «то ли откель отстал?». Взял ее и таша. Ташил, ташил, а у нее уж ноги до полу. Он как ее бросил, а она захохотала, да убежала» [10].

Нередко колдуны оборачивались различными предметами. К.И. Струкова рассказывала, как возвращаясь поздно домой, ее дядя увидел на дороге клубки ниток и решил подобрать: «соберу-ка я эти клубочки старухе на чулочки». Положил их в мешок и донес до самого дома, как почувствовал, что нести стало тяжелее, «бросил, а она из

мешка выскочила и убежала. Он сразу понял, что нес колдуны [10]. Любопытный сюжет поведал Г.П. Вишняков: «Идем, телега прет: оглобли поднятые, на телеге бак, никого нету. Один взял стежок (палку) и по баку. Она пробежит туда, разворотится и опять этим ходом. А потом взял по колесу звезданул – и все: убежала и больше нет» [5].

По мнению респондентов, колдовством занимались обычно женщины. Однако известны рассказы о мужчинах колдунах. При этом чаще речь идет о старице, отводящем порчу, оказывающем помощь или наказывающем по заслугам. Любопытный сюжет рассказал Г.П. Вишняков, случившийся с его отцом и еще двумя мужчинами, возвившимися на лошадях просо из Бийска на Соколовский спиртзавод. «Остановились покурить. Идет старик – на нем фуфайки рваные, а один подходит и говорит:

- Дедушка, давай «в крючки» поиграем.
- Нет, не стоит играть-то.
- А че ты испугался?
- Да я то не боюсь, ты бы как бы не испугался.

Он пошел, а мы покурили, поехали. Смотрим наш мужик-то помирает. Мы просо на одну лошадь расклали и вдогон за стариком. Догнали:

- Дедушка, ты че сделал над мужиком?
- Ничего я не делал.
- Дедушка прости, ведь он молодой, дурак, прости его.
- Ладно езжай, да больше со старым человеком «в крючки» не играй.

И стал нормальным, а не догнали бы – решился» [5].

Анализ полевых материалов позволяет предположить, что среди колдунов была особая негласная иерархия: более сильный и опытный мог по своему усмотрению влиять на менее сильных, которые в свою очередь должны были уважать его волю. Примером служит следующий рассказ о старице, умеющей «колдовать и лечить»: «Сидим, говорит, разговариваем. Одна забегает, молодая, упала старику в ноги, на колени прям – шумит:

- Дедушка прости, дедушка прости.
- Ты че? Я тебя за что буду прощать? Ты че мне сделала?
- Нет, она орет: «Дедушка, прости».
- Ну дедушка долго ее манежил, потом говорит:
- Ладно, иди и больше не пакости, а будешь пакостить – я тебя совсем уморю.
- Кому-то присаживала килу» [5].

Способы получения эзотерического знания были различными. «Этому либо участься, либо с рождением дается. Порой и не узнаешь, откуда в тебе эта сила берется» [4]. Наиболее распространено мнение, что колдун передает свои способности другому человеку: при жизни или непосредственно перед смертью. При жизни, видимо, колдун должен был учить избранного человека своему мастерству. «У Петчихи было пять детей. И старшая с ума сошла, когда она ее учить стала. Она (дочь) сперва не хотела, потом она (мать) ее втянула» [10]. Способ передачи перед смертью очень прост – через прикосновение. «Одна бабка очень долго и мучительно умирала, при этом постоянно говорила: «На-те! на-те!». Ее дочь возьми да скажи: «Давай!». Бабка эта умерла, а дочка после этого узнала, что может превращаться» [1]. Респонденты уверены, что колдун не может спокойно умереть, пока не передаст свои знания. В этом случае «выворачивали потолок» или приглашали батюшку «отчитывать». О таком случае рассказывала К.И. Струкова: «У нас тут одна приезжая была, неделю умирала. Так привозили батюшку – всю семью ставили на колени и он часа два, наверное, читал. Специальная молитва есть такая. Тяжело, конечно, читать, но отчитывал батюшка» [10].

Анализ всех записанных сюжетов позволяет выявить способы воздействия человека на колдунов и защиты от порчи. Чтобы избавиться от преследования колдuna, превратившегося в животное, необходимо оказать на него какое-либо физическое воздействие: ударить, поймать. Для того, чтобы колдун навсегда перестал обращаться в кого-либо, по мнению большинства респондентов, необходимо было разоблачить его. Видимо, с этой целью у свиньи отрезали уши, у овцы и собаки выстригали клок шерсти или привязывали животное к забору, «а наутро человек окажется» [7]. Наиболее действенным средством защиты от порчи считаются молитвы в сочетании с определенными

действиями. Нужно «выходить из избы, браться за скобку: «Господи, благослови, во имя Отца и Сына и Святого Духа Аминь» и выходить на улицу [10]. При воздействии нечистой силы всегда обращались за помощью к священнослужителям.

Отношение большинства респондентов к колдунам скорее нейтральное, нежели негативное. Видимо, присутствие колдунов в селе – явление обычное, не вызывающее никаких сомнений и беспокойства. Интересно отметить также тот факт, что часто респонденты передают когда-то услышанные истории, говоря при этом: «Я то не видел, рассказывали» [5]. Любопытно, что рассказывая о встрече с колдунами, нередко оговариваются: «А второй шел мужик, тоже пьяный» [10].

Источники

1. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2002 г.: Зональный район. Савиново. Алексенцева Е.П., 1922 г.р., кассета № 64.
2. Там же. Комарово. Белорусова А.В., 1935 г.р., кассета № 53.
3. Там же. Шубенка. Вдовина Е.И., 1920 г.р., кассета № 93.
4. Там же. Савиново. Викулова Т.П., 1917 г.р., , кассета № 56.
5. Там же. Шубенка. Вишняков Г.П., 1921 г.р., кассета № 85.
6. Там же. Новая Чемровка. Князев С.Е., 1930 г.р., кассета № 16.
7. Там же. Шубенка. Кучеров А.П., 1921 г.р., кассета № 85.
8. Там же. Соколово. Рыбникова А.С., 1909 г.р., кассета № 62.
9. Там же. Симонова Е.И., 1917 г.р., кассета № 60.
10. Там же. Шубенка. Струкова К.И., 1931 г.р., кассета № 83.
11. Там же. Новая Чемровка. Черникова М.Ф., 1927 г.р., кассета № 13.

Е.А. Басалыгина

ПОВСЕДНЕВНОЕ ПИТАНИЕ КРЕСТЬЯН БИЙСКОГО ПРИОБЬЯ В 1910–1920 ГОДЫ

Секреты русской кулинарии передавались из уст в уста от одного поколения к другому, сохраняясь в веках. Однако со временем одни рецепты утрачивались, другие изменялись, появлялись новые. Как же установить, что является исконно русским, а что заимствовано. Сибирь славилась прежде всего своим достатком и «сытостью». Переселенцы стремились сюда в надежде, что Сибирь их накормит. В ходе историко-этнографической экспедиции нами собраны материалы по повседневному питанию крестьян Зонального района.

Питание является необходимым составляющим компонентом нашей жизни. Крестьяне, выполняющие тяжелую физическую работу, соответственно и питаться должны были хорошо, разнообразно и калорийно.

Основу питания традиционно составляли хлеб. Пекли только пшеничный, ржаного не было. Но он отличался от современного – это хлеб из муки грубого помола, в отдельных случаях с некоторой примесью отрубей. Хлеб ежедневно выпекали утром. Квашню (тесто на хлеб) ставили в ночь. Ночью поднимались несколько раз, подбивали ее. Для теста обязательно нужна опара, ее заводили не ежедневно, а раз в 3–4 дня. Для опары нужны, прежде всего, дрожжи, которые тоже варили сами. «Хмель отварить, потом добавить 2 литра воды, потереть туда картошку и добавить немного муки. Чуть-чуть влить закваски (старых дрожжей)» [2]. Дрожжей делали сразу на несколько опар и хранили в подвале.

Хмель рос в мелколесье да по забоям. Заготавливать его ездили ближе к осени, как правило, попутно с уборкой зерновых. «Хмель ездили летом на пашню заготавливать. Он же выется на кусты, вот его шишки рвали да сушили», – рассказывает С.С. Казанцева [4].

Кроме хлеба из квашни на завтрак часто пекли лепешки, особенно если мужчинам нужно было рано уезжать по каким-либо хозяйственным делам из дома. «Делали галушки. Раскатывали сочни и нарежешь клеточками и варили, а потом ели кто с чем, кто с маслом, кто с перцем и солью, кто как любит», – рассказывает К.А. Казанина [3].

В соответствии с традицией народов – земледельцев и под влиянием православия, требующего постования, важным составляющим компонентом рациона питания были каши. Преимущественно готовили гречневую, пшеничную, перловую каши. Их обычно варили на завтрак. На обед же обязательно готовили жидкое блюдо. «В чугун сложат все: капусту, картошку, морковь, поставят в печь, он упреет – вот и суп», – рассказывает Е.И. Вдовина [1]. На ужин доедали то, что оставалось от обеда.

Поддержанию физической силы и ощущению сытости способствовало употребление выпечки и изделий из муки. В семьях с достатком часто пекли большие пироги – на всю сковороду или лист. Пироги были с картошкой, капустой, черемухой. «Курники мама делала, раскатала тесто на сковороду, туда мясо куриное, гусей, уток, маленько картошки и в печь», – вспоминает К.А. Казанина [3]. Стряпали в каждой семье помногу: «Печь каралек, печь пирогов, печь булок». На праздники же пекли маленькие пирожки с черемухой, маком, стряпали шанежки – это булочки, как ватрушки. «Шанежки всякие и картовны и тыквенны и свекольны» [3].

На праздничный стол подавали стружки и пустышки – калачики на яйцах без соли. Заводили их по специальному рецепту, который сейчас уже мало кто помнит.

Часто по воскресеньям в семьях пекли блины. «Блины – это первое кушанье. Блинов заводили ведро, пекли на двух сковородах, только успевали печь натопить. Так она снимать не успевала. А все сидут, одному белые, другому зажаристые. Мама скажет, у нас сестра двоюродная жила, скажет ей: «Ты уж им потолще пеки, а то, когда их накормишь? Вот заводили потолще, нас накормят, а тогда уж водой разбавляют, потоньше для гостей», – рассказывает К.А. Казанина [3]. С.С. Казанцева вспоминает: «Блины по воскресеньям и праздникам. Заводили на яйцах или кислы. Тесто отложишь, да заквасишь, пекли толсты, таки мягки. Всякие пекли и гричушины еще. Гречку же тоже мололи. Разводили молоком: хоть и кислые» [4]. Все информаторы утверждают, что рецепт пресных блинов сохранился без изменений до сегодняшних дней.

Очень популярным блюдом являлись кисели, особенно в пост. «Чем семью таку кормить». Кисели варили белые, из хлеба или овсяные. «Разведешь, процедишь, потом вода закипит, туда выльешь и мешаешь. Вот и кисель» [4]. Одним из любимых лакомств был калиновый кисель: «Его делали в печке. Кипяченой водой разводят муку и насыпят калины сырой, непареной, и в печь, там он упреет коричневый, кусочком макали» [3].

Одним из наиболее любимых блюд была кулага. Ее делали сразу в нескольких корчагах. «Кулагу делали на солоду или ржаной муке. Заслонку даже замажут. Вот она дня три там упревает, иногда добавляли калину. Ждут, чтобы засололела – вязкая кулага», – рассказывает М.Ф. Демина [2].

К.А. Казанина вспоминает, как была маленькая: «Я рано вставала и к маме: «Мама пеночки». Там пеночки были вкусные. А мама скажет: «Вы все пеночки съедите, а кулага-то будет несладка». Она ой, страшно сладкая была без сахара, без всякого. Булочки какие-то пекли, потом в корчагу водой заливали, и она напревала в печи. Потом мама нальет в чашку и кусочком макали, ложкой нельзя. «На вас не наделаешься», – скажет мама» [3]. Несмотря на то, что кулага всем так нравилась, никто не помнит полного рецепта. Точно известно, что ее делали на солоде. Солод же получали следующим способом: пшеницу замачивали, чтобы она чуть проросла, затем ее сушили на листе и мололи. Из этого же солода делали квас. Квас пили и зимой и летом. Летом его хранили в погребе, чтобы всегда был холодным. Существовало множество рецептов приготовления кваса. Пожалуй, у каждой хозяйки был свой секрет. Е.И. Вдовина, поделилась двумя рецептами: «Булка ржаного хлеба на ведро воды, изомнешь и стакана два сахару, кипятком заливать. Вечером немного дрожжей добавишь и сутки постоит. Или из ржаной муки. Муку заваривали кипятком, постоит и дрожжами заквасить» [1].

Мясо занимало второстепенное место после мучных, крупяных и зерновых продуктов. Ели свинину, говядину и баранину. Забой скота производили зимой, поскольку легче хранить мясо. Его подвешивали на улице, в амбаре. Летом много мяса не держали, кололи скот только в случае особой необходимости: «На покос мужикам надо овечку заколоть». Летом мясо хранили в погребе, куда предварительно весной накидывали снег. Для хранения засаливалось и сало свиное. Его солили солью в ящике, добавляли чеснок и держали пока не усолеет. «Резали ветчину и ели с кусочком, чай пили», — рассказывает С.С. Казанцева [4].

Реже сало коптили. «Коптильня была — железная бочка. В бочке проволоки, снизу труба. Топили черемушки и яблочны дрова складывали, так коптили сало, мясо солили и коптили с костями» [1]. Вопреки распространенному мнению о том, что в Сибири ели очень много «пильменей», информаторы Зонального района утверждают, что готовили их нечасто, только по праздникам.

Еще одним важным составляющим рациона питания крестьян было молоко и молочные продукты: творог, сметана. Излюбленным кушаньем из молока был варенец. «Варенец в печке варили. Томили молоко, заквашивали сметаной», — рассказывает Е.И. Вдовина [1].

Широко так же была распространена традиция чаепития. В чай добавляли различные травы, например, душицу, чебрец, листья смородины. М.Ф. Демина вспоминает: «Мать чагу пила. Березовый сок нарастает и становится черным. Его отламывают и в чай» [2]. Чай с травами становился вкуснее и ароматнее.

Из спиртных напитков пили брагу и пиво, а позже стали варить самогон. «Кадки целые ставили на муке. Кадочки большие завернут в половик, так их аж рвало. Потом цедить начнут. Она пригорает, приспособление-то не было. Да больше уезжали в степь, чтоб не поймали, там цедили, и я с папой ездила. Сестре на свадьбу цедить, она у нас летом выходила», — рассказывает С.С. Казанцева [4]. Однако, по утверждению информаторов, спиртных напитков употребляли в рассматриваемый период мало.

Как мы видим, пища крестьян была не особенно разнообразной, но сытной и очень калорийной, что было вызвано ежедневной тяжелой физической работой. Ассортимент определялся семейным производством, а меню религиозными, сезонными и в определенной степени социальными (достаток) факторами.

Источники

1. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ: Зональный район. Шубенка. Вдовина Е.И., 1920 г.р., кассета № 79.
2. Там же. Новомихайловка. Демина М.Ф., 1929 г.р., кассета № 105.
3. Там же. Луговское. Казанина К.А., 1917 г.р., кассета № 28.
4. Там же. Казанцева С.С., 1907 г.р., кассета № 30.